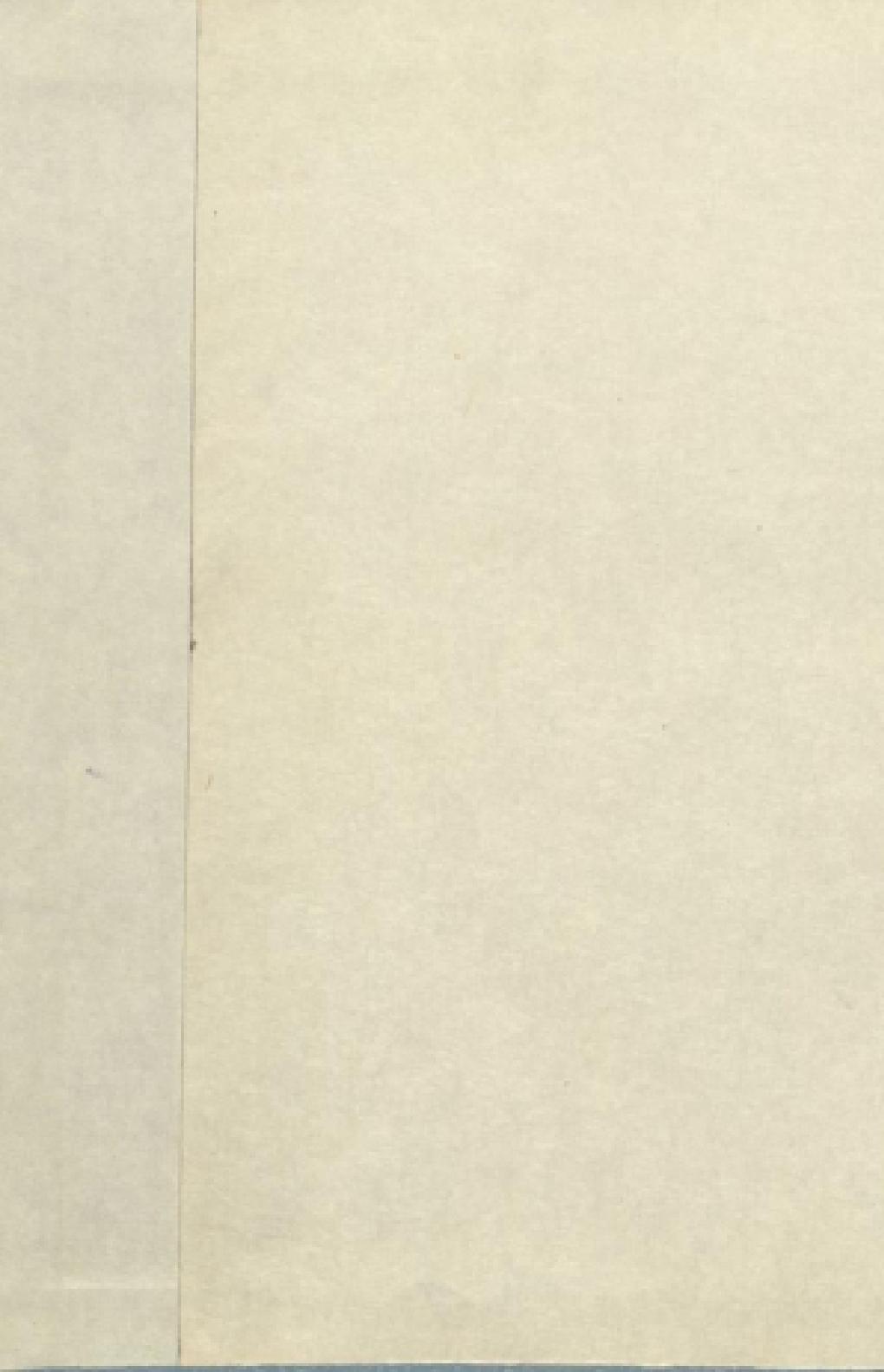

Op 91
B 54

С.А. Смирнова
И.Н. Никонов
Сборник стихов

P95-586462

ОФ 91

198.3.13.

В 54

394-3-

57

Л. Л. НЕПЛОЕВЪ,

ВЪРНЫЙ СЫНЪ СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА,

ОСНОВАТЕЛЬ ОРЕНБУРГА

и

УСТРОИТЕЛЬ ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ.

БИОГРАФИЧЕСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬБОМЪ.

СЪ СПРАВЛЕНИЕМЪ ПЕРСОНАЛИЯ И ФОТОГРАФИЕЙ
ПОДПИСЬЮ ПО СРЕДѢ ДАКІЙ.

ВЪ 300-ю юбилею существованія Уральскаго назначеннаго вѣза.

СОСТАВЛЕНО

В. Н. ВИТЕВСКІЙ.

изъ упомянутыхъ бывшемъ доиногъ, вскихъ и гравированныхъ уні-
кълъ памятъ, споминъ ордено, компанъ и породы всѣхъ
Оренбургскаго, Туранскаго и Калмыкаго губерній скрепами.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.
1854 г.

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Книги пред. выданы

196586462

255

жк

РФБ 586Н62 394-3-4. Op 91
 198.3.13. 854

П. П. НЕЛЮЕВЪ,

+ Op 4

ВАРНЫЙ СЛУГА СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА,

ОСНОВАТЕЛЬ ОРЕНБУРГА

и

УСТРОИТЕЛЬ ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ.

БИОГРАФИЧЕСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СПЕЦЕРТ.

ОТ ВРЕМЕННИКА ПОРТРЕТА ИЗДАНІЕ В РОДНОМЪ МѢСѢЦѢ
 ПОТОМОКЪ ПО ПРЕЖНІЙ ЛІНІї.

ВЪ 300 л. обложко существованія Уральскаго казачьаго войска.

СОСТАВЛЕНО

В. Н. ВИТЕВСКІЙ.

Для ученійскихъ библиотекъ, музеевъ и гравировокъ учебныхъ заведеній, ставившихъ правилъ, начинавъ и передававъ школы
 Оренбургскаго, Тюменскаго и Казанскаго учебнаго округовъ.

ОРЕНБУРГСКАЯ-ОБЛАСТНАЯ
 БИБЛИОТЕКА Н. Н. НЕЛЮЕВА

КАДАНЪ

Типографія Императорскаго Университета.
 Е м б. 6. 1.

516462

Л И Т Е Р А Т У Р

ЛІТЕРАТУРНА МАГАЗИН

ООНДАСТАЛЬ ОЧИКАВАТЬ

и

АСТРОНІМ ПРЕЧАРДКІЛО КРАІ

Печурко дозволено, Казань 15 Іюн 1891 року.

Імператорській Казанський Університет

дозволяє використовувати це видання в усіх ви

навчальних заведеннях

Імператорського Казанського Університету

дозволяє використовувати це видання в усіх ви
навчальних заведеннях його підпорядкування, а також
в усіх вищих техніческих училищах та інженерних
школах, які підпорядковані йому.

ОЧИКАВАТЬ
ВІД

ОТЪ АВТОРА.

(ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ).

(ВЪСТО ПРЕДИСЛОВІЯ).

„Цю прізвість сказав Нам
о мирі в устроєні Нашого Орен-
бургського края, и о чесноті, чубер-
ниторі, любові родині, за чиє
Ми тоба благодарствуємо“.

(Императорша Елизавета — Петровна).

Обычай прославлять подвиги своихъ соотечественниковъ, на сколько бы поприще они ни были совершенны, и особенно подвиги, выходящие изъ ряда обыкновенныхъ, всегда былъ присущъ народу, стоявшему на большей или меньшей степени развитія,—это благороднейшія черты народа. Россия также не забываетъ своихъ доблестныхъ мужей, но общепріоритетъ у нихъ болѣе всего доступна замѣтительнымъ полководцамъ, выдающимся писателямъ и первокласснымъ поэтамъ. Не такъ счастливы изъ этого отношенія люди ученые, замѣтные администраторы и дипломаты: имена и лѣти ихъ почти исключительно известны только побольшому кружку людей, большинство же даже образованнаго класса или ничего о нихъ не знаетъ, кроме имени, или же знать очень мало. Между тѣмъ эти люди во время своей жизни достаточно и ревностно трудились для блага Россіи, или какъ служители нации,

II МОЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ НИКИФОРЬЕМ.

или какъ охранители общественнаго порядка и наѣшней безопасности государства, безъ чего не возможны ни благосостояніе, ни мирное развиціе человѣческихъ обществъ на землѣ. Къ числу такихъ замѣтительныхъ, но мало известныхъ администраторовъ принадлежатъ Иванъ Ильиничъ Неплюевъ, основатель чисто-щаго Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края изъ прежнемъ его состава, когда онъ простидался съ З. на В. отъ средней Волги до Аравльскаго озера-моря, и съ С. на Ю. отъ Екатеринбурга до Каспийскаго моря.

Съѣтный и въ высшей степени симпатичный образъ И. И. Неклюева привлекъ къ себѣ мое вниманіе еще въ юности, въ университетской скамье. Исплюевъ былъ не только опытный морикъ, храбрый воинъ, искусный инженеръ, мудрый дипломатъ, энергичный и умный колонизаторъ, но и прекрасный отецъ семейства, искренно и убѣженно вѣрующій христіанинъ. Чтеніе его Записокъ возбудило во мнѣ необыкновенное желаніе заняться специальными изысканіями его многосторонней и полезной дѣятельности, особенно изъ періодъ организации изъ Оренбургскаго края. По окончаніи университетскаго курса, первые четыре года живъ привелось служить въ Оренбургскомъ краѣ, надъ устройствомъ котораго тѣль ревностно трудился И. И. Неплюевъ. Непосредственное знакомство съ Оренбургскимъ красавицѣмъ изъ его настолашемъ видѣ, изученіе многихъ и другихъ приживленыхъ материаловъ дали мнѣ возможность написать историческую монографію: «И. И. Неклюевъ и Оренбургскій край въ прошломъ до состава до 1758 г.». Первые три выпуска этой монографіи уже напечатаны и вышли въ сѣть, а IV (послѣдній)

изпустить только еще приготовляется къ печати. Шерюдическая пресса, столичная и провинциальная, въ общемъ несомнѣнно отнеслась къ моему труду; но моя биографія не вѣсть можетъ быть доступной по ея специальности, объемъ же и, пожалуй, по цѣнѣ. Между тѣмъ въ настоящемъ году Уральское казачье войско пятидесятие праздновать. 300-лѣтій юбилей своего существованія, а И. И. Неплюевъ очень много сделалъ полезнаго для этого войска: онъ, можно сказать, отецъ его, и его походы на берегахъ р. Урала; стоячательно, теперь бывшъ членъ вождя-шайбуль, благородно напоминать Уральскому казачьему войску о Неплюевѣ и помнить его съ жизнию и трудами этого замѣчательнаго государства-человѣка. Съ другой стороны, изъ 1893 г. исходили 150 львовъ со времени основанія Неплюевской пасмурщины Оренбургъ и 200 львовъ со дня рожденія самой Неплюевки. Въ виду этихъ обстоятельствъ, я призываю за полезное составить настоящий биографико-исторический очеркъ, приложивъ къ нему портретъ И. И. Неплюева, любезно доставленный мнѣ Ольгой Николаевной Неплюевой, и краткія родословные супружія, полученные мною отъ Николая Николаевича Неплюева, которымъ я считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность. Въ концѣ биографіи И. И. Неплюева, я счѣль величайше сообщить некоторые данные о Неплюевской кадетской корпусѣ изъ Оренбурга, какъ достойнѣй памятникъ устроителя Оренбургскаго края.

Настоящий очеркъ предполагается гравировать образами для станичныхъ правленій и казачьихъ школъ Оренбургскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ, а также для ученическихъ библиотекъ духовныхъ, военныхъ и

гражданскихъ учебныхъ занедий и для учительскихъ-
библиотекъ, народныхъ школъ Оренбургскаго, Турко-
станскаго и Казашскаго учебныхъ округовъ; но я думаю,
что чтенію настоящаго очерка можетъ иметь
нагротическо-воспитательное и отчасти религиозное
значеніе для всякаго грамотнаго и любознательнаго
хрестынина. Старалась придать книжкѣ приличный
выпѣшній видъ, а для удобства при чтеніи раздѣлить
все содержаніе очерка на двѣнадцать главъ и, проѣзж
общаго оглавленія, стѣлзть на каждой страницѣ осо-
бый подголовікъ. Какъ я пыталась свое дѣло, предо-
ставляю судить самимъ читателямъ.

рое, оставшееся после обрушения и гравитационного разлома. Всё это неизбежно обернётся в падение или же сдвигом земли, вызовет землетрясение, то есть разрыв. В мае 1961 года произошло это самое землетрясение в Николаевской области Румынии. Гигантский всплеск ГЕОЛОГИЧЕСКОГО РАБОТАЮЩЕГО

ГЛАДИОКУСЫ ВАШЕГО МИТА

ଜ୍ଞାନପଦିତାରେ ଶ୍ରୀପଦମିଟାକିଳୀଏବୁ

НЕПЛЮЕВУ,

ЧРЕДИТЕЛЮ И ПОПЕЧИТЕЛЮ

ВОЗДВИЖЕНСКОЙ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ШКОЛЫ.

—всюду, где можно, озаряет мир ее блеском, —
также любовь, расположение и ласка, будущий же благо-
сполучия, и разумный мир во всем, который она дает,
одинаково чист и ясен. А между
тем, если бывало, что
они в вине, то
они чувством глубочайшего
уважения и благодарности,
уверденно посыпают

R. Ramanujam

гражданство, работая, несущий на себе различные
бремена — парижского золота, Оренбургского, Ферз-
енского и Казанского работяг, оправдывающий
так, что видно, честолюбие автора вовсе не
представляет опасение — в своем расположении
для этого ~~ЧУДОВИЩНОГО~~ ^{СОВЕРШЕННОГО} произведения.

Милостивый Государь.
Благодарный народъ ~~СВѢТЛЫЙ СВѢДѢНИЕ~~
своего императора

Императоръ Николай I

Болы сии знати промло со временем почими Ва-
шаго знатнейшаго предка, Но. Но. Непалана, основа-
теля Оренбурга и устроителя обширного Оренбур-
ского края; но дыла его и падиши о немъ доселе живы
и поучительны для поминства. Широкой полосой
раскинулась со зно столыщіе Россія отъ Карак-
санска до Белого моря и Афганистана изъ одну сто-
рону, она Корского моря до горы Аргунца и южнаго
побережья Чёрнаго моря — изъ другую. Много совершилось
со зно за это столыщіе и важныхъ событий какъ вы-
тири, такъ и на ее окраинахъ. Быкъ мощный и не-
крушимый боятырь, Россія выпесла на своихъ плечахъ
и ужасную Пугачевщину, и Отечественную войну 1812
года, и геройскую оборону Севастополя, и Полтавскій ма-
тчехъ, и освобожденіе Болгаріи. Исконные земли ее:
башкиры, киргизы, казахы, ханты, бухарцы, сар-
ты, туркмены, татары и разныя казахскія горныхъ
племя признали надъ собою гла мощную власть и отъ

ния ожидания своего духовного и гражданского разви-
тия. Во это же стоянке обратился к велико-дяде
освобождения некто малолетний крестьянин, из ко-
торого 19 февраля 1861 г. обратился со всхоми своего
парсуну престола Печалника Иаки Русской, Царя-
Мученика и Цара-Освободитель со радостным пригла-
шением: „Остав себя крестыни землею, праведный народъ, и приими Божие благословеніе на твой
свободный трудъ, залогъ твоего донашаго благопо-
лучія в блага общественнаго”.

Внутрення реформы инициированной и начатой про-
столичным парсуном призвала къ социальной ак-
тивности не полку народа аль классы общества.
Духовенство, дворянство и Земство, руководимые муд-
рыми Протопресвилами, дружно работали на родной
поля, заботясь объ экономической, умственной и ру-
спубликанской развитии крестьянского народа, силоу и матчею
которого такъ спряталъ и чисто мышко определилъ гений
нашего богоиница И. А. Крамского: „гъ новую весной
зять новый народится, а если корень пастущится,—
не будетъ дерева, ни вѣтъ” (Лиски и Корни).

На раду съ этой общей работой, стали появляться отдельные лица, которые осознавали и хотели
посвященную себѣ воспитанию народа и улучше-
нию его бытия. Всего знаменитый предокъ, Ио. Ио. Неплюевъ какъ-бы предвидѣлъ необходимость измѣненія кре-
стьянину со стороны интеллигентнаго членства. Ст-
авъ на судъ Царя царей, онъ на смертномъ обр-
ажившиъ глаза сыну: „Подчиненныйъ ты есть, а паче
крестьянинъ будь болѣе отецъ, исколи гониадиъ, и въ
принеси въ пашни Слово Божие: „иакости хощу, а не
жертвъ”, въ что они такие же люди, какъ и ты, кре-

и членов и власти, давших тебе гражданские за-
коны? — Вы, на сколько я знаю и могу судить, глубоко
прониклись этим христианским и высокочувственным
влиянием своего приюта, но отнюдь не из пренебрежения.
В 1889 г. во своей брошюре „Историческое признание
русского писателя“ и во 1881 г. во брошюре „Совесть“
Вы открыто и безжалостно заявляли, что русский
христианин нуждается со временем в друге, которы-
кий бы имел достаточно материальных средств,
чтобы заботы для него позабыть и библиотеку, открыть
автономные заседания для его беспартийных соратников,
основать духовную ферму или разослать по всему миру для
здорошего и израсходованного христианка; тогда же Вы спо-
разились доказать, что для христианина необходима и
важнейшая друга, который бы мог защитить его
от эксплуатации купаки, побачитъ или сельского
жизни, отстоять его интересы на Земских Собраниях
и снабдить достаточную мыслью, свободно съ яи
зелёными, тоими кустарничками промыслами и промыш-
ленными товариществами. — То же думали и говорили
и многие другие, но только думали или болели головами.
Вы же постарались свою убежденность и желания,
и сколько это значило для Вас, привести въ дей-
ствие. Получив высшее юридическое образование из С.-Пе-
тербургского университета и прослужив два года
из дипломатического корпуса, при Русской Посольской
из Министерства, Вы не забыли ни христианки, ни деревни,
и чтобы сознательно быть полезным народу. Вы
поступили на два года въ службу к Петровской Зем-
лемѣрческой Академии. Отказавшись отъ славы и по-
честей, которыхъ ждали Васъ впереди, Вы добровольно
удалились въ деревню, чтобы быть въ непосредственномъ

обществі съ народомъ, занятымъ его образованіемъ отъ духа Св. Православной Церкви, укрепить и облагородить ее честь высокія и сакральна чистота добра и преданность Приснодому. Царю и Омчеству. Введеніевская сельско-хозяйственная школа, открытая Вамъ въ 1885 году и содержимая по свои средства, Ваше непред-
стороннее, по-истинѣ, отеческое отношеніе къ ней, Ваша настоящія заботы обѣ устройствъ домовой церкви и Браковъ при ней, — все это привнесличное и блажи-
ческое содѣтельство о Вашемъ глубокомъ против-
ложеніи принципамъ основателя Орелбурга, Ивана Ио-
анновича Неплюева, заслужившими имена селу сину и
чрезъ него — помощника. Поэтому считаю себя особен-
но счастливымъ, что могу послать Вамъ настоящій биографическо-историческій очеркъ, какъ наглядное до-
казательство моего душевного сопутства Вашему добрымъ стремленіямъ и предпріятіямъ и какъ знакъ мо-
го глубочайшаго уваженія и благодарности къ Вамъ.

Кладмиръ Ветченый.

Engraving by J. Sartorius

Not wanted

— приводит к тому, что изображение в первом томе неизвестно и неизвестно в дальнейшем. Уже в первом томе изображено, что Иван Никитин родился в 1560 году в селе Красногорье Белозерского уезда в семье крестьянина Федора Ивановича и Елены Федоровны, которые жили в деревне Красногорье Белозерского уезда. Второй том изображает Ивана Никитина в возрасте 15 лет, когда он был уже крещен и начал учиться в школе.

Предки и родители Никитина, его детство, юношество, жизнь и смерть. — Образование Никитина в России и за границей, воспоминания из отечества, вспоминание предка Петра I Великого о поступлении на службу.

Родь дворянъ Неплюевъ въосьма древній и происходит отъ одной вѣтвиъ старинной шапки на Руси домомъ Романовъ; но ближайший родичъ царя Неплюевъ считается бояринъ Феодоръ Ивановичъ Неплюевъ, жившій въ кончинѣ Василия Темнаго, болѣе четырехъ сотъ лѣтъ тому назадъ. Въ 1462 году Феодоръ Ивановичъ постригъ съ монахомъ Троице-Сергиевской лавры, близъ Москвы, где онъ умеръ старшій его сынъ Гавриилъ Феодоровичъ, послѣдователь пращера своего отца отъ тоже привѣтствія и скончался въ той же монастырѣ, гдѣ — и отецъ. Сынъ Гавриила Феодоровича бояринъ Василий Гавриловичъ и жена Семенъ Васильевичъ почти безмѣдно жили въ своихъ новгородскихъ вотчинахъ. Въ старинное Иоанна Грознаго, Семенъ Васильевичъ былъ вынужденъ удалиться въ Литву, а его жена и сынъ Иванъ остались въ Россіи на попеченіи своей родственницы, княгини Аны Семеновны Воротынской. Правнукъ Иоанна Семеновича Иванъ Никитичъ и былъ отцемъ Ивана Ивановича Неплюева,

основатели настоящего Оренбурга и устроители обширного Оренбургского края. Мать Ив. Ив. Неплюева, Мария Петровна происходила изъ пытнаго рода князей Мишениковъ, отличавшихся богатствомъ, начитанностью, избождостью и приверженностью къ стряпнѣ. Ива. Никитичъ былъ только на годъ старше своей жены и оба, мужъ и жена, отличались красотой лица и твердостью характера, при всякой любви и уваженіи другъ къ другу. Молодые супруги поселились въ своей усадьбѣ Наволокѣ Новгородской области; здесь 5 ноября 1693 года, въ Воскресенье, въ 7 часовъ утра, у нихъ родился сынъ, которому было дано имя Иванъ.

Когда мальчику минуло почти семь лѣтъ, отецъ оставилъ его съ матерью въ Наволокѣ, а самъ, въ началѣ сентября 1700 г., отправился подъ Нарву въ составѣ находившагося тамъ русскаго войска, во слуху войны Россіи съ Швеціей. Получивъ во время одной битвы итакъ рану, Иванъ Никитичъ глубокой болѣй покинулъ свою усадьбу, где онъ жилъ до самой смерти, послѣдовавшей 10 июля 1709 г., въ 39 году его жизни. Печальна была утренняя пора жизни Ив. Иванова Неплюева. Дѣтство и отрочество сего тихо и одиночно провелъ изъ деревенской глупинъ сообществѣ почти одной своей матери: отецъ его, до получения раны подъ Нарвой, почти постоянно бывалъ въ отлучкахъ по дѣламъ службы; родиныхъ со стороны отца у него не было: все примеры, не оставивъ потомства; ближайшимъ его родственникамъ были родные его матери, князья Мишеники. Родной дядя Неплюева, князь Федоръ Петровичъ Мишеникъ былъ уже женатъ, избылъ сына Илью и дочь Марию и жилъ

по состоянию съ сестрой, которая перебои болела у него и одна, и съ сыномъ. Изъ другихъ дворянскихъ фамилий близкими знакомыми Неплюевы были Татищевы и Клязинины-Смирновы. Мать Неплюева была женщиной очень набожной и умной, а потому она обратила особенное внимание на развитіе изъ своей единственной сына религиознаго чувства, глубокой любви къ Богу и баропотной покорности Его неизбѣжной волѣ; она же, пронятно, научила его читать и писать. Обилие монастырей, мужскихъ и женскихъ, близь родины Неплюева, и любовьность его матери, окончившей на 37 г. жизни, отразились и на сыновь Неплюевъ. Церковное благотворительное посвященіе монастырей, благоговѣніе богослуженію, поминовѣніе бѣдныхъ, — все это должно было сильно действовать на чистотелѣгую и воспріимчивую душу мальчика, надѣвшаго около себя религиозную и любящую руку и большого отца. Кроткий и любящий старъ отецъ, болѣзнейший видъ израненного, угрюмого и страдающаго отца сообщали ихъ сыну какую-то тихую грусть и ту баропотную покорность Промышлу Божию, которая воистину постоянно охраняла Неплюева изъ счастій отъ уѡеній и гордости, а изъ трудныхъ минутъ жизни отъ ропота и отчашій.

Въ время смерти отца Неплюеву было почти 16-летъ. Не прошло и двухъ годовъ послѣ кончины Ивана Никитича, какъ Мария Петровна поизбодилась найти для своего сына жестость. Въ то время посвѣдѣніемъ посадника боярина Ивана Юрьевича Татищева, внукъ Степана Лжиревича, известнаго сподвижника князя Пожарскаго и Минина, при

освобождения Москвы отъ поляковъ. У Иоанна Юрьевича былъ единственный сынъ Феодоръ, котораго въ это время въ живыхъ уже не было; послѣ него остались сыновъ Василий и дочь Феодосія. Не имѣя своихъ дѣтей, Иоаннъ Юрьевичъ взялъ къ себѣ погулять-сиротъ изъ воспитанія. Василий въ домѣ Татищевыхъ и раньше, Мария Петровна неоднократно видала Федосью и Феодоровну, и теперь выбрала ее себѣстю свою сыну. Въ Воскресенье, 6 сентября 1711 г., совершиено было бракосочетаніе Иоанна Иванова съ дѣвіцей Ф. Ф. Татищевой. Неплюсъ говорить въ своихъ Запискахъ, что онъ женился „по золы маныръ“, искрѣнне, извлекъ изъ то, что выборъ себѣстя принадлежать не ему, а его матери, и очень возможно, что молодые люди, по тогдашнему обыкновенію, мало и знали другъ друга до обрученія, а, можетъ быть, самъ Неплюсъ и не думалъ жениться или вовсе или, по крайней мѣрѣ,太迟. Какъ-бы то ни было, только Неплюсъ, не имѣя еще и 18 лѣтъ, сдѣжался жениться помѣщикомъ, у котораго было 100 душъ крестьянъ: 80 родовыхъ и 20 съ небольшимъ душъ, получившихъ имъ по приданое за женой. Молодые супруги поселились въ селѣ Подлубье Новгородской области; здесь 19 августа 1712 г. у нихъ родился сынъ Адрианъ. Въ ноябрѣ 1713 г. Неплюсъ оставляетъ свою жену въ Подлубье, при своей матери, а самъ удаляется на богоугодную изъ какой-то монастыря „по обѣщианію“, данному имъ раньше. Въ мартѣ же сего 1715 г. Неплюсъ возвращается изъ путешествія изъ Подлубья. Это путешествіе изъ монастыря, при добровольной разлуки съ молодой женой, въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ, доказываетъ ревность Неплюса къ благочестію, запишан-

шому отъ предковъ и развитому въ немъ умной, избож-
ной и любящей материю, что Неплюевъ подтверждалъ всюю
свою жизнью во дни своей славы и могущества, онъ
никогда не выѣзжалъ со двора, не выслушавъ обѣда
изъ домовой перши, а во время путешествія избралъ при
себѣ спасищика и походную церковь. Исполнилъ теперь
свой благочестивый обѣтъ, Иванъ Ивановичъ какъ-бы
предготвилъ духовно къ той многоподоленной и много-
трудной дѣятельности, которая ожидала его впереди.

Въ 1714 году состоялся указъ, которымъ запре-
щалось жениться всѣмъ, не избывшимъ свидѣтельства
оъ обученіи „шафири“ и геометріи; но не оставлены
были въ покое и жениты дворане, къ числу коихъ
принадлежалъ Неплюевъ. Когда онъ возвращался изъ
конюштира изъ Подольска въ Новгородъ пріѣхать князь
Александръ Даниловичъ Меншиковъ и потребовалъ къ себѣ всѣхъ неслужащихъ дворянъ.
24 марта иже прокицентъ бысть смотрѣ; одни изъ
дворянъ были опредѣлены на службу, другіе отданы
въ ученье.—Неплюевъ оказался изъ числа послѣднихъ;
князь Меншиковъ записалъ его въ Новгородскую
математическую школу, хотя Неплюеву въ это время
шесть уже 21-й годъ и на его рукахъ находились: по-
рядочная семья: мать, жена и двое дѣтей. Какъ че-
ловѣку занятому и семейному, Неплюеву не легко было
стѣть за школьную скамью, чтобы учиться ариѳметикѣ
и геометріи; но особенно это поразило его мать: Марка
Петровна не перенесла своего горя, заболѣла и 4 мая
того же года умерла, ища всего 42 года отъ рожде-
нія. Похоронивъ свою мать и простившись съ женой
и дѣтьми, Иванъ Ивановичъ, съ покорностью Промы-
слу Божію и волѣ Государа, отправился въ Новго-

родскую школу и здесь усердно занимаясь за ученье. Въ юной тога же годы изъ Новгородъ былъ полученъ указъ, который повелѣвалось выбратьъ изъ новгородскихъ учениковъ 84 человѣка и отоспать изъ той Нарвскую школу. Оберъ-командантъ города Нарвы и глашатѣй директоромъ Нарвской навигаціонной школы былъ въ это время Кирillъ Алексѣевичъ Нарышкинъ, троюродный братъ пары Наталии Кирилловны, матери цара Петра Великаго; онъ былъ женить на двоюродной сестрѣ Неплюевѣ, Маріи Федоровнѣ Мищецкой. Благодаря ему, Неплюевъ 29 июня 1715 года, изъ числа некоторыхъ другихъ учениковъ, и былъ переведенъ изъ Новгородской въ Нарвскую школу. Учителемъ этой школы былъ начальникъ въ то время морякъ Митрофанъ Кашица, а близайшимъ помощникомъ директора—нарвскій комендантъ, Василій Григорьевичъ Титовъ. Но Неплюевъ, изъ Нарвской школы пробывъ только три лѣта, его родственникъ К. Ал. Нарышкинъ вскорѣ былъ назначенъ комендантомъ въ С.-Петербургъ, куда онъ пострадалъ перевести въ Неплюева. Въ 1715 г., изъ связи праздника Покрова Пресвятой Богородицы, въ Петербургѣ были открыты Морской Академіи, которая посыпалась изъ дозѣ Киккана на берегу р. Невы, где таинъ находятся величественное зданіе Императорскаго Зим资料 Дворца. Директоромъ Морской Академіи былъ назначенъ баронъ Сеитъ-Илеръ, а первоначальный надзоръ за ней былъ порученъ А. д. р. Артамоновичу Матвееву; учениковъ въ Академію велико было набрать изъ Ревеля, Нарвы и Московской навигаціонной школы, открытой въ 1701 г. при Сухаревой

баний. Всюдругъ было избрано до 300 дворянскихъ дѣтей, изъ чистъ которыхъ были и Неплюевъ, поступившій въ Академію въ самый день ея открытия. Трудно было тогда учиться въ Академіи: учителей было больше иностраннѣ, почти всичкихъ русскаго языка; учебниковъ и учебныхъ пособий не было; преподаваніе велось на языке понятномъ или въ сопѣль непонятномъ для учениковъ языка. Грубы были врана кадетовъ, но за то и жестоко ихъ наказывали. Въ каждомъ классѣ былъ особый дядька, избіянъ всегда изъ одной руки хватать для наказанія ослушниковъ; за вскіе проступки кародахъ били юнцами батогами, а подростковъ — плотью; въ случаѣ же нарушения заповѣтъ, гражданскѣй или воинскѣй, избояхъ называли шинширученіемъ. Случалось, что ученикъ жаловалась иногда самому Царю на жестокое обращеніе съ извѣни. Трудно было ожидать, чтобы воспитанники могли чѣмъ-либо научиться въ Академіи, при такихъ учителяхъ и порадкахъ: во терпѣніе, трудъ и стараніе чего не дѣлаютъ! — Неплюевъ, благодаря своимъ дарованіямъ и трудолюбію, съ пользой проводилъ время въ Академіи: онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ кадетовъ, о которыхъ А. А. Митропольский говорилъ кабинету — секретарю Макарову: „издѣти въ наукахъ прилежно преуспѣвали, и съ солдатской изсердцію такъ хорошо обучились, какъ бы старые“. Во время своего обучения въ Морской Академіи, Неплюевъ имѣлъ неоднократные случаи подѣть и слышать Государа Петра Великаго, и съ тѣхъ поръ стала писать къ нему глубокоеуваженіе и сыновнюю любовь, которая погоже сохранила всѣжизнь. Непосредственное вліяніе Петра Великаго на учениковъ Академіи ишло

громадное знаніе; благодаря этому віяню Государя на кадетоів, и выходили ізъ неї такі зембітнілі альбоми, какъ Василій Никитич Татищевъ, Ив. Ив. Неплюевъ и другіе. Царь любилъ и часто посматривъ Морскую Академію; запросто бесѣдовалъ съ учительми и учениками и слѣдилъ за ихъ успѣхами; здесь на листкахъ були описаны замѣтки и изслѣдованія, поражающія глубиною ума и разносторонностью знаній. Воօсідѣтніи изъ этихъ царскихъ листковъ составились пѣни книжочки, которые хранятся въ Адмиралтействѣ доселъ, какъ памятникъ необыкновенного трудолюбія и рѣдкой любознательности Петра Великаго.

Заботясь о размноженіи и улучшении русскихъ школъ, Петръ Великий хорошо сознавалъ ихъ неудовлетворительное состояніе и преосходство надъ ними западно-европейскихъ училищъ, а потому лучшихъ во успѣхахъ и больше даровитыхъ молодыхъ людей, безъ различія естествъ, онъ старался отпраffить за границу, тѣдъ одни должны были учиться архитектурному искусству, другіе — инженерному, третыи — горнозаводскому дѣлу и т. п., — словомъ. Петръ Великий старался извести, распространять и разить среди русскихъ та-кія знанія, которыхъ бы удовлетворили писущимъ потребностямъ и нуждамъ Государства. Широкой, често русской натурѣ Петра Великаго показалось тѣсно на многоводныхъ русскихъ рекахъ; ему было мало Бѣлого мора и глубокаго Каспія, и потому онъ простириль свои могучія царскія руки къ морямъ Балтійскому и Чёрному; по его волѣ началось въ Россіи строеніе кораблей, галеръ и другихъ судовъ, и „дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи (справою изъ Моремъ устанетъ),

умыслилъ Государь искусство дѣла того искать изъ народъ свой и, того ради, изъгнаное число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныхъ государства учиться архитектурѣ и управлению корабельному". Для этого на первый разъ Царь приказалъ въ 1697 г. отправить за границу 50 комицкихъ стольниковъ и спольниковъ: изъ нихъ 28 чел.—изъ Италию, преимущественно въ Венецию, а 22 чел.—изъ Англію и Голландію. Всѣдѣ за тѣль Государа и съзѣ отправлялся за границу, подъ именемъ простаго дворяниня Петра Михайловца, чтобы познакомиться съ образованіемъ, привычками и обычаями изъ другихъ государствъ и поручиться кораблестроенію. Но тогдашніе понятія, путешествіе за границу для образования было противно обычаямъ страны; но Петъ Великій не обращалъ на то вниманія и съзѣ,истойчиво шелъ къ нынѣшней имъ цѣли, продолжая отправлять молодыхъ людей изъ заморскія страны, а нежелавшихъ подчиняться его волѣ обложилъ болѣшими денежными штрафами. Молодые дворяне, отправленные за границу, находились подъ особой присмотромъ и должны были усердно заниматься своимъ дѣломъ; иль, между прочимъ, было объявлено, чтобы они и не думали возвращаться изъ Россіи безъ письменного удостовѣренія заморскихъ капитановъ обѣ основательномъ изученіи изы кораблестроенія и мореплаванія, подъ страхомъ потери всего имущество.

Ивану Ивановичу Неплюеву также пришлось отправиться за границу, по волѣ Государа Петра Великаго. Въ 1716 г. онъ былъ определенъ въ Ревельскій флотъ гардемариномъ. Знамѣ гардемарина учредилъ Петъ Великій и требовалъ отъ всякаго гардемарина, чтобы онъ былъ „а въ какъ солдата, со здѣ

какъ матросъ². Гардемаринъ на корабляхъ исполнилъ
всѧ матроскія обязанности; они носили матроскую
одежду и получали вѣсачную поршю сухарей, крупы,
ороху, муки и т. д., тоѣли не изъ общаго, а изъ
особаго товарищескаго котла. Гардемаринамъ Ревель-
скаго флота, куда было определено и Неплюевъ, было
выдано парусиновое платье и назначено каждому слѣ-
дующее мыльчное продовольствіе: 2 пуда и 10 фунтовъ
сухарей, 15 ф. ороху, 15 ф. крупы, 2½ ф. соли, четы-
верть ржаной муки на кнастъ, 25 чарокъ вина, полу-
тора кружки уксусу, 19 ф. ветчины, 6 ф. штукъ рыбы
и 2 р. 40 кс. денегами. По прибытии изъ Ревель, Не-
плюевъ былъ зачисленъ на корабль подъ наименіемъ
„Архангела Михаила“, вооруженный 52-ми пушками;
на корабль было 300 матросовъ и 200 солдатъ; коман-
дитомъ корабля былъ англичанинъ Рю. На этотъ же
корабль были определены Василій Казанинъ-Са-
жарапиль, другъ дѣтства Неплюева, и Василій Ива-
новичъ Татищевъ, родственникъ его жены. Весной
1716 года Ревельскій флотъ, подъ командою Сиверса,
отплылъ по распоряженію Государа въ Дацію; но,
достигнувъ острова Борнгольма, былъ вынуж-
денъ возвратиться въ Ревельскую гавань (пристань
для кораблей), опасаясь нападенія со стороны
шведскихъ кораблей, находившихся близъ острова
Рюгена. Въ іюль послѣдовалъ новый указъ Госуда-
ря о вторичномъ выступленіи Ревельскаго флота
въ Дацію, гдѣ въ Константинѣ дожидался его
Петръ Великій. Всѣдѣтие этого указа, Ревельскій
флотъ, въ составѣ 10 кораблей, снялся съ акера и
17 июля остановился въ виду Константина, столицы
Даціи. Всю ночь авансъ сюда сѣмь Государь и на кораблѣ.

«Ингерманланд» отразился во главе флота, къ самому городу, тѣмъ уже находалось несколько русскихъ кораблей, прошедшіхъ виццолго прѣзъ тѣмъ Аракангельскъ; атѣже было 6 голландскихъ военныхъ и 15 англійскихъ кораблей, кроме множества купеческихъ судовъ. Въ августѣ весь флотъ, состояній изъ русскихъ и иностраннѣхъ кораблей, долженъ быть отплыть къ шведскому берегу. Петръ Великій самъ промѣдалъ флотъ до Боригольма и сюда возвратился изъ Константина, въ сопровождѣніи кораблей «Фортуна» и «Арендаль». Въ началѣ сентября того же года, весь флотъ перегналъ изъ Копенгагена, и въ концѣ сентября Государь запрасилъ распределеніе молодыхъ людей, для отправленія ихъ въ Италию, Францію и Англію: 20 чл. должны были, по желанію Государа, отправиться во Францію для обученія мореплаванію, 10—изъ Англіи и 30 чл. въ Венецию, чтобы, поступивъ тамъ на галеры, они могли изучить на практикѣ морское дѣло и управление галеражи. Неизвѣстно было включить въ число посланныхъ, и потому должна была отправиться изъ Версай.

По прибытии въ Венецию, Неплюевъ и его товариши были определены въ морскую службу и отправлены на корабль въ Копрѣ, где ихъ размѣстили по два человека на галеру. Неплюевъ и его родственникъ В. И. Татищевъ были посыпаны на галеру «Лакония» о 50 веслахъ и 21 пушкѣ; экипажъ галеры состоялъ изъ 312 чл., въ той числѣ было 200 колодниковъ, исполнявшихъ обязанности требочетъ. Отправлена гардемаринъ за границу. Петръ Великій желалъ достичь изъ возможности военной практики на морѣ, и желаніе это скоро исполнилось. Весьма нѣлько въ то-

время (1717—1718 г.) войну съ Турцией, изъ которой участвовали и наши гардемарины, показать себѣ на морѣ молодцами; Неплюевъ даже получилъ отъ венецианского генерала Пансквилиго особый птестатъ, свидѣтельствующій объ его способности и искусствахъ управлять галерой на морѣ. По окончаніи войны венецианцы съ турками, наши гардемарини были отправлены въ Испанию, изъ города Кадисъ, и опредѣлены тамъ въ Королевскую Академію, для продолженія образования. Стоекошившись по отечеству и родныхъ, гардемарини стали просить позволенія возвратиться въ Россію; просьба ихъ была услышана и они изъ конца или 1720 г. благополучно возвратились изъ С.-Петербурга.

Заграничное путешествіе Неплюева продолжалось пять лѣтъ и стоило ему 1000 рублей, изъ нихъ 400 р. израсходовано его собственныхъ денегъ и 600 „государевыхъ“. Не мало измѣнились русские гардемарини съ того времени, какъ они покинули свое отечество; но особенно благотворно возіло заграничное путешествіе на Неплюева: много разнаго рода полезныхъ, сбудий пріобрѣть съ за это время. Самыи нужды и лишенія, которыи Неплюевъ испытывалъ за границей, послужили ему изъ пользу: онъ стѣснялся предусмотрительность, предпринимчивъ и способный на всякое полезное дѣло, гдѣ только требовалось терпѣніе и сила воли.

По приѣзду въ Петербургъ, Неплюевъ прежде другихъ явился къ генерал-адмиралу, графу Освальду Матильевичу Аракчееву, а потомъ и къ прочимъ морскимъ чинамъ. Всѣ привѣтили его очень радушно и съ любопытствомъ спрашивали его о заграничной жизни, объ успѣхахъ въ наукахъ, о самовъ путешествіи и т. п., а

графъ Григорій Петровичъ Ч е р н и ш е въ, знаний Неплюева еще изъ Морской Академіи, посчитавши смѣ, чтобы сеять, когда будеть представленье Государю, говорить „брать робости и правду“. На четвертый день по прибытии гардемариновъ въ столицу, Государь приказалъ, чтобы истѣ пробываше изъ-за границы золотые дукаты вышли изъ на слѣдующій день изъ б. ч. утра изъ Адмиралтейскую Коллегию и скажиши: „всѧко, какъ принадли боевое ион тонаренца“, — говорить въ Запискахъ Неплюевъ, — „а я все же не спать, готовясь, скажи на страшный судъ“. Со страхомъ пришелъ Неплюевъ и на другой день въ Адмиралтейство. Въ семь часовъ явился сюда и Государь. Собравшияся изъ казакъ гардемариновъ поклонились Государю изъ ноги, а прочие присутствующиѣ изъ полка. Государь спросилъ гардемариновъ, имѣютъ ли они атtestаты отъ своихъ командро-ръ и вѣ-ли служили на галерахъ или иные на кораб-ляхъ, и приказалъ записать ихъ во флотъ гардемаринами. Но графъ Г. И. Ч е р н и ш е въ счѣтился склонить Государю: „грыхъ. Государи, тебѣ будуть! люди, по волѣ твоей, былии отлучены отъ своихъ родственниковъ и отъ отечества изъ чужихъ краевъ, и по бѣдности иуть способы голодъ, холодъ и всякия нужды и училиася, по возможности, жаднѣ угодить тебѣ, и по до-стопнику своему изъ чужомъ государствѣ бали уже гардемаринами, а иныи, обѣзбахъ иного государства и возвратясь по твоей же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсидаются и съ чѣмъ и будутъ наразиѣ съ тѣми, которые имѣнужды тѣхъ не видавъ, ии практики такой не имѣли“. — „И ихъ награжку“, отвѣтилъ Государь: „пушь только одну ком-панию прослужатъ?“

«Но леголь-ж, Государя, гардемаринам служить
такимъ, какъ есть изъ достойныхъ чиновъ гвардию или
кораблемъ?» спросилъ графъ Чернышевъ.

«Кто же эти достойные?» спросилъ Государь. Графъ
Чернышевъ указалъ на Неплюева и его товарища Кутапина. Государь внимательно окликнулъ Но-
плюева съ вѣтъ до головы спонять проинструктишь орди-
наторъ пагидомъ. Неплюевъ изъ то времена замѣчательно
быть ирасенъ собою: высокий, стройный и бледнѣйший,
съ нѣсть прекрасныхъ голубыхъ глазъ, отличавшихъ не-
обыкновенно добрыя народенія, что сразу и невольно
располагали къ нему великого Государа, чувствуя себя не
имѣясь здоровою и желая сѣять присутствованіе на исчи-
неніе гардемариновъ, назначеннѣ для того особый день,
въ который должны были собраться гардемарини и всѣ
члены Адмиралтейства. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ и съ из-
даніемъ этого экзамена изъ присутствія самого Цара. Но-
плюевъ все времена усердно готовился къ экзамену.
Наконецъ настѣль въ день испытанія гардемариновъ
изъ пятидесятиъ. Рано утромъ 1 июля собрались они въ Адми-
ралтѣйскую Коллегію, куда въ 8 ч. утра прибыть и
сѣсть Государь. Когда очередь дошла до Неплюева, Государь,
проблизившись къ нему, спросилъ: «Всему ли
ты научился, для чего былъ посланъ?»

«Всему!» отвѣтилъ Неплюевъ: «предложить и по всей моей возможности, но по-
могу исполниться, что всему научился, а больше почитаю
себя предъ Вами рабомъ, недостойнымъ, и тѣго ради
прощу, какъ предъ Богомъ, Вашей же жѣ щедроты!»
Говоря эти слова, Неплюевъ встѣль на колѣни.
Государь позволилъ ему поцѣловать свою руку и сказа-
ть при этомъ слѣдующія глубокоизыскательныя слова:

„Видимо, братица, и и Царь, да у меня на руках—молоды, а все онного, чтобы показать ванько приличью, и хоча-бы под снотростю видеть дни достойных помощников и слуга «святому»!“

Не плюе въ схватить монолисты руки Государя и испить щёлковый изъ, — говорилъ Непрь.

„Бояты, братецъ! скажи Государю: „и дай поглядеть, о чёмъ тебя спросили, но не работай! буде что думашъ, скажи, и что мы имать, такъ и скажи!“

Ободренный смигъ Государемъ, Не плюе въ отбить бойко и дѣльно. Государь оставилъ очень доволенъ его отвѣтами, и тутъ же наградилъ Не плюева чиномъ лейтенанта морского галерного флота. Тогда же Петръ Великій приказалъ Не плюеву состоять при своей особѣ и измѣнить его главнаго командирохъ подъ всеми морскими судами, строившимися изъ Петербурга. Кроме того, Не плюевъ нѣкоторое время былъ также переводчикомъ при иностраннѣхъ министрахъ. Петръ Великій отечески полюбилъ Не плюева и съ замѣчательной прозорливостью сказалъ о немъ своимъ приближеннымъ: „о, здѣсь молодо внука будемъ“; это предсказаніе Государи, кість увидѣть, вполнѣ оправдалось на Не плюевѣ. Близкія къ Государю лица также любали умного и трудолюбиваго Не плюева и постоянно внушали ему, что, для упроченія любви Государя, нужно быть всегда приспособленъ исполнителемъ своихъ обязанностей, а главное—никогда не лгать, такъ-какъ Петръ Великій особенно не любилъ лжи и лгуновъ. Советы покровителей Не плюева не прошли для него даромъ. Вотъ что, между прочимъ, рассказывалъ Не плюевъ о своихъ Запискахъ: „Однажды и пратель на работу, а Государь уже прекле-

прѣзать. И испугалася и хотѣла бѣгать домой, большихъ склониться; но потомъ вспомнила, что Государь не любить неправды, и вошла къ избу, где сидѣлъ Государь сказать имъ: „И уже, мой другъ, адѣль?“

„Виноватъ, Государь, — втера бываю въ гостяхъ, долго засадыши и оттого запоздалъ!“ отвѣтила оробѣвшій Неплюевъ.

Государь нанялъ его за плечо и покачалъ тѣкъ сильно, что Неплюевъ задрогнула, думая, что Государь прогневился и хочетъ наказать его; но Петръ весело и лукаво сказалъ: „Онасибо, малый, ч то говоришь правду. — Боязь простити: какъ Ему изъ гримака, какъ бабы изъ птицы?! — Вчера ты бывалъ въ гостяхъ, а теперь опять со мной изъ родины?“

Неплюевъ, ободренный такой добродушной лицей и веселымъ настроемъ Петра, почтительно поклонилъся Государю и, ставъ на задки его одноколки, черезъ несколько минутъ прѣзать съ нимъ въ доньи одного плотника изъ своей команды. Войди въ избу, Государь попрѣзовала роженицу и дать ей пять гривенъ; Неплюевъ, по приглашенію Государя, также поцѣловала роженицу и дать ей гривну.

„Что дать поручику?“ спросилъ Государь роженицу. Она показала подсунутую ею гривну.

„Э, братъ, яижку, ты даришь не позиморски!“ — сказала съ улыбкой Государь.

„Нечѣмъ мить, Царь. — Государь, дарить никого! — отвѣтила Неплюевъ: „дворянинъ и бѣдный, и жена и дѣтей, и когда-бы не Ваше парекое жалованье, то бы, адѣль, живучи, и быть было нечего!“

Государь началъ разспрашивать Неплюева,

сколько у него крестьянъ и гдѣ они находятся. Между тѣмъ доказанъ, осчастливленъ посѣщеніемъ такого высокаго гостя, подошелъ къ Государю съ деревянной тарелкой изъ руки, изъ которой била рожка водки. Государь взялъ рожку, выпилъ за здоровье покорежденаго и закусилъ киргизъ съ морковью, положенными на столъ. Радущий доказанъ вслѣдъ за тѣмъ поднести рожку водки въ своему командиру. Неполакъ, отъ роду не употребляя „горячаго пина“, отказался; но Государь добродушно склонилъ ему: „Онукъ мой, сколько можешь, не обижай дядьки!“ Неклюевъ послѣ этого выпилъ поданную ему рожку, а Государь отложилъ и подавилъ ему кусокъ пирога съ морковью, приволокъ: „Здравъ это родимая, а мы начальники народъ“. Пётръ Великій не только словами, но и примеромъ давалъ своему любимицу уроки честнаго и поутомленаго труда, на пользу дорогаго отечества, и эти уроки, какъ увидѣть, принесли большую пользу и Неклюеву и чрезъ него—Россіи, особенно же Оренбургскому краю.

II.

Служба Неклюева въ Туркіи при Пётрѣ Великомъ и его преемникахъ. — Боязнь въ имперіи Наполеона изъ Россіи. — Смерть его первой жены и вторичный бракъ Неклюева. — Определеніе Неклюева на должность главнаго командира Малороссіи, его арестъ, казнь наѣдей, привиненіе его казни къ назначенню начальникомъ Оренбургскаго края. — Внутреннее состояніе Оренбургскаго края предъ прѣданіемъ къ него Наполеону.

По сдаче казаковъ и саргатовъ на службу, Неклюевъ покинулъ перегородки изъ Петербурга и свое сопствество. Съ этой целью былъ отправленъ въ Под-

дубъе Татищевъ, братъ его жены, который съ удовольствіемъ выполнилъ возложенное на него порученіе: Федосья Федоровна и дѣти Неплюева скоро прибыли въ столицу и, ко великой радости, сидѣлись съ доро-тимъ членѣкомъ, послѣ столь долгой разлуки. Но не прошло и года, какъ Федосья Федоровна снова должна была расстаться съ своимъ мужемъ. Государю понадобился человѣкъ, который могъ бы занять место резидента (¹) въ Турціи, и выборъ сто, изъ удивленію всѣхъ занятыхъ, палъ на бѣлока Неплюева, несмотря на то, что ему было всего 27 лѣтъ. Назначеніе Но-плюева на службу въ Царыградъ состоялось 17 ян-варя 1721 года, во пр挟а большого, параднаго обѣда, который былъ устроенъ въ Царскому Дворцѣ для первыхъ чиновъ и офицеровъ гвардіи и флота. Государь съ сановниками сидѣлъ за особымъ столомъ; офицеры обѣдали отдельно въ другой комнатѣ. Спустя некоторое время, несколько офицеровъ, въ томъ числѣ и Неплюевъ, вошли въ столовую, где находился Го-сударь, который въ это самое время разговаривалъ съ сановниками о томъ, что ему нуженъ человѣкъ, знающій итальянской языка, для занятія места русского резидента въ Царыградѣ. Государь спросилъ Александра Гавриловича Головкина, не знаетъ ли онъ такого человѣка; Головкинъ отвѣтилъ, что не знаетъ такого.

„А я такъ знаю и очень достойнаго!“ скажъ графъ Аракчеевъ: „но та бѣда, что онъ бѣденъ“.

„Бѣдность не бѣда!“ скажъ Государь: „этому скоро можно избавить, но кто онъ такой?“

(¹) Титулъ резидента есть Государа членъ, который долженъ быть назначенъ жить въ Константинополѣ и оберегать интересы Россіи въ земляхъ.

„Онь за тобою стонты!“ отъѣхть Апраксина. Государь оглянулся и сказалъ: „ихъ много стонты!“

„Твой хваленый-то, что—у галерного строенія!“ продолжалъ графъ.

„Это правда, Федоръ Матвеичъ!“ — отвѣчать Государь. — „но мнѣ хотѣлось бы его при себѣ оставить, однажды — быть такъ!“

По окончаніи обѣда, когда все встали съ своихъ мѣстъ, графъ Апраксинъ подправилъ Неплюеву съ поясомъ изымающемъ, и за руку подвелъ его къ Государю. Неплюевъ, увидъ изъ ноги Государя, началь склонить и орошать ихъ благородными слезами, изъявляя его отчимъ своимъ. Государь, поднимши его за руку, сказалъ:

„Не кланися, братецъ, я самъ даю Богу крестинки и должностъ моя — смиришь моя, чтобы недостойному не дать, а у достойного не отнять; буде хорошо будетъ, не минь, а болѣе себѣ и ангеламъ добро сдѣлать, и буде худо, такъ я — нестану: ибо Богъ оставилъ за всякою вѣсю воскіребуетъ, чтобы злому и глупому не дать искамъ предъ фаланѣ. Служи вѣру и правдой! Вначали Богъ, а при Нельзя и я долженъ буду не оставляти!“

Государь измѣнилъ Неплюеву три тысячи въ годъ золотыми и присыпалъ выдать тысячу рублей на подъѣздъ. Когда Неплюевъ, предъ скончью отѣхдалъ изъ Царграда, явился къ Государю, чтобы проститься съ нимъ, то Государь принялъ его всѣми ласково, сѣльши ему необходимая наставленія и, благословивъ въ путь, поцѣлоналъ Неплюева въ лобъ и сказавъ: „прѣста, братецъ, колу Богъ вѣлии сидѣши!“

Это было последнее личное свидание Неплюева с Петромъ Великимъ; Иванъ Ивановичъ бытъ изъ сильной горкѣ тече душа его предчувствовала, что онъ бывше уже не увидеть горячо любившаго имъ Отца Отечества.

Простились съ своими товарищами по службѣ и знакомыми, Неплюевъ изъ пальѣ песни, именно изъ днѣвъ сорока мучениковъ (9 марта), выѣхалъ изъ Петербурга съ сюжетомъ сопѣтствіемъ изъ родного Поддубья, гдѣ прожилъ только два днѣ. Помолвились, на могилѣ своихъ родителей обѣ упокоеніи ихъ душъ. Иванъ Ивановичъ простился съ молодой женой и малыми дѣтками, которыхъ должны были остататься до времени въ Поддубѣ, а самъ чрезъ Москву алтоглавную отправился въ Царыградъ съ старшимъ своимъ сыномъ Адріаномъ, кому было еще не бывше девять лѣтъ отъ рода. — Далекій путь предстояла Ивану Ивановичу почти полгода пришлосьѣхать ему изъ Москвы блокированной до Царыграда турецкаго жертвами дорогъ тогда не было, а изъ Черноморья корѣ наши суды еще не плывали, вслѣдъ — половѣй приходилосьѣхать орхийскимъ путемъ, переплыть Дунай — рѣку широкую и перетащить высокія горы Балканскія. Вотъ еслибы Иванъ Ивановичъ жаль изъ выше времена, онъ бы всего днѣй изъ десяти доѣхать до Царыграда: сколько бы онъ изъ Москвы изгубилъ, прілична бы она его изъ Одессы, а таѣже садясь на морской пароходъ да и — избрь по морю Черному до самого Царыграда. Кажъ бы то и было, а при помощи Божіей, Неплюевъ благополучно добралисъ и до Царыграда; прѣѣхать онъ туда изъ пальѣ осени, на самый праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы, а на двадцатый день представился турецкому султану

А х м е тъ. Неплюевъ скоро расположилъ къ себѣ и трусы, которые сильно полюбали его. Самъ султанъ Ахметъ не могъ наизнанку сильнѣйшаго визиря (главнаго министра) Ибрахиима-паша отѣсилъ другому Неплюеву и подарилъ ему соболью шубу и лихаго коня съ дорогими уборами. Англійскій и французскій послы, стирающіеся поскорѣть Россію съ Турцией, устроили разные волни противъ Неплюева и даже пробѣгали съ подкупомъ, угрожая изъ-подъ руки нашему ревнѣдѣту смертю; но Господь хранилъ иѣріаго слугу Цара Православнаго и Матушки—Святой Руси. Иванъ Ивановичъ пережурдилъ своихъ недруговъ и заключилъ съ Турцией мирный договоръ, по которому Россія приобрѣла по вѣдѣнію всѣ земли, лежащія на западномъ берегу моря Каспійскаго, или по выраженью пѣсни: Хвалынскаго. Съ тѣхъ поръ Россія и стала утверждаться на Кавказѣ. Государь наградилъ за это Неплюева чиномъ морскаго капитана первого ранга и 400-ми душъ крестьянъ изъ Устюжно-Медвѣдѣвской усадѣ, а его женѣ и детямъ приказалъ надѣлать полное жалованье по его чину изъ Адмиралтейской Коллегіи, старшому же сыну Неплюеву Адриану положено было по 300 рубль годъ на ображеніе. Такъ исполнить свое царское слово Петъръ Великій, обѣщавшій не оставлять Неплюева за его иѣрію и полезную службу отечеству. За то какъ тихъ и горьки были для Неплюева ожиданія письма о кончинѣ любившаго изъ Государей. Вотъ что онъ записалъ на память своихъ потомкамъ: «1725 году изъ фавраль мысль получила и письмо изъяснилъ, что Омѣцъ Отчестия, Петръ, Императоръ Первый, отъѣхъ сего солнца. И златомъ ту бумагу слѣзами, какъ по должностямъ о ложе Государя, такъ и

ко многим слою ко милю милостями и, гд-гд, не лгут, были балые сумки из беспамятства, да иначе бы лгут и грехи были: сей Монархъ отечество наше привелъ въ спасение съ прочими; научилъ умозы, что и мы люди,—однила слова, но чистъ изъ Россіи по азанамъ, все же начиняя клянца, и чтобы отрадѣть иль дѣжалось, отъ него исчезнувшіе чертами будущіе; а миъ собственно, сперхъ амбициознаго, были Государь и Отецъ милосердій. Да отчимъ Господь душу же, многострадавшую о пользу общей, съ прощеньемъ! — Непланъ, и посты не могъ говорить о Петре безъ слезъ; когда его просилъ кто-нибудь разсказать чѣ-либо о Петре Великомъ, то онъ обыкновенно говорилъ: „Да, братица, мы солить ложемъ, чтобы я плакалъ!“ — Компилияция Петра Первого вызвала слезы не у одного Невлиева, но весь плакала вся Россія; когда въ Москвѣ Успенскій соборъ былъ прочитанъ манифестъ о смерти Императора, то по всему храму раздались громкие вопли колышатся: „воктишу!“ — зачѣмъ однѣ очицѣсть, — „такого ужаса народнаго отъ рожденія моего я никогда не видать и не слыхалъ, что и по небѣ приходили и улицы, по той же публичціи, чинилось!“ — Остань и мы себя крестныи запишишь и скажешь: „Господи Боже Нашъ, умной душѣ многострадавшаго раба Твоего, Императора Петра Первого, и учини слою изъ роти, иль же лицу Святыхъ Твоихъ, Господи!“

Пречиники Петра Великаго также не переставали ціянить заслуги и труды Невлиева. Федосы Федоровна, ть отсутствіи своего мужа, жила въ Шелдубѣ почти одинокою; родившися, вскорѣ послѣ отъѣзда отца, дочка Марса умерла еще въ младенчествѣ, а черезъ два

года скончался и оставилъ съ нею семилѣтній сынъ Иванъ; старшій сынъ Адрианъ, по желанію отца, перебралась для образования въ Амстердамъ (изъ Голландіи) и находился за тысячу верстъ отъ отца и матери, такъ—что Федосья Федоровна жила только вдвоемъ съ своей дочерью Маріей Ивановной, которой пошель 14 годъ, когда мать задумала бѣхть изъ мужу въ Царыградъ, гдѣ уже болѣе 6 лѣтъ проживалъ съ одноклассикой и грустившій по женѣ и дѣткамъ супругъ. Неплюевъ самъ просялъ Государиню Екатерину Первую отпустить его жену изъ Константиноополя. Государиня охотно согласилась на это, подарила женѣ Неплюева 500 р. на дорогу, приказала проводить ее на казенный счетъ, выѣхѣть съ дочерью, и назначила ей изъ провожатыхъ двухъ офицеровъ: Тагищева и Наковальнича.

Прошло уже шестнадцать лѣтъ, какъ Федосья Федоровна вышла замужъ за Ивана Ивановича, который, какъ мы упоминали, на второй же годъ поѣхъ женитѣбы удалился на 16 мѣсяцевъ въ монастырь, чтобы исполнить свой обѣтъ и помолиться изъ уединенія Богу; потому, по волѣ Государа, Неплюевъ выѣхѣть изъ школу и пять лѣтъ учился за границей, въ Италии и Испаніи, и теперь уже болѣе шестнадцать лѣтъ, радѣя о пользѣ отечества, служилъ и жилъ въ Константиноополѣ, или Царыградѣ. Несомнѣнно, что жизнь изъ деревень, сопровождавшаяся горестною утратою дѣтей, вдаль отъ мужа и первенца сына, притомъ раздѣленныхъ тысячиами верстъ, не могла быть отрадной для молодой женщины—матери, изъ самой лучшей порѣ жизни; поэтому совершенно понятны тѣ радости,

чувствія, которые переполнили сердце Федосы Федоровны на пути къ мужу, изъ Константинополя. Очень длиненъ показалъ ей путь до далекаго Царыграда; иконицъ изъ половины августа 1727 года Неплюю, послѣ счастливой разлуки, увидѣть свою жену и дочь,— и то-то, надо полагать, было у нея радость! — Федосы Федоровны прожила въ Царыградѣ съ мужемъ шесть лѣтъ бывшаго; здесь у нихъ родились дочь Арина и сынъ Николай, которые были послѣдними дѣтьми Неплюя.

Императоръ Петръ II, пресмыкъ Екатерины I, показалося Неплюю новое избѣжаніе изъ Устюжскому уѣзду, село Шерть, а съ поспѣшностью на престолъ Императрицы Анны Іоанновны Неплюю получила чинъ штабс-капитана или контуз-адмирала флота. Дружескія отношенія Россіи съ Турцией, пока Неплюю жаль изъ Царыграда, не прерывались. Въ 1732 г. Неплюю сильно заболѣлъ, параличомъ покинувъ отъ одного архимандрита, прѣѣхавшаго изъ Царыграда съ Азовскихъ горъ. Оказалось, что той же болѣзнь могли заразиться его жена, дѣти и слуги; Неплюю перевѣзъ въ Виондере (предѣльє Царыграда), замерся въ особую комнату и получать пищу въ окно, не пуская въ себѣ никого, даже своей жены, которая ежечасно со слезами просила его о тогъ, стоя у дверей комнаты. Хотя пріемы хими съ подозрѣніемъ избавили отъ этого недуга; но и послѣ времена-отъ-времени случались съ нимъ такие припадки. Изъ опасенія и предосторожности, съ производилъ свое счастество въ Россію съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Шербаковымъ, а самъ остался въ Константинополѣ, такъ-какъ болѣзнищіе припадки его не прекращались; законецъ въ 1734 г. болѣзни Неп-

плечи до того усилились, что прими отказались льготить его. Не имѣя болѣе силы продолжать службу въ Царыградѣ, Неплюевъ просилъ у Государини Алии Іоанновны помилованія и обратиться въ Россію, на что и получалъ разрешеніе. Въ исходѣ 1735 года Неплюевъ прибылъ изъ Петербурга; 30 января слѣдующаго года онъ получалъ чинъ тайного советника, а юнцы черезъ два бывъ включены въ число членовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ производствомъ ему жалованья по 2264 руб. 84/, коп. на годъ.

Вскорѣ послѣ отѣзда Неплюева изъ Царыграда, гдѣ онъ прослужилъ, ради о полной отечества, почти 14 лѣтъ, открылась война между Турцией и Россіей, стоявшая имъ очень дорого: много погибло въ этой войнѣ русскихъ солдатъ, особенно отъ недостатка воды и продовольствій, но еще болѣе истрачено было денегъ безъ пользы для Россіи. Начались переговоры съ Турцией, кончившіеся Бѣлградскимъ миромъ, заключеннымъ 18 сентября 1739 г.; по этому миру Россія должна была возвратить Турціи всѣ занесенные ею крѣпости, кроме Азова и то подъ условіемъ — снять всѣ его укрѣпленія. Кроме того, Россія по этому договору обязалась не строить на Черномъ морѣ крѣпостей и держать свои корабли: торговля на этомъ морѣ могла производиться только посредствомъ турецкихъ кораблей. Такой печальный исходъ войны Россіи съ Турцией измѣтилъ отъ изгнанія нашей союзницы Австрии и отъ разногласія главныхъ лицъ, управлявшихъ тогда дѣлами нашего отечества; эти лица были пѣни: Остерманъ, Миллеръ и Биронъ, которые больше заботились о своихъ выгодахъ, чѣмъ о пользѣ и спокойствіи чуждой имъ Россіи, къ тому же они и пересеклись въ своихъ интересахъ и даже въ политической группировкѣ.

рились между собой, действуя какъ лебедь, шукъ и ракъ изъ известной басни Крылова съ тѣмъ же названіемъ: Милычъ, какъ лебедь, „рвался изъ обѣзка“ порохового дыма, Осторожнъ, подобно шукѣ, „танцуетъ въ водѣ“. Биронъ же, какъ ракъ, „плытися назадъ“, а известно, „когда изъ тонущихъ сунуты щѣты, — изъ грудь ихъ дѣло не пойдетъ“.

Ив. Ил. Неплюевъ былъ во это время назначенъ губернаторомъ изъ Кієва и ему же было поручено, собственно съ княземъ Рѣпиномъ и инымъ, произвести размежеваніе земель по рѣкамъ Дніпро и Вору между Россіей и Турцией. Но смотря на болѣзнь, которой Неплюевъ подвергся изъ сентября 1740 г., онъ съ ускакомъ выполнилъ порученное ему дѣло и пократился изъ Кіева, где оставалась его семья. Здѣсь 4 декабря, изъ день Св. Великомученицы Варвары, скончалась жена Неплюева, Федосья Феодоровна, на 46 году отъ рожденія и была погребена подъ Феодосиевыми пещерами изъ Кіева. Если Богъ приведетъ кому-нибудь изъ насъ, читатели, быть изъ Кіева, этой колыбели Св. Руси, зайдите въ придельь первыи Рождества Богородицы, находящейся на дальніхъ пещерахъ Кіево-Петерской Лавры; тамъ внутри храма вы увидите каменную плиту и прочтете на ней слѣдующую надпись: „1740 года, декабря 6 дня погребена здѣсь раба Божія Федосія, жено Кіевскаго губернатора Ильи Неплюева, представляемася въ томъ же гробѣ изъ-подъ декабря 4 дnia“.

Илья Неплюевъ имѣлъ отъ нея шесть чадъ: три сына (Адріана, Ивана и Николы) и три дочери (Марію, Мару и Анну), изъ которыхъ сынъ Илья умеръ 7 лѣтъ изъ Поддубъ и дочь Мария, вскорѣ послѣ рожденія,—такъ же, такъ-что, послѣ смерти Федосы Феодоровны, у Неплюева осталось изъ живыхъ только

четверо детей: два сына и две дочери. Старший сын Адрианъ Ивановичъ уже служилъ въ это время секретаремъ Русскаго посольства въ Царыградъ, а старшая дочь Марія Ивановна, еще при жизни матери, вышла замужъ за Всевіль Яковлевича Ринскаго-Борисакова, замѣтнаго красавца и щеголя своего времени, пользующагося особенной любовью и милостями Импераціи Елизаветы Петровны, которая пожаловала ему 700 душъ крестильщъ въ Муромской волости Нижегородской губерніи. Всевіль Яковлевичъ умеръ, въ чинѣ капитана флота, на 55 г. жизни и потребенъ въ Александро-Невской Лавре въ Петербургъ, где покончился и прахъ его жены Маріи Ив., пережившей на 12 л. своего мужа и умершей однѣтъ съ нимъ лѣта. Другая дочь Никоновна, Анна Ивановна, осталась послѣ матери 10 лѣтъ, а сынъ Николай Ивановичъ 9 лѣтъ.

Вскорѣ послѣ смерти своей жены, Неплюевъ бывъ изнанъ въ Петербургъ и награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго и постыдами въ Малороссіи; Родицкую волостью и селами Быховъ и Баллавонъ, изъ коихъ было болѣе 2000 дворовъ. Всѣдѣ погибъ его изначали гвардійцемъ командиромъ всей Малороссіи, потому онъ и долженъ былъ снова уѣхать изъ Петербурга. Отправился изъ Малороссію, Неплюевъ остановился на некоторое время въ Москвѣ и здесь 7 октября 1741 г. познакомился на красавицѣ — фрейлине Анне Ивановнѣ II паниной, родной сестрѣ графа Петра и Никиты Ивановичей Паниныхъ, изъ которой отъ рода 28 годіи по Ивану Ивановичу, такъ увидавъ, пришлось пережить и вторую свою жену. Неплюевъ прибыль въ Глуховъ съ своей молодой женой 30 октября и поселился въ Гетманскомъ дворѣ. Дѣти

Неплюевы только здесь познакомились съ своей образованной начальной, которая за три года была моложе старшей дочери Неплюева, Марии Ивановны, по мужу Рихардовской. Почти юный юнкер прошелъ изъ удовольствій: поздравленія, прѣзы знакомыхъ и служащихъ, семейные обѣды и вечера весело съѣзжали другъ другу; счастливые супруги и не подозривали, что ихъ вторознаменіе горѣ. Въ Петербургѣ произошло перекоротъ, введеній на престолъ дочь Петра Великаго, Елизавету Петровну,— и Неплюевъ, по чину арагонъ и замѣстника, быть арестованъ, присланъ въ Петербургъ, лишенъ малороссійскихъ деревень, чиновъ, кисти и ордена Св. Александра Невскаго. Но по едѣству, произведеному надъ Неплюевымъ, онъ оказался невиннымъ изъ тѣхъ шпионовъ, которые ему приписывали враги его,— и Государыня, возвративъ ему чинъ, и орденъ Св. Александра Невскаго, назначила его главнымъ начальникомъ Оренбургскаго края, хотя его малороссійскій деревни тѣль и остались въ казачьи и поѣхѣ перешли къ другимъ. Неплюевъ хорошо сознавалъ трудность и сложность избранныго ему дѣла по устройству малочисленнаго, обширнаго, безъкофного и дикаго края; но онъ не стѣль отворачивалъся отъ своего назначенія и бѣзропотно покинулъ царской волѣ. Не тѣль подействовало это назначеніе Неплюева въ Бакирю на его молодую жену Анну Ивановну: она бѣла въ отчаяніи и плачилась слезами, но все-таки рѣшиласьѣхать съ мужемъ.

Определены сына Николая въ кадетскій корпусъ, Неплюевъ, въ сопровожденіи жены и однодворційской дочери Анны И., отправился къ новому чину служеній, положившись во всѣмъ на волю Божію. Много труда,

разныхъ заботъ и хлопотъ ожидало адѣль Неплюевъ. Въ составѣ Оренбургскаго края тогда находили, кроме вышнейшей Оренбургской губерніи, еще губерніи Уфимская, Сакмарская, часть губерній Астраханской, Казанская, Пермской, земли Уральскаго казачьаго войска и киргизской степи, такъ-что оружейность всего края рождалась, начиная съ изобилиемъ мыла чистаго времена. На обширность пространстствъ этого края издавна сходились, праздновали, выражались и переносились разныя инородческия племена, уступая постепенно господство надъ краемъ русскому племени. Но дорогой цѣнной кузнице себѣ Оренбургскій край воронилъ Россія,—цѣную кромѣ многъ тысячъ людей, забывавшихъ своимъ kostями землю этого края; много, очень много было пролито адѣль русской и башкирской крови прежде, чѣмъ русскіе окончательно западали отъ края. Были дары солнца льна, съ неизлечимыми промежутками, продолжалась адѣль борьбы русскихъ со башкирами, которыхъ считаютъ коренными и древнейшими обитателями Оренбургскаго края. Преданные своему народу башкирскія воїди Сонтъ, Куюнъ, Сентбай, Рысалибай, Күслибай, Асунатгуль, Кильнякъ-Абизъ, Сабанъ Беарукій, Юсупъ, Арысланъ, Янусъ Иналовъ, Джигитгуль Усѣтъевъ, Карабашъ Углевдовъ, Икунъ Каиншевъ и многие другие храбрые башкирцы погибли въ борьбѣ съ русскими: одинъ изъ нихъ былъ убитъ во время войны, другие палили послѣ усмирѣнія башкирскаго бунта. Начинается 1735 г. по 1740 годъ, когда Оренбургскій край управляли посѣдѣнительно одинъ за другимъ Илья Карловичъ Кирilloвъ, Василий Никитичъ Таташевъ.

и князь Василий Алексеевич Урусовъ, — изъ эти
шесть лѣтъ казнено и убито въ сраженіяхъ 9438 чл.,
составо въ категоргу 3101 чл.; раздано поимѣнно 6309
чл. башкирскихъ женъ и дѣтей; изъ штрафъ зо-
шадей и рогатаго скота 17.154 головы и сожжено 296
башкирскихъ деревень. Озабоченные башкиры и поко-
гавше изъ въ борьбѣ съ русскими киргизы, каракал-
паки, калмыки и др. инородцы, изъ свою очередь, без-
пощадно потили русскыя: они перерѣзали въ Вѣрх-
ней и цкой крѣости (нынѣ Верхнеуральскъ) всю
команду; выжгли вѣсъ деревни около Биярека,
Записка, Старошешминска и Мензелин-
ска; селенія по рѣкамъ Кленѣ, Вѣлой и Самарѣ бы-
ли разграблены; церкви, дома поимѣнно и хлѣбъ
были сожжены; крестильни убивали, уводили изъ изъ
и продавали въ Хазу, Вухару и Крымъ; стариковъ
и подростковъ—дѣтей спили живыми на колы, а
иныхъ днили изъ заборихъ; случилось, что остери-
нившіеся башкиры даже разрывали живыя русскихъ
и разбрасывали тѣла и кости умершихъ по клад-
бечу и дорогамъ. — Вотъ изъ какой край бывъ на-
званіе Ив. Ив. Неплюевъ, — было ему надѣть чѣмъ
подумать, не безъ причины заливались слезами и его
холодная жена. Но, къ счастью Неплюева, сильные
бури пропеслась надъ Оренбургскими краемъ во времѣніи
его прѣѣза изъ Самары, гдѣ тогда жилъ главный
иначинникъ края, а пакъетно, что послѣ бури бываетъ
затишье: склонили ружейные щастрѣли; разсыпалася по-
роховой дымъ и снова проглянуло красное солнце,
любовно лаская широкія степи и ихъ обитателей.
Воспользовавшись трудами своихъ предшественниковъ,
изъ коихъ двое (Кирилловъ и Урусовъ) уже покончевъ

иѣчимъ спокъ въ Самарѣ⁽¹⁾. Иванъ Ив. Неплюевъ занялся благоустройствомъ Оренбургскаго края на его развалинахъ, непелищъ и сѣжихъ могилахъ павшихъ въ опасочномъ первомъ бою людей, русскихъ и чужородцевъ.

Прибытие Неплюева въ Самару.—Побѣда въ Уфу и Орскъ.—Основаніе, построеніе и укрѣпленіе настоящаго Оренбурга.—Возникн. линіи укрѣпленій въ Оренбургскомъ краѣ при Неплюевѣ и послѣдніе изъ нихъ погибли.—Начало, присоединеніе и устроеніе Оренбургскаго казачаго войска.—Соединеніе оренбургскаго края съ Западной Сибирью.

Въ концѣ апрѣля 1742 г. Неплюевъ прибыль въ Самару, гдѣ тогда жили главные командиры Оренбургскаго края. Пришель отъ генерала Лохтіа Иаковліча Семёнова войска и всѣ дѣла по управлѣнію краемъ, Неплюевъ въ іюнѣ того же года выѣхалъ изъ Уфы. По прибытии въ Пересовоцкую крѣпость, онъ составилъ изъ штабъ-офицеровъ Военный Соймъ и предложилъ на его обсужденіе вопросъ обѣ укрѣпленій линіи по р. Сакмарѣ. Военный Соймъ, подъ предсѣдательствомъ самого Неплюева, постановилъ построить на Самарѣ лѣв. крѣпостъ и два редута и поселить въ нихъ Шемышинской ландмилицкой драгунскій полкъ; тогда же было положено устроить на р. Большой Каргалѣ каменную тѣсопилку, а подполковнику Булакову поручено

(1) На Екарѣ Каргалѣ умеръ отъ чумки 14 апрѣля 1737 г., а В. А. Трусицы—отъ чумки 20 июля 1741 г. Оба погребены во Старомъ Каинскомъ соборѣ, въ Самарѣ.

заготовитьъ изъ наиболѣе удобныхъ къ поселенію мѣстахъ достаточное количество лѣса. Бѣкоубъ посѣтъ этого, напр. Сакмарѣ были построены крѣпости: Воздвиженская и Пречистенская и редуты: Желтый и Никитскій. Неплюевъ приказалъ общесть изъ запасомъ, сдѣлать къ пристойному мѣстахъ батареи и поставить на нихъ пушки. Въ Пречистенской крѣпости были посѣдены пять ротъ Шомининскаго драгунскаго полка и одна рота пѣхотнаго Алексѣевскаго полка; батальонъ же роты Шемининскаго и одинъ рота Алексѣевскаго полка посѣдены въ Воздвиженской крѣпости, которая была основана лично самимъ Неплюевымъ 14 сентября 1742 г., въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня. Укрѣченіе Сакмарской линіи было только началью щѣлого ряда военныхъ поселений, крѣпостей и редутовъ, которыми Неплюевъ, какъ колющомъ, огнилъ всю Балкирию.

По прибытии изъ Уфы, Неплюевъ пригласилъ къ себѣ вице-губернатора Петра Диятревича Аксакова и подробно распросилъ его о состояніи Уфимской провинціи, населеніе которой состояло преимущественно изъ башкиръ и другихъ пришлихъ извѣздами: чеченъ, чуваши, мещериками, тентарей и вотиковъ. Изъ Уфи Неплюевъ отправился въ самую глубь Башкирии и указалъ мѣста, для устройства крѣпостей по берегамъ теченью р. Икка, или вымытшаго Уралъ. Не мало удивлялся онъ, по прѣѣздѣ изъ первоначальнаго Оренбурга, что этотъ городъ, переименованый нынѣ въ Орскъ, имѣлъ простой плетеный зылутъ. Неплюевъ приказалъ укрѣпить городъ паломъ съ бастионами. Въ 1743 г. Неплюевъ осмотрѣлъ мѣста наиболѣе удобныя для зведенія крѣпостей по р. Ю и Увадѣ, совершивъ во-

фозду из протяжения более 700 верстъ въ глубь Башкирии, начиная отъ Орска, где не было ни одного управляемаго пункта, кроме Верхнеуральской, основанной еще Кирilloвымъ въ концѣ 1734 г. Во время этой поездки Неплюевъ подожилъ основание 8 крѣпостамъ и 18 редутамъ, поселивъ въ нихъ гарнизоны и доставилъ имъ все необходимое, для изъ защиты отъ стенныхъ нападокъ.

Въ то время, именемъ Неплюева возвращалась изъ поездки съ верхней линіи, сопровождавшая его жена, Анна Ивановна, заболела и умерла въ Орске, где и была погребена при церкви Преображенія Господня, которая со временемъ своего основания, 6 августа 1735 г., два раза переносилась на новое место и четыре раза горѣла. Анна Ивановна была погребена при второй церкви; теперь это мѣсто застроено домами, а настоящей храмъ, уже четвертый по времени, построена на новомъ мѣстѣ и освящена 6 декабря 1850 г., по благословленію прославленнаго Іоанфа, епископа оренбургскаго и уфимскаго. Не драмъ, Анна Ивановна заплакалась горькими слезами, когда узнала, что ей приходится бѣхать съ мужемъ изъ далекой, дикой и сырьевой земли, изъ Башкирии, где столько было предъ тѣмъ пролито чистой и чистиной крови башкирцевъ, и русскихъ; она же будто предчувствовала, что здѣсь, вдали отъ родины и родныхъ, жила съ холодныхъ одновреми могила; она умерла еще очень молодой: ей было всего 26 лѣтъ отъ роду. Схоронить свою и вторую жену, Неплюевъ покорился Промыслу Божию и послышалъ удаляться изъ Орска, чтобы продолжать начатое имъ дѣло, на попыту избранныго ему Оренбургскаго

праз. Сперва он выбирал все Башкирию с целью изыскать крепостей и редутовъ. Неплохъ не жаль было избранъ и твъгъ, какой пунктъ избрать главнымъ между крѣпостями. Мѣсто расположение первоначального Оренбурга (Орска), основаннаго Киралломъ, не вразумилось Неплюеву потому, что близъ его не было лѣса; кроме того, оно слишкомъ было удалено отъ внутренней Россіи и потому представляло большія опасности для купеческихъ каравановъ, которые могли подвергаться грабежу отъ киргизовъ. Помимо этого виноградъ и поѣмнаго пространства мѣстности, Орская крѣпость, по мнѣнію Неплюева, представляла большія неудобства и для надзора за башкирами, вслѣдствіе ее отдаленности отъ ихъ земель, расположенныхъ внутри военной линіи. Сначала внимание Неплюева остановилось на Чернорѣческой крѣпости: близкость Сакмарского устья и обилие лѣса по Сакмарѣ говорили въ пользу этого мѣста; но поблизость лѣнаго берега Урала, во время весеннаго половодья, могла затруднить подъѣздъ къ городу киргизамъ и другихъ степныхъ народамъ, а это отпугивало бы неблагопріятно изъбѣжной торговле города, который долженъ быть сдѣлаться главнымъ торговымъ рынкомъ для всей южной торговли края и пограничныхъ съ нимъ средневолжскихъ ханствъ. Поэтому Неплюевъ предпочелъ Чернорѣченской крѣпости то самое мѣсто, где находится настоящий Оренбургъ. По преданию, на этомъ мѣстѣ въ прошлое время жилъ ногайскій ханъ Ва с и а и зъ, станиь котораго называли Актуба. Избрали новое мѣсто для построеній Оренбурга. Неплюевъ присказалъ инженерамъ составить планъ предположенного къ постройкѣ нового города и, когда планъ былъ готовъ, отправилъ его на Высочай-

шое разсмотрение. На планѣ городъ представляеть овальную фигуру многоугольника объ единнадцати полигонахъ, десяти бастіонахъ и двухъ полубастіонахъ у самаго берега Урала. Въ крѣпость вели четьре ворота: на восточной сторонѣ находились Орскія ворота (изъ 3-иъ полигонѣ), на западной — Чертополискія (изъ 9 полигонѣ) и Уральскія (тогда Яшкинія — изъ 10 полигонѣ), а на сѣверной сторонѣ бѣла Сакмарскія ворота (изъ 6 полигонѣ); послѣднія ворота также назывались Сакмарскими, потому-что чрезъ нихъ пролегала зимняя дорога въ Самару; при плавѣ съ р. Урала на гору положено было устроить еще Водяныя ворота, сохранившіяся доселѣ и находившиеся теперь при спускѣ съ пешеходному посту чрезъ Уралъ на Бухарскую (глѣбную) сторону.

Планъ, представленный Неплюевымъ, былъ утвержденъ и городъ заселенъ; но построеніе настоящаго Оренбурга не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. Въ новостроющемся городѣ и другихъ сестринскихъ изѣсткахъ по р. Сакмарѣ быстро распространилась чумнота болѣзы: изъ 1350 чл., заболевшихъ чумною, умерло 631 чл.; особенно безпощадно косила людей эта болѣзнь осенью. Старалась ободрить умнѣвшихъ духовь новопоселенцевъ и рабочихъ, Неплюевъ, всегда начинавшій для колитвой и во всемъ полагавшій на помощь Божію, употреблять всѣ усилия и жиры къ тому, чтобы довести до конца строеніе города. Онь даже не хотѣлъ, хотя и можъ-бы, воспользоваться тѣми удобствами поѣзденія и обстановки, которыхъ еще не имѣли окружавшіе его рабочіе и новопоселенцы: до самой глубокой осени онь жилъ въ обыкновенной землянѣ, какая бывала у послѣднаго рабочаго. Имѣя только два

своей двадцатиэтнай дочери, Анны Ивановны, кибитку и лично надзорил и распоряжался работами по устройству городскихъ зданій. Импер. Ивановичъ не прежде перешелъ изъ обстроенной для него дому, такъ какъ обитатели зданий получили возможность жить также въ домахъ, а гарнизонъ — въ казармахъ. Нельзя во-
здушаться такой самоотверженности для общаго блага и такой силы вели Наполеона, особенно въ выше времена, когда имѣючи киль-бы разумѣлись покорно сносить свои неудачи и лишения.

Для безопасности жителей Оренбурга, Наполеонъ обнесъ городъ рвомъ и валомъ съ каменною стѣною. Валъ имѣть въ окружности пять верстъ и 192 сажени; высота его на разныхъ местахъ достигала 12 футовъ, на высокихъ — била менѣе, а на низкихъ болѣе 12 ф.; ширинъ равнина равнялась 6 саженью, глубина рва 12 футовъ, а его ширинъ 35 фут., или 5 сажень. Жалкіе остатки этого вала и пристоящаго къ нему рва можно еще и теперь заметить на посточной сторонѣ Оренбурга, между Преображенскимъ соборомъ и пансиономъ Духовской семинарии. Ширина города имѣла 570 сажень, а длина 677 сажень. За валомъ била застроена Козачья слобода, или вышний Форштадтъ; здесь положено было устроить на протяжении 388 сажень редутъ (1) съ тремя бастионами и съ однимъ реданомъ (2) къ рекѣ Уралу. Верхъ р. Урала, противъ симого города, имѣть на протяжении 275 саж. брустверное укреплѣніе съ однимъ реданомъ, для обороны города съ рѣчной стороны. Соступы вся крѣпость были облицованы плитами изъ камня. Киль-быстро застринулъ Оренбургъ, можно судить по

(1) Терминъ.

(2) Спередней засыпки.

тому, что чрезъ четыре года послѣ его основанія иль нещь было уже 4 церкви, 837 дворовъ, кромѣ казенныхъ зданій, и около 175 лавокъ для торговли, а еще спустя лѣто 12, т. е., въ 1760 году въ Оренбургѣ считалось уже 2966 домовъ, кромѣ находившихся за городомъ избылокъ, церквей же было десять, изъ коихъ Петропавловская и два собора: Преображенскій и Владенскій были каменные и со сводами; оба эти собора были построены и освящены при Неплюевѣ, казанскимъ преосвященнымъ Лукою Константиною иъ, известнымъ ревнителемъ христіанскаго просвещенія инородцевъ и обращенія ихъ въ Православную иѣру. Въ Преображенскомъ соборѣ, недѣльно отъ входныхъ дверей храма, на задней стѣнѣ, досчатъ сохранилась надпись о времени его освященія (12 ноября 1750 г.).

Иль городскихъ улицъ въ Оренбургѣ лучшими тогда были счѣдущіе: Губернская, Фрѣкка, Яицкая, Уфимская, Пензенская, Самарская, Петропавловская, Троицкая, Воскресенская, Преображенская, Успенская, Никольская, Садовая, Артиллерійская, Нижняя, Комиссарская, Посадская, Гостиная. На площади, среди города, находились памятники съ изображениями поклонинъ и съ куполомъ надъ ними, гдѣ помышались городскіе чины съ небольшими колокольчиками, а на самомъ верху купола — красовался государственный гербъ (двуглавый орелъ). Иль каменныя городскихъ зданій особенно были замѣтны по своей величинѣ и устройству: двухъэтажный домъ Губернаторской Капелларіи, въ нижнемъ этажѣ которого хранились важныя бумаги и казенные суммы; губернаторскій домъ, состоящий изъ двухъ флигелей,

Полковой канцелярия, пейзажи, пртилерийской двор, амбарный и пивоварный дворы, проишествие и солдатские магазины и госпиталь, при котором состояли докторы, аптекари, лакиры и несколько подлакарей и учеников.

В 1744 г., вследствие особого ходатайства Неплюева, была открыта Оренбургская губерния⁽¹⁾ и Неплюевъ, какъ первый Оренбургскій губернаторъ, долженъ быть тѣль башкиръ, киргизъ, пограничныхъ земель, привиліи Исетскую и Уфимскую къю. Степногольские крепенія калмыковъ, вышедшихъ изъ внутреннихъ краевъ изъ Оренбургской губерніи, ему же было подчинено въ Иппове (Уральское) войско.

Познакомившись съ краемъ и съ дѣлами по его управлению, Неплюевъ убѣдился, что большая часть правительственныхъ распоряженій, иссыпавшихъ башкиръ и другихъ инородцевъ края, оставилъ пока только на бумагѣ; должного порядка въ управлении не было; между башкирами находилось много недовольства русской властью и особенно притесненіемъ со стороны чиновниковъ; въ расходахъ сумъ найдены большой безпорядокъ и громадный недочетъ; инородцы и русскіе поселенцы края, вслѣдствие постоянныхъ бунтовъ среди башкиръ и злоупотребления некоторыми военодѣлами, страшно бѣдствовали; многие деревни были опустошены или пожжены; болота пространства плодородной земли лежали нетронутыми, склонны плуга землемѣра и укала рабочихъ рукъ; о торговлѣ и промышленности, изъ настоящемъ смыслъ этихъ словъ, нечего и говорить; каждый торговый карандашъ пропи-

(1) При Екатеринѣ губерніе Оренбургскаго края называлось «Неплюево», а потомъ «Оренбургской губерніей», при Татьяне же и Елизавете — «Оренбургской Еланевской».

дось-бы охранять погранич. войсками не только отъ киргизовъ и калмыковъ, но и отъ разбойническихъ шайокъ каркаспаковъ, кангарцевъ, хазиниковъ и другихъ средне-азиатскихъ народовъ; на громаднотъ пространстѣ отъ Каспійскаго моря до Аравийскаго и отъ первоначальнаго Орехбрега (нынѣшнаго Орска) до Самары не было почти ни одного хорошо укрепленнаго пункта; самъ Оренбургъ (Орскъ), кроме комендирскаго дома, представлялъ рядъ бѣдныхъ землянокъ; укрѣденіе его состояло изъ простаго цетана, находившагося на верху земляного вала, и охранялось небольшими гарнизонами. Понятно вслѣдъ этого, какъ много труда и дѣла предстояло ширеи Неклюеву, при такомъ неустроенномъ и беспорядочномъ состояніи Оренбургскаго края. Чтобы безпрепятственно заняться его устройствомъ, Неклюевъ, прежде всего построилъ обезопасить, пѣтровский ему краю отъ башкиръ и киргизъ рядомъ, крѣпостей и увеличилъ военныхъ силъ края; съ этого, какъ мы уже знаемъ, Неклюевъ и началъ свою дѣятельность изъ Оренбургскаго края, положивъ основаніе Самарской линіи въ первый же годъ, по прибытіи его въ Самару. Прошло еще лѣтъ пять-шесть,—и Оренбургскій край, благодаря заботамъ и трудамъ умнаго Неклюева, сдѣлался достаточно оборонительнымъ и безопаснымъ отъ набѣговъ и грабежей киргизовъ, каркаспаковъ, зонгоръ и др. кочующихъ ордъ. Главнѣйшимъ укрѣпленнымъ пунктомъ при Неклюевѣ сдѣлался настоѧщій Оренбургъ; отъ него на западъ шла Самарская линія крѣпостей и редутовъ, на востокъ — Красногорская линія дистанціи Верхнеландской линіи и Уйская линія, на югъ — Нижнедиджан, а на сѣверъ — Сакмарская линія и Орская дистанція Верхненян-

хой линії. Разсмотримъ подробѣть составъ этой линіи и отдалѣніе направлѣніе къ протяженію изъ неї.

1) Самарская линія соединила Нижнеизицкую съ Волгой и отдѣлила башкирцевъ отъ казаковъ, починившихъ изъ степей между реками Иловоть (Уралъ), Самарой и Волгой. Самарская линія, кромѣ Самары и пригорода Алексеевскаго, состояла изъ 8 крѣпостей и 3 редутовъ, которые или изъ таокъ порядка по направлѣнію отъ Самары къ Оренбургу: крѣпости Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулуская, редутъ Погромный, кр. Тонкая и Сорочинская, ред. Крестовый, кр. Новосергѣевская, ред. Плотниковъ и крѣпость Переялоцкая. Всѣ эти крѣпости были заведены еще И. К. Кирилловичемъ, кромѣ Новосергѣевской, основанной Н. Н. Татищевымъ въ 1738 г., и Ольшанскою, застроенной въ 1741 г. княземъ В. А. Урусовымъ.

2) Нижнеизицкая линія, начинавшая съ Чернорѣческой крѣпости въ 18 верстахъ отъ Оренбурга, простирались до самого Каспійскаго моря на протяженіи болѣе 700 верстъ. Кромѣ городомъ Гурьевъ, Кудачинъ, Калмыковъ, Илецъ и Нижнаго городка (нынѣ Уральска), эта линія имѣла еще 19 крѣпкихъ форпостовъ и 4 крѣпости: Рыбаковскую, Нижнеизицкую, Татищеву и Чернорѣческую. Большая часть укрепленій этой линіи получила свое начало при Николаѣ.

3) Самарская линія, основаніе и устройство которой также принадлежитъ Николаю, состояла, кромѣ Самарского городка, изъ двухъ крѣпостей: Пречистенской и Владиженской, и двухъ редутовъ: Желтаго и Никитскаго. Входи въ склонъ съ городкомъ

Уфой, Мензелинскому, Бирскомъ и Осой, Сакмарская линія служила такъ-бы соединительнымъ звеномъ между внутренними крѣпостями Вайкериі, основанными еще при Бородино (Габашекой, Ельданскои, Нагайбакской и Красноуфимской), и посѣденіями по рѣкамъ Уралу и Сынарѣ.

4) Верхне-ицкая линія заключала изъ себѣ 16 редутовъ и 9 крѣпостей, расположенныхъ на протяженіи 561 $\frac{1}{2}$ версты. Направляясь отъ Орскѣйтра на постокъ и частично склоняясь къ юго-постоку, соотвѣтственно течению р. Урала, она отъ Орскѣйтра, какъ и сама рѣка, круто поворачивала на сѣверъ и шла въ такомъ направлѣніи до Верхнепанской крѣпости, или нынѣшнаго Верхнеуральска. Верхнепанскія линія раздѣлилась на два дистанціи: Красногорскую и Орскую. Въ составѣ первой входили слѣдующія укрѣпленія: редуты Нижнекій и Базовый, кр. Красногорская, р. Гиральская, кр. Озерная, р. Никольская, кр. Ильинская, р. Подгорная, кр. Губерлинская и ред. Разбойный. — Орскую дистанцію составляли: крѣпость Орская, ред. Калинскій и Торгалинскій, кр. Типатинская и Урдасынская, ред. Оровская, Веревовская, Урдасынский и Гризунинский, кр. Кизильская, ред. Сиртанская и Аигельская, кр. Магнитская и ред. Верхне-кызылскій и Спасский, отъ которого до Верхнепанской крѣпости фтидалось 15 верстъ. Все эти крѣпости и редуты были устроены Неплюевымъ, за исключеніемъ 4 крѣпостей: Красногорской, Озерной, Губерлинской и Верхнепанской, основанныхъ его предшественниками.

5) Усть-юла линія простиралась на 753 версты и состояла изъ 9 крѣпостей и 9 же редутовъ. Она за-

чинадь отъ Верхнепрѣйской крѣпости и оканчивалась крѣпостью Зыряноголовской, за которой въ 59 верстахъ начинались уже Сибирскія линіи. Усская линія такъ же, какъ и Верхнепрѣйская, раздѣлялась на дѣлъ дистанціи: Верхнеуїськую и Нижнеуїськую; первую составили 8 укрепленій: кр. Верхнепрѣйская, ред. Свіжской, кр. Углы-Баргатайская, р. Ерзединскій, кр. Петропавловская и Степная, р. Подгорный и Сапарезій; въ изданіяхъ же Нижнеуїськой дистанціи находилось 10 укрепленійъ звать: кр. Троицкая, ред. Ключевской, кр. Барокульская, ред. Верековскій, кр. Брутойская, р. Луговая, кр. Усть-Усская, р. Ка-таринскій и Озерной и кр. Зебришоголовская, отошедшая отъ Сибири въ Оренбургской губерніи въ 1763 году. За исключеніемъ крѣпостей Углы-Баргатайской и Зебришоголовской, все остальные укрепленія во этой линіи были заложены Ильинскимъ.

Отъ Верхнепрѣйской крѣпости, кромѣ Усской линіи, шла еще другая линія, воинихъ поселений, которая, захватывая съ одной стороны реку Усилку (левый притокъ Уя, впадающаго въ Тоболь) и бывшъ лежащія озера (Эткуль и Чебаркуль), а съ другой р. Минусъ, соединившись чрезъ нее съ укрепленіями мысами какъ по р. Минусу, такъ и по р. Исети, а чрезъ послѣднюю, проникнувшую въ себя съ правой стороны Минусъ и впадающую съ левой — въ Тоболь, входили въ синьи укрепленія по р. Тоболу и съ Екатеринбургскимъ вѣтвию по р. Минусу считались: Челябинскъ, какъ главный пунктъ всей Исетской проиниціи, кр. Миасская, Окуневской острогъ съ приписанными къ нему слободами: Карачаевской, Чуждацкой, Теченской, Песчанской и

Буткинскій, и избѣгъсть Усть-Мінійска, а по р. Исети: Исетскій острогъ, Меженскій, Красногорскій, Масленскій, Шадринскъ, монастыри Рафаиловъ и Далматовъ, и слободы: Башкильская, Иштапинская, Тарасовская и Борисовская. Вообще при Невьянске было заселено Оренбургской края около 114 укрепленныхъ мѣстъ, изъ коихъ болѣе половины были основаны, устроены и заселены, благодаря любви и трудолюбію умнаго и остроумного Невьянца. Съ устройствомъ крѣпостей, конечно, покорились и воинскии силы для ихъ заселенія и обороны.

Для заселенія укрепленныхъ жѣть въ Оренбургской краѣ, были употреблены дондиканскіе и драгунскіе полки: Шемышинскій, Билярекій, Сергіевскій и Алексеевскій, оберегавшіе ранѣе старую Закамскую линію; они были скомплектованы по сказѣ указа 19 февраля 1731 года. Первые два полка, Шемышинскій и Билярекій, были избрани изъ служилыхъ людей закамскихъ пригородовъ: Стромешинска, Новощепинска, Билярека, Крыловска, Тинска и Алексеевска; число ихъ простирилось до 5000 чл.; всѣ способные изъ нихъ къ службѣ были попечены изъ эти полки поголовно, а на будущее время подожено пополнять ихъ дѣтьми служилыхъ людей, которые ранѣе были городовыми дворянами, солдатами, драгунами, рейтарами и конѣцѣющими, и изъ 1724 г. памятни государственными крестьянами и положены изъ подушный окладъ. Въ 1731 г. Благочайший указомъ было предписано: «государственными крестьянами изъ не писать и не писывать, а быть имъ

шонрженну изъ службъ¹. Всехъ изъ было 29000 душъ; изъ службу брали одного изъ 30. Составъ всѣ четыре ландмилицкіе полка предначиналась для охраны Чертежищской, или Ново-Закамской линіи, основанной въ 1730 году; но съ учрежденіемъ Оренбургской линіи, Ново-Закамская линія была превышающію. Тогда эти полки подчинили перевести на Самарскую и Иппскую линіи; Татищевъ, какъ увидимъ дальше, предполагалъ даже заселить ими и нижнее течение Ины; Неплюевъ же, избрать охраненіе Нижневолжской линіи Иппскому войску, воспользовался ландмилицкими полками для заселеній и обороны крѣпостей по рѣкамъ Самарѣ, Сакмарѣ, по верхнему Иксу. Ую и другіи изѣстія. Кроме ландмилицкихъ полковъ, Неплюевъ также воспользовался для заселенія крѣпостей Оренбургскими и Уфимскими драгунскими полками, сформированными, по представлению Кириллова, еще въ 1735—1736 гг. изъ городошныхъ служилыхъ людей Уфи, Бирска и Мензелинска, а также изъ сибирокъ юдоросей. Съ увеличеніемъ числа укрѣплений изѣсть въ Оренбургскомъ краѣ, оказалось недостаточными для ихъ заселеній и обороны отическихъ шести полковъ. Поэтому приходилось наращивать помощь изъ имѣнъ регулярные полки изъ внутреннихъ туберий Россіи; но ихъ пребываніе въ Оренбургскомъ краѣ не могло быть постояннымъ: они нужны были вънутри государства, и на другіи окраинахъ Россіи, особенно на западной границѣ. Въ виду этого, Неплюевъ пришелъ къ тому убѣжденію, что необходимо было создать такую военную силу, которая бы могла быть подворена на постоянное жительство изъ подчиненныхъ крѣпостей Оренбургского края,—такой силой, по его

житию, могло быть Оренбургское казачье войско, на сформирование и устройство которого она и обратила свое внимание.

Оренбургское казачье войско состоялось изъ тѣхъ же симбирскихъ и предпринятыхъ лодей, кизз, и прочихъ казакъ общинъ, имѣя въ своей старинѣ армное родство съ Донскими казаками и съ сподвижниками Ермака, завоевателя Сибири; по ближайшимъ родоначальникамъ Оренбургскихъ казаковъ считаются Самарскіе и Алексеевскіе казаки, которые въ концѣ XVII века за свою службу были награждены землями, а въ 1735 г. получили и особое звание. Съ построениемъ переселенческаго Оренбурга, или нынешнаго Орска, Самарскіе и Алексеевскіе казаки были перенесены на службу въ Оренбургъ, и сдѣлались, такъ сказать, ядромъ Оренбургского казачьяго войска, и что указываютъ и исторические памятники старины: въ числѣ казакъ, привезшихъ изъ штабъ Оренбургскаго кирдильного войска, избетенъ 5 казакъ и 11 запасныхъ Самарскаго и Алексеевскаго казачествъ изъ 1734 и 1735 годовъ. Въследствіи же成立и Оренбургскаго казачьяго войска вошли также Уфимскіе, Исетскіе и частично Индікскіе (Уральскіе) казаки, съ привѣтствомъ татаръ, башкиръ, мещерянъ и катыновъ. 27 июля 1744 года состоялся Высочайший указъ о зачисленіи въ Оренбургское казачье войско всѣхъ привезенныхъ, поселившихся изъ крѣпостахъ Оренбургской губерніи; сюда же были переселены казаки изъ Землиной земли изъ редутовъ Лисаковскаго, Торланскаго, Хоролевскаго и фольдъ-пинчты Катуйскаго, Черноаркаго, Шешинскаго и др. Казаки, жившіе по крѣ-

постамъ, называвшихся крѣпостными и управлялись воеводами, а тѣ, которые жили въ городахъ и селѣ, имѣли выборное начальство и управлялись атаманомъ и старшинами. Наказъ „О ре и бургскіе казаки“ является впервые при Кирilloвѣ, съ построениемъ Оренбурга, а Неплюевъ даетъ Оренбургскимъ казакамъ правильное военное устройство. Въ 1755 г. Высочайше было утверждено штатъ Оренбургскаго казачьаго войска, составленный Неплюевымъ; тогда же были причислены къ Оренбургскому казаческому войску Исетской казаки, тѣ количествомъ 1000 человѣкъ. По штату 1755 г. Оренбургскихъ казаковъ считалось 5597 чел., изъ коихъ 1797 ч. были на жалованье. Во главѣ управления былъ поставленъ войсковой атаманъ, подчиненный непосредственно Оренбургскому губернатору. Въ 1756 г. Оренбургскихъ казаковъ были даны знаки и особые значки. Въ штабѣ Оренбургского войска доселе сохранились девять военныхъ значковъ и два знамени: одно въ ой ское знамя, другое въ одноконное, посыпанное Оренбургскому и непротивоположному полку 21 мая 1756 года.

Сознавая необходимость соединенія Оренбургской линіи крѣпостей съ Сибирью, Неплюевъ вскорѣ, по пробытии изъ Оренбурга, попытавъ соглашеніе съ сибирскими губернаторами Сухаревыми, а въ 1743 году представилъ въ Сенатъ особое изѣніе, по которому были изложены имъ причины о необходимости устройства крѣпостной линіи отъ р. Тобола, начиная съ старого Утракаго форпоста, на Коркину Слободу, а отсюда — къ Иртышу на Чиролукую Слободу. Сибирская линія должна была служить защитой и охраной

рускить поселений отъ набѣговъ съ киргизской стороны. Проектъ Неплюева о проведении Сибирской линіи былъ заслушанъ и утвержденъ въ Совѣтѣ. Устроены линію военныхъ поселений, крѣпостей и редутовъ. Неплюевъ не оставилъ ихъ безъ надзора и послѣ: онъ или самъ находилъ ихъ, или же поручалъ надзоръ за ними опытнымъ и надежнымъ подчиненнымъ. Такъ въ 1754 г., командированъ для осмотра Нижне-яицкой линіи капитанъ Назинъ, Неплюевъ съѣхъ отпринесъ вверхъ по Уралу и далѣе въ Троицкую крѣпость, чтобы лично ознакомиться съ состояниемъ крѣпостей по Верхнеписьской и Уфской линіямъ. Въ эту поездку онъ заложилъ въ Троицкой крѣпости донъ для городской канцелярии и каменный храмъ, во имя Св. Троицы.

Заботясь о безопасности Оренбургского края, Неплюевъ обратилъ особенное внимание на Яицкое войско, какъ на самый надежный оплотъ къ оборонѣ каждого течения р. Урала отъ набѣговъ киргизъ и другихъ кочевниковъ; но его беспокойство отсутствіе должного порядка и единодушія между Яицкими казаками. Не налагая руки на исключительные права и установленія общины изъ Яицкого войска, Неплюевъ постарался, насколько это зависѣло отъ него, улучшить внутреннее состояніе войска, которое онъ считалъ, какъ „актеръ, поганый и всамъ недоволенъ изъ обороны коринуса“.

Чтобы лучше оценить заслуги Неплюева для Яицкаго войска, познакомимся сначала, хотя кратко, съ первоначальной исторіей Яицкой общины, до прибытія въ Оренбургский край Неплюева.

IV. История Яицкого казачества.

Начало, превращение и сокращение Яицкого войска. — Первоначальное яицкое поселение, времена основания настоящего Уральска и главные источники предшествия Яицкому казачеству. — Присоединение к Московскому государству и переход Яицкого войска из одного владыства в другое. — Внешнее управление и выборное начало в Яицком войске. — Водской Круг в его влиянии для казаков. — Отношение к Яицкому войску Петра Великого и переход казаков подчиненности Земляковым. — Недовольство казаков действием атамана Григория Маркурова, жалоба на него, сгубившая его исходе.

Яицкое, а именем Уральские казаки простираются и до сихъ, которые сами выделились изъ Азовскихъ, около половины XVI в. Начало основания Яицкой общины относится къ последнимъ годамъ царствования Бориса Васильевича Годунова (1584 г.), о службѣ же Яицкихъ казаковъ въ историческихъ актахъ упоминается въ первый разъ подъ 1591 годомъ, когда приказанию было внять 500 Яицкихъ казаковъ въ походъ противъ персидского посланника Шахмада, изъ комицду астраханскихъ воеводъ Ситского и Пушкина. Яицкая община Яицкихъ казаковъ была немногочисленна; потомъ она постепенно увеличивалась бѣглыми изъ изороденья и русскими, которыми трудно живясь на Руси во различь причинили. Въ то время, какъ въ другихъ казацкихъ общинахъ требовалось, чтобы потупивший въ нихъ быть ищреючио христіанинъ, Яицкіе казаки не пренебрегали иконы, иконы же и они старались обращать въ христіанство. Засаливъ себя въ борьбѣ съ степной преградой и врагами, Яицкіе казаки требовали, чтобы и всякий другой, желающий поступить членомъ въ ихъ общину, быть схвачены.

дѣятельныхъ и предпринимчивыхъ; умѣлой и лѣтливой они учили труду да зуру-разуму, а если „наука и толькъ не шла“, то такихъ выгоняли вонъ изъ своей общины. На берега притока р. „Инка—Гориничъ“ пошутъ, народъ смеккій, сметливъ и храбрый, искалъ себѣ полноты, простора, независимости.

Главное място первоначальнаго поселенія Яицкихъ казаковъ было по таѣ, где теперь—Уральскъ, а верстахъ въ трехъ отъ верхнаго Кошемского устья по течению р. Инка, на устьѣ остатковъ такъ называемаго Голубаго города и п. посѣщенія изъ 1858 г. и въратъ въ описанного похода изъ Л. И. Желтановъ. Вносящіе казаки не покривились въ эти засѣченіи, и они переселились къ Красинъ и Кирсановскому ярамъ, нѣсколько ниже Орѣшиной луки, где теперь находится Кирсановской крѣпости, отстоящей на 85 в. отъ Уральска по дорогѣ изъ Оренбурга. Частная столкновенія съ воячниками и изъютиями другихъ племенъ этой земли заставили казаковъ покинуть и Кирсановскій арій: изъ половины XVII в. городъ былъ перенесенъ на то място, где находится и теперь, т. е. изъ устья р. Чагана, впадающаго съ правой стороны въ Ураль и принимающаго изъ себѣ съ правой же стороны р. Деркуль; одновременно, настоящій Уральскъ существуетъ сколько 250 лвовъ.

Занимая огромныя степи и луговые пространства по Инку, казаки бѣзъ особеннаго труда, но съ большими выгодами, могли заниматься скотоводствомъ, которое и доселе составляетъ у нихъ основную статью доходовъ. Но, бѣзъ сомнѣнія, главнейшимъ источникомъ продовольствія Яицкихъ казаковъ издавна

служить „Лисъ—Горшокъ“, который въ старину особенно бывъ богатъ рыбой; подиromo же Янцю казаки такъ удачно налазятъ его изъ своихъ пѣсняхъ „злато-
мысль фынныкъ со серебраной покрытиемъ“. Нало-
дясь вдали отъ заселенныхъ мѣсть, казаки не всегда
имѣли возможности выманивать изъ рыбъ, икры и кѣй—
одежду, хлѣба и другіе необходимые изъ жизни пред-
меты. Недостатокъ хлѣба, денегъ и другихъ вещей
они, помимо торговли и мѣны, пополнили грабежомъ и
разбоемъ изъ лудихъ соѣдніихъ кочевыхъ народовъ,
особенно киргизовъ и казаковъ, понадая первѣко и
сами къ нихъ въ руки, а также изъ Волгѣ и Каспій-
скаго моря, что у нихъ называлось „дромиславъ“. Гла-
вными изъ притонали изъ Каспійскаго моря были
острова: Каменныѣ, Святой и
Печатныѣ; особенно казаки любили островъ Кам-
енныи иль, который упоминается и въ пѣсняхъ:
„За Гурьевъ вѣздать ти,“ (старинн.) ли
Нашъ Никушка, мѣдная лягушка, дыроколка
Въ батошку сине—море, стрижок, лягушка
Какъ до синаго острова, (старинн.) ЦУХ дына
До флота Каменныи падаютъ въ потицкихъ
На островъ Каменныи, болото изъ озера,
Братцы, старики живутъ, то дѣло изъ озера
Старики, братцы, старожилы, —
Они по девинству лѣтъ;
Съ покоренной Золотой Ордой (старинн.)
Старики, братцы, во ладу живутъ“.

На островъ Каменныи, имѣющемся изъ настоящей
время около 2 верстъ въ длину и отъ 30 до 40 саж.
изъ ширину, казаки иногда зимою и заготовляли себѣ
струти, изъ которыхъ разгѣлявали по Каспійскому морю:

и попадали на персидский прибрежный селенія. Случалось, что „удельные казаки“, не болишиеси „сина—мори Хазарскаго“, попадали въ руки персіанъ и, для спасенія своей жизни, принимали даже ихъ ишу (конечно, изрѣзу только) или, во выраженью старинныхъ писателей, „обесуризывались“. Отбить нападеніе на свой городокъ татары Золотой Орды, конечно долго жили независимо отъ Московскаго государства; на конецъ, собравшись, они составили союзъ и послали отъ себя двоихъ казаковъ, русскаго и татарина, къ Царю Михаилу Федоровичу съ челобитьемъ, что они желаютъ быть подъ его Царской властью и служить ейрой и приданой ему Всемогущему Государю и его наследникамъ. Тогда же казаки получили и Царскую грамоту на р. Илье; но эти грахата или „гладивши“, какъ называютъ южане, спорили изъ пожара, бывшаго еще въ концѣ XVII вѣка. Высокостатій казаки прошли Государи Петра Великаго съ подтверждениемъ ихъ старинныхъ правъ на р. Илье подачею войску новой грамоты.

Признать илье собою добровольно властъ Московскаго правительства, никакъ долго не могли начинать своего образа жизни: они, непреклону, ходили на „драмы“ на сюжетъ буды кирасы и скажими русскими селеніями, привыкли перѣдко участвовать и въ бунтахъ, бывшихъ на Руслѣ; по особенному разнознанѣю неудержимую склонность къ выживѣти въ Иночихъ казакахъ брать Степанъ Рызий и а. Успиринъ Разинскій брать. Московское правительство не жало болѣше мириться съ прежними склонностями и обычаями Иночихъ казаковъ. Въ концахъ, соединясь съ казачими землями, стали утверждаться парсые воини и служилье люди, которые

требовали отъ казаковъ безусловнаго подчиненія Царской власти. Начиная съ 1628 г. Яицкое войско, какъ и Донское, находилось въ вѣдѣніи Посольскаго приказа; съ 1680 по 1711 г. оно состояло въ ведомствѣ Проката Казацкаго Дрорца; съ учрежденіемъ въ 1711 г. Сената, Яицкое войско перешло въ его вѣдѣніе, въ которомъ и оставалось до 24 декабря 1719 г., когда заѣдываніе къ было поручено Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а 10 марта 1721 г. оно уже было подчинено Военнй Коллегіи.

Кромѣ того, Яицкіе казаки по синкіямъ дѣлали по доносамъ другъ на друга и по дѣламъ уголовнымъ, были подчинены синчкамъ (въ 1720 г.) астраханскому и, позже (въ 1744 г.) — оренбургскому губернатору. Въ 1782 г. Уральское войско во земсменъ дѣланъ было отъчислено отъ оренбургскаго губернатора къ астраханскому, а въ началѣ настоящаго столѣтія оно снова было подчинено оренбургскому генеральному губернатору, тѣмъ вѣдѣніемъ котораго и находилось до ск资料 уничтоженія оренбургскаго генераль-губернаторства.

Внутреннее, тѣль сказать, домашнее управление Яицкаго войска долгое время представляло характеръ диктаторскаго устройства Новгородской общины: члены общины были равны между собою; всѣ подчинялись однаковыми правилами и слѣдовали одинаковыми обычаями, вытекавшими изъ условій самой жизни. Внутреннее управление у казаковъ было выборное, какъ и въ Донскомъ войске, безъ вѣдома котораго Яицкіе казаки даже на „вершили большихъ дѣлъ“. Глava общины, войсковой атаманъ, равно какъ и всѣ должностные лица избирались вольными и согласными голосами:

всехъ вспоминъ ить ить же среди. Для обитавшии, напр. сооры, различныя ткани и т. п., разбирались и рѣялись атаманомъ и его помощниками; для же изложенья, възставшемъ интересомъ всего войска, и для уточненія обсуждались и решались большинствомъ голосовъ въ Войсковой Кругу, где каждый въѣхавшій подать свой голосъ. Начиная собранія Круга, одинъ изъ приближенныхъ къ атаману лицъ, отѣтъ въ роскошное платье, съ жезломъ въ руѣ, на богато убранной лошади разъѣзжалъ по городу и, останавливаясь на каждомъ перекрестьѣ, тронко гремѣть въ народъ: „Погромъчиши атаманы и се! Донско-Изѣевъ атаманъ! Не пейте злакъ сена, ни дербетъ, ни кухни даю: азъша — Кругу быва!“. Наилучшіе о временахъ собранія Круга и предупрежденіи на счетъ чарки зелени сена, казаки съ трезвами и непохмѣльными головами въ изложенный день склонились на площадь къ Войсковой Изѣи. Когда все казаки были въ сборѣ, изъ Войсковой Изѣи, въ сопровождѣніи старшинъ, походныхъ атамановъ и есауловъ, выходилъ войсковой атаманъ. Войдя въ средину Круга, онъ клялъ ть спо-
ниль хотѣть и вѣтъ, или бузину, — казакъ атаманской звѣсти, — снимать шапку и иже клянился на всѣ четыре стороны; его помощники также клянились собравшимися казаками; атаманъ начинать говорить о дѣлѣ, для выслушанія и обсужденія которого были приглашены казаки. Изложивъ дѣло, атаманъ спрашивалъ: „Любо-ли вамъ это, атаманы — молодцы, или небо?“ — Казаки кричали: „любо!“ или „и любо!“ — Въ случаѣ разно-
мыслия и разногласія, атаманъ подавалъ знакъ разойтись — и казаки немедленно расходились на дѣлъ стоянъ; затѣмъ, скотря по большинству казаковъ изъ той

или другой партии, римею Круга производилось из исполнение.—Сроки службы у Иппаковъ казаковъ не было: если выбранный или начальникъ хорошо и честно исполнить свои обязанности, съ общевойсковой точки зрения; то онъ сохранялъ положенную на него должностъ иногда всю жизнь,—и казаки цѣлили и слушались его. Но если кто изъ выборныхъ, хотя бы то быть и самъ воинской атаманъ, не оправдывалъ донѣрія къ нему народу; то казаки сами лишали его власти, и тогда они обращались изъ прошаго казака. Такой порицалъ, по мнѣнію самаго же казаковъ, быть хорошъ и выгоденъ для нихъ,—быть по душѣ имъ. Съ другой стороны, умъ, многочисленныя станциились войско, тѣль-трудыѣ было вершить дѣла изъ Войсковою Кругу. При большихъ собранияхъ и разногласіяхъ казаковъ, невозможно было поддергать въ Кругу должнаго порядка и нести обережденіе дѣлъ, а иногда случалось, что недовольные казаки изъ злобы бросались на своихъ же избраныхъ начальниковъ и стаскивали ихъ съ рукоуди Войсковою Иабы, замѣнивъ тутъ же другими.—Такъ было до 1723 года, когда Петръ Великій, полюбивший самоуправства, обратилъ свое вниманіе на Яицкое воево. Не жалуя казачаго самоуправления, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ казаковъ, при содѣстствіи Воинской Коллегіи, постоянную воинскую силу, на которую бы всегда можно было положиться. Съ этой целью былъ командированъ изъ Яицкій городокъ полковникъ Казанскаго горнозавода Иакинъ Захаровъ, которому велико было произвести переходъ Яицкихъ казаковъ. Нужно замѣтить, что еще за шесть лѣтъ до приѣзда изъ Яиць Захарова, къ казакамъ явился фискалъ и разные сыщики, которые своею недобросовѣстностью

и казакъ сидѣть первыи сѣмь раздора среди казакъ, поимѣнѣ же ихъ на берегахъ Ивана было изъявлено внутренними беспорядками, возникшими среди Янтарного войска, исчезнувшими отъ постороннего вѣнца. Особено много подѣлья непріятностей и бѣзы Иванскому войску доносили казаки Картавова изъ войскового атамана Григорія Меркурьевъ, назначеннаго изъ атамановъ по царскому указу, а не по выбору войска. Въ марта 1723 г. подчинивъ Захаровъ отправился изъ Казани въ Иванскій городокъ, во главѣ единої роты драгунъ изъ 127 чл. и другой—ехоты, состоявшей изъ 132 чл., крохъ десятиковъ. Въ сентябрѣ того же года Захаровъ, напрѣмяясь приступить къ переписи казаковъ, согласно даний ему царскому указу, приказалъ казаковъ на сѣнахъ донести и заборахъ, въ наибольшѣ людныхъ мѣстахъ города, огобре листы, приглагола казаковъ „вымѣтъ азъ сколько сущу краю бѣзъ умѣнія“; въ то же время атаманъ Меркурьевъ доставилъ Захарову именные списки казаковъ. Но Захаровъ не успѣлъ еще приступить къ самой переписи, какъ уже болѣе 200 казаковъ было изъ 88 чл. умерло во время производствъ переписи. Всего по переписи Захарова изъ Иванскаго войска оказалось 6771 казакъ и 353 привычныхъ людей изъ другихъ мѣстъ, которые успѣли известить на Иванъ свои же домами, всего же (казаковъ и привычныхъ) было 6124 чл. муж. пола. Раздѣливъ все войско на сотни и десетки, Захаровъ назначалъ на всѣхъ наличныхъ и годныхъ къ службѣ казаковъ 1500 р. въ годъ изъ казны и, сверхъ того, по осинѣ хлѣба на каждого казака; годныхъ къ службѣ оказалось 3196 чл., включая въ это число и войскового атамана. Казаки сильно

были недовольны произведенною нерешимостью и даже по-
кушались убить Захарова; но, благодаря предусмотрительности атамана Меркуриева, Захаровъ остался
цѣль и невредимъ, за что собственно Меркуриевъ, во время
изданію войска, и измѣнить положеніемъ атаманомъ,
по указу Императрицы Екатерины I, и, кроме того,
получить изъ награду портресть Государини, золотой
ковшъ, саблю и сто рублей денегъ. Однакожъ изысканія
и посѣлъ этого не переставали приводить Меркуриеву,
чтобы таинъ или иначе лишить его атаманскаго до-
стоинства и власти. Въ 1739 г. обличительный атаман
Меркуриева явился князь Денисъ Гузиковъ, ко-
торый показалъ, что Меркуриевъ изъ-за изысканій
принимаетъ бѣдныхъ людей въ опредѣленіе ихъ на службу
къ крѣпости Сп. Креста (изъ Кавказа) (1). Но Мер-
куриевъ и на этотъ разъ, благодаря своей изворот-
ливости и расположению къ нему Военной Коллегіи,
остался на своемъ месте и еще болѣе и сильне стала
 злоупотреблять свою властью, что воистинуило противъ
него почти все войско. Въ ноябрѣ 1737 г. Военная
Коллегія получила новую жалобу па Меркуриева и его
сыновей (Ивана и Андрея), подписанную отъ имени стар-
шаго, сотникомъ, десятникомъ и 2700 рядовыхъ кав-
алеристъ, но и на сторонѣ Меркуриева оказалось 88 стря-
шинъ, которые 10 декабря того же года посыпали про-
тестъ на Высочайшее имя. Сторонники Меркуриева
указывалиъ свою прошеніе па тѣ бедородки, ко-
торые проходили, при обсужденіи дѣла, па Войско-
вомъ Кругу, при чьемъ главнымъ виновникомъ всѣхъ

(1) Служба Дениса Гузикова сама по себѣ, первая начата въ 1734 г. и окончена въ 1774 г.

штурмашъ въ войскъ, во главе съ народной партии выстолни старшину Ивана Логинова. Приверенцы Логинова: Михаил Куклевъ, Адамай Чириновъ, Ианъ Торилевъ и другіе распространяли въ городѣ слухъ, что атаки Меркурьевъ, въ бытность его въ Петербургѣ, лишить пожалованій имъ портрета Государшии и сабли и отдать подъ арестъ. Народная партія, не любившая Меркурьева, охотно верила этому слухамъ и еще сильне выражала свое недовольство дѣятелью Меркурьева и его приверженцевъ: собираясь въ Кругъ, казаки шумѣли, кричали, брашились и даже драли съ; о поиновѣйшемъ атаки не могло быть и рѣчи; вместо этого, стали линяться въ Кругъ дѣти, чего раньше не бывало; иконопочтіе дошло и до того, что у противника «*маску* себѣ сплю чинитъ *смирное убѣжденіе*».

Военная Коллегія предписала майору Алевину произвести слѣдствіе, а Меркурьева до окончанія дѣла отъ должности отстранить, предоставивъ Иандому войску право избрать на время изъ атаки, кого оно пожелаетъ. Казаки, собравшись въ Кругъ, избрали въ войсковыхъ атакахъ Андрея Карпова; но онъ скоро, вслѣдствіе прописки Меркурьева, былъ призванъ въ пѣдагогіадолжность, престоянъ и отправленъ подъ конвоемъ въ Сахару къ В. И. Татищеву, а на его место былъ назначенъ станичный атаманъ Прытко. Человѣкъ вымытъ предъ лицомъ Меркурьеву. Однакожъ несмотря на то, слѣдствіе раскрыло, что Меркурьевъ въ разное время удерживалъ у казаковъ жалованья 12355 руб., и не хотѣлъ давать никакого отчета за расходованія войсковыхъ сборныхъ денегъ; старшина же Логиновъ обвинялся въ томъ, что не

хоть основательно доказать своего заявления, что Меркуриевъ удержалъ у казаковъ жалованье за 1724 г., и отрекся отъ своего показания, что будто Меркуриевъ не заплатилъ 200 казакамъ, командированнымъ изъ Оренбургъ, 700 р., а 250 казакамъ, находившимся въ Нижегородъе корпуетъ, 450 р. Между тѣмъ было доказано, что самъ Логиновъ удержалъ у казака Погребишина изъ жалованья и, сперхъ того, 4 р. выятые изъ-подъ сбереженія. Военная Коллегія опредѣлила: атамана Меркуриева лишить чина и лишить съ него удержанныхъ у казаковъ денегъ 12366 р.; со старшиной Логиновомъ удержаннныи у Погребишина деньги также погаскать. Въ отвѣтъ на это опредѣленіе, 24 августа 1740 г., послѣдовалъ изъмній Высочайшій указъ, который говорилъ: „отставки Меркуриева за учиненія низъ казаковъ обѣды начальствомъ линчомъ, и за службы отца его и его поклонника приставы тѣрости отъ казаковъ вышеупомянутой полежанной изъ него суммы освободить; а Логиновъ хотя по слѣдствію въ иномъ и самъ виноватъ и подлежитъ штрафу, однакоъ чиненія отъ Меркуриева Нижнему войку обидѣ чрезъ него отвратились, и для того и его Логинова отъ штрафа освободить же и все то двѣ остануть и уничтожить. И чтобы между ними никакого обиды, а отъ того предъѣзды быть немогло, того ради обоихъ ить съ Иницѣемъ и послать жить въ тамошніи же городкахъ пороны, и имѣютъся ить обонѣ тѣхъ городковъ, тѣль они будуть жить, спиринами“. — Въ томъ же укунѣ было объявлено Нижнему войску, что отечѣлъ оно обязано представлять на должность воинскаго атамана трехъ кандидатовъ „изъ заслуженныхъ, боязливыхъ, смиренныхъ и изъ воинскомъ дѣла искусныхъ лю-

дей"; самъ же выборъ и назначение этихъ принадлежали Высочайшей волѣ подвластные дѣятельніи пажами могли обратиться съ жалобою въ Военную Коллегію. Кроме того, мѣдно замѣти въ тойскѣ проходо-расходной книга за штуромъ и войсковой печатью, а Военной Коллегіи было поручено собрать сбѣдный обѣй Яицкому войску и составить всій проектъ управления войсками. Но свободолюбивыя кре-
заки, по прѣкви, не хотѣли подчиняться указамъ Высокой Коллегіи, и продолжали сгѣданіе старыхъ
правилъ и обычаямъ, скажи предсозъ, тѣль-
прежнее устройство Нижнаго войска, ко временіи иступ-
ленія въ управлѣніе изъ Неплюева, оставалось въ пол-
ной своей силѣ. Переѣхавъ теперь въ расказу по-
томъ, что сдѣлать хорошаго и полезнаго для Нижнаго
войска и его составныхъ частей умный и дѣятель-
ный губернаторъ Неплюевъ.

V.

Начало укрѣпленія Нижнаго линіи.—Презрѣ Татарина
о посланіи по нашему Яику другую и дворянъ.—Презрѣ
Яицкаго измакеть и ходатайство за визъ Неплюева.—Укрѣ-
пленіе Нижнаго линіи при Неплюевѣ и устроеніе изъ под-
курѣніемъ и фортификаціи.—Мѣста предосторожности со сторо-
ны Неплюева прѣсть нападки Каргизовъ.—Время основа-
нія Илецкаго города и личный осмотръ его Неплюевымъ.—
Заботы Неплюева о безопаснотѣ Нижнаго измакетъ и от-
вѣщеніе изъ къ Яицкому войску.—Самарскій городъ и
расположеніе его измакъ.—Отрошеніе Неплюева къ внутрен-
нему устройству Оренбургской губерніи.

Со временіи подчиненія Нижнаго войска Неплюеву,
начинается и укрѣпленіе Нижненаго линіи. До Неп-
люеву по нашему течению р. Яика, отъ Ряз-

съ постройкою и до Гурьевъа городка, на протяженіи болѣе 600 верстъ, были только два укрѣпленія пункта: Яицкій городокъ, или нынѣшній Уральскъ, и Гурьевъ-городокъ, находившийся на самотѣ устьѣ р. Яисъ. Такая беззащитность Нижне-и-пѣтъ линіи давала киргизамъ полную возможность свободно переходить на правую сторону рѣки, выше и ниже Нижнаго городка, и производить грабежи и угонь скота у сажихъ казаковъ, и у казаковъ, кончавшихъ между р. Волгой и Яисомъ. Иметь въ виду малочисленность казаковъ и сознавъ всю трудность обороны Нижегородской линіи отъ кочующихъ ордъ, В. Н. Татищевъ представилъ въ Военную Коллегию проектъ о поселеніи по р. Яису съ цѣлью обороны этой линіи, Казанскаго драгунскаго полка и подъ его прикрытиемъ, въ видѣ нерегулярнаго войска, самарскихъ и александровскихъ дворянъ. Проектъ Татищева былъ уже утвержденъ 21 января 1739 г., но за разными препятствіями онь не былъ еще приведенъ въ исполненіе, когда глашаніемъ командированъ Оренбургскаго края былъ назначенъ Пеллюсъ. Между тѣмъ, Нижнее войско, опасаясь, что новые поселенія нанесутъ эту твердыню въ раболепіть, вышло, что оно обязано было построить близъ уроціщъ Калязова и Кузягина яра для крѣпости и охранять кагъ ихъ, и все Нижегородскую линію до Гурьевъ-городка своими силами, если только его уволятъ отъ командированья на вѣтчинную службу, отпорть Гурьевскіе учуги по 8 саженъ съ обоихъ береговъ и не допускать до поселенія на нихъ Яисъ драгунъ и дворянъ. Нужно замѣтить, что версты на четыре ниже Гурьева былъ устроенъ каменный учугъ, или

перебой или брёвно проплыть поверхъ всей реки; этот чужь сдѣлали рыбопромышленники, которыхъ были отданы въ аренду Гурьевскимъ рабочимъ промысла. Первоначально изъ Гурьевскаго утруга изъ обѣихъ сторонъ его были полу-крыты ворота, шириной отъ 6 до 8 саж., но вслѣдствія, нѣроятно, сильнаго отступицамъ заворонили ихъ, тѣсъ что рыба изъ моря могла проходить изъ. Ихъ только это боковыми устьями, которыхъ изъ то время было достаточно и некоторые изъ нихъ отличались значительной глубиной. Ихъ складки щелья подковолни были узки и тѣль что Гурьевские утруги были замерты; теперь же, когда правительство было намѣрено перейти на берега Иакса самарскихъ и амурскихъ дворянъ, казаки особенно прорыли: „отъ такого же сезона и въ краину и ищетъ и разореніе и рыбъ и снаши промыслы, отъ которыхъ все свое содержаніе и пищу живеть, и службу отправляеть, во все уничтожаетъ: ибо за такими поселеніемъ рыбъ до нашего города путь, что всегда будуть нужна, проходить уже не можетъ, и отъ одного ружейнаго выстрѣла или огнинца, или же кто не вѣрекъ одну рыбу пойметъ, вся изъ нихъ уходить будетъ“. Но, ить счастію казаковъ, склонить защитниковъ ихъ интересовъ явился Ив. Ив. Недлюкъ. Въ 1743 году онъ представилъ въ Сенатъ особое имѣніе, въ которомъ постарался доказать, что предположенное населеніе во вражескую Иаку дворянъ и драгунъ совершение разорило бы казаковъ, тогда какъ, по его выражению, такой „сильный, легкій и исправный въ оружіи“ разорить весь и въ неподалѣко. Недлюкъ находилъ выгоднымъ удовлетворить просьбу.

Инцизъ войскъ по следующимъ соображеніямъ: тогда не потребуется отъ казакъ особы расходовъ на устройство промежуточныхъ оборонительныхъ пунктовъ; при поселеніи же драгунъ и дворянъ по нижнему Якузу, необходимо будетъ расходовать большія суммы казармъныхъ денегъ, тогда-какъ при способѣ, предлагаемой отъ Ипецкаго войска, расходъ будетъ разиться только доходу отъ учигона, и притомъ вознаградится еще тѣмъ, что тогда Ипецкіе казакъ придутъ въ лучшее положеніе, а следовательно могутъ принести свою службою и большия полына государству; тѣхъ трудностей, которыя могли бы-бы ощущаться при поселеніи драгунъ и дворянъ, изъ доставленія фуража, проквата и имущинъныхъ вещей—тогда не будетъ. Кроме того, улучшеніе рыболовства по Ипецкимъ войскъ усилитъ промышленность и торговлю, а следовательно привнесетъ каздѣ немалый барышъ, посредствомъ умноженія десятой части рыбьихъ оброянъ отъ Самары и Омскаго, чрезъ которые ввозили рабу во внутренніе города Россіи; притомъ же полѣ, самарскіе и алексеевскіе дворянѣ могли быть съ чистою употребленіемъ на службу по крѣпости Оренбургской линіи. Сообщивъ свое мнѣніе отъ Сената, Неплюевъ написалъ и къ В. Н. Татищеву, бывшему въ это время астраханскимъ губернаторомъ, что его проинтъ о поселеніи драгунъ и дворянъ по нижнему Якузу не практиченъ и не выгоденъ и для казаковъ, и для государства. Татищевъ не только согласился съ мнѣніемъ и доводами Неплюева, но даже предложилъ войску отдать Гурьевскіе утуги Япсому войску имѣлого хлопоты. Въѣдетіе ходатайства Неплюева, Императоръ Елизавета Петровна отбыла рѣшеніе Верховнаго Кабинета, состоявшееся 21 января 1739 года, и особо

Царскому грамотою 23 апреля 1743 г., данной за имп. Имп. войска, поставлены казаки отворешень Гурьевского училища 8 сажень съ каждой стороны, для прохода рыбы из моря възерѣ по Нику даби „чрезъ то Иницкіе казаки тѣ службы Его Величества явились исправны“. Въ то же время казакъ было позволено садиться ниже Имп. городка сначала только изъ двухъ избранныхъ имъ пунктихъ, именемъ около урочищъ Калмыковъ и Кулагина пра-ся обаятельство устроить здесь крѣпости и содер-жать тѣ инѣ по пятистенной командѣ, изъ первої времѣ ежегодно переносимой, а потомъ какъ въ упо-минутыхъ крѣпостихъ, тѣль и въ провинціотныхъ пунктихъ до сю вать сѧ фундаментъ и из-жилѣши и^и, и своимъ разгѣдами между обѣими крѣпостями и, начиная отъ нихъ, изъ одну сторону до Имп. городка, а изъ другую—до Гурьева охранять границу, не допуская до переправъ кочующихъ по берегамъ реки-килмакъ и киргизовъ. Такимъ образомъ, благодаря заселенности и ходатайству Но-викова, Имп. войска осадили и сдѣлали казакамъ холмистую на склонъ родную крымскую землю. Вскорѣ послѣ этого Иницкіе казаки основали и устроили две крѣпости: Калмыковскую и Кулагину, которыхъ въ свою очередь положили начало форпостамъ Нижнеизмѣнѣнскій, состоявшимъ изъ цѣли укрепленныхъ казачьихъ поселений, перенесенныхъ казакъ находились на этой сторонѣ Ника.

Укрѣпилъ Нижнеизмѣнѣнскую линію и старалась обезопасить ей отъ киргизовъ, Неплюевъ юстия старался унять напорѣдъ иные казаки, которыхъ лучше была известна и жестность по р. Нику, и прими-

составных колющихъ ордъ. Предоставить право самому Яицкому войску избрать определенные места для основания и устроиства форностовъ. Неплюевъ командровать кондуктора Кулакова, которой долженъ быть избранъ разстояніе между форностами, определить местоположеніе каждого изъ отвѣщеній удобства и составить ихъ линікарту. Всѣсткое этихъ распоряженій Неплюева, всинки склонуше форности, существуюше и теперь: Сарачинъ, Иманхалиевъ, Ваксанъ, Тополевъ, Зеленый Колокъ, Гребенщиковъ, Кошь-Никъ⁽¹⁾, Харькинъ, Красный Яръ, Котельникъ, Аитоновъ, Каменное Ортыша (Каленовскій), Сахарный Мергешевъ, Сундаевъ, Кожахаровъ, Бударинъ, Кошь-Никъ⁽²⁾, Чагапскій и крѣости: Кулагинская и Калмыковская, называемыя городками⁽³⁾. Во всѣхъ форностахъ казаки обезвижены были содержать постоишии два полка изъ полногъ комплекта, при чечьи число всѣхъ казаковъ, вместе съ старшинами, разжалось 1016 чл. Вместѣ съ тѣмъ Неплюевъ распорядился, чтобы на лѣвой сторонѣ Яика были караулы и „подъѣзды изъ степи“, желая чрезъ то предотвратить возможность неожиданной атаки со стороны киргизовъ. При всѣхъ форностахъ, на бѣлье возвышенныхъ местахъ, ссыпывались устроить высокіе валы и обезвѣжить ихъ камнемъ или другой какой сухой травой. При подъ-

(1) Кошь-Никъ — промеж Патрокла и горы, въ 330 в. отъ Оренбурга.

(2) Кошь-Никъ — промеж горы Гравово, въ 330 в. отъ Оренбурга.

(3) Кулагинский городокъ находится между Зеленой Колокъ и Гребенщиковской форностами, а Калмыковъ — между Котельникомъ и Аитоновской форностами.

дени въ стени большихъ гарній киргизовъ, ишки занягались одинъ за другимъ и изъ извѣсльно часъ дали занять всѣй полинейной странѣ о приближенїи киргизовъ. Отмеряте Ишкаго городъ, гдѣ тоже нѣрѣко появлялись киргизы. Неплохо приказать въ удобныхъ мѣстахъ, до самаго Ишкаго городка, завести зимию и поддержать при нихъ постопаний караулъ, зимой и лѣтомъ. Мѣста для устроенія зимовокъ должны были избрать сии казаки, а кондуктору Кулакову вѣлько сократить тѣ мѣста, измѣрять изъ памятно разстояніе и составить изъ карту. Изъ этихъ-то зимоводъ и возникли послѣдствія такъ называемыхъ реданокъ и троты, расположенные по обонь берегамъ Иши; отъ Бударинскаго форпоста до Гурьевъ онъ или по правому берегу Урала, а отъ Ишкаго дочь до Бударинскаго форпоста—по лѣвому берегу рѣки. Реданки устраивались на половинѣ разстоянія между двумя форпостами, а троты—между реданкой и форпостомъ, такъ-что съ обѣихъ сторонъ реданки находились по троты, или по одному третиному пикету. Форпости, включавшіе въ себѣ не менѣе ста чалоекъ, должны были иметь какой-либо укрѣпленіе и одну пушку, а изъ крѣпости Кулакину и Калиакову Неплохъ приказать дать по дѣй пушки со всѣми спирадами, чтобы, изъ случаѣ нападенія изъ нихъ непріятелей, можно было съ большими успѣхомъ вести оборону. Казаки обязаны были „всюю старину изѣть быть доброконными, а во время нужды о дву-коне“, такъ какъ киргизы на гористо вѣсѣда отиралились не менѣе, какъ о двунѣ или даже о трехъ лошадкахъ. Если казаки находили у киргизъ или калиаковъ отогнанный скотъ или племянниковъ, то имъ позволялось не только отнимать добычу и пленныхъ,

но и убивать оногоныхъ „на страшь другинъ, дабы они и тайныхъ перелюбить чрезъ Инецъ не чинили, скотъ не отгонили и людей не захватывали“. Когда же казаки заметили появление сильныхъ и многочисленныхъ отрядовъ казаковъ или киргизовъ, то недалеконъ разстояній отъ береговъ Ипса, или только получили извѣстіе о приближеніи ихъ; то они должны были немедленно послать вѣстоватъ изъ Иецкій городокъ къ войсковому атаману, который присыпалъ ударить въ избѣгній колоколь, чтобы все, способные изѣдѣть коней и оружіемъ, сейчасъ же склонили на паружку форпостныхъ казаковъ, конямъ угрожала опасность. За непріятіе этого распоряженія виновные подвергались строгому наказанію. Такъ подковникъ Егоръ Матвеевъ и ескуль Феодоръ Усѣвъ были разжалованы изъ рядовыхъ казаковъ за то, что не предупредили о нападеніи киргизовъ на казаховъ въ 1746 г.; подковникъ Сильвестровъ былъ лишеннъ чина и записанъ изъ простые казаки за то, что не принялъ должныхъ избрь предосторожности, при нападеніи киргизовъ на Котельный форпостъ; командиръ форпоста хорунжий Задницинъ, сотники Пеноцкий и Курохтинъ и инспекторъ Зиоколышинъ за одиночность, допущенную ими при нападеніи киргизовъ, были лишены чина и, при собраниі Войскового Круга, „иещади о“ шиканы позтыли, посль чего хорунжий Задницинъ, какъ наиболѣе изувеченный, былъ определенъ на каторжную работу.—Въ видѣть предосторожности, Нешлюзъ также распорядился, чтобы на солиѣ на Идерское озеро влаки бадыи „партиями не менѣе 50 человѣкъ и съ исправнымъ оружіемъ“; ослушниковъ и потаковщиковъ велико ловить и подвергать наказанію изъ Вой-

сковать Кругу „на страхъ другимъ“. Для предотвращения столкновений между калмыками и киргизами, разделенными никакимъ течениемъ Янка, Неплюевъ приказалъ, чтобы тѣ и другіе кочевали не ближе, какъ на 20 верстъ отъ береговъ рекъ изъ степи, а чтобы это распоряженіе не нарушалось, съ съ разрешеніемъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, всѣль вождить осенью всю степь по лѣвую сторону Янка до самаго Каспийскаго моря. Астраханскій губернаторъ Бригининъ предлагалъ выжигать степь по обѣ стороны р. Янка. Неплюевъ же вынѣдѣлъ нужный сожигать подножный корытъ для скота только изъ киргизской стороны.—Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ согласилась съ мнѣніемъ Неплюева, утвердивъ его особомъ указомъ 8 августа 1748 г.—Но, принимая всѣ мѣры предосторожности къ безопасности линіи, Неплюевъ строго запретилъ Иакшынъ виноватъ обижать западно-киргизъ, калмыковъ и др. инородцевъ. Полковникъ старшинамъ иностранной службы было предписано несшибно смотрѣть за подчиненными, чтобы „они бѣзъ ихъ вѣдома выгуда отъ команды не отлучались, и кочующими всегда по близости киргизъ-кимакамъ и калмыкамъ обидъ и милюко озаримъ изъ-подъ удосозъ или же чинилъ, и запирасмо-бо изъ нихъ худыхъ дѣлъ не винили, чего ради отъ форвостокъ на зѣтроловство и на за какую промыслы далѣе десати верстъ не отпускать“. Выѣзжавшихъ изъ калмыцкіхъ русскихъ и киргизскихъ пудовъ пленниковъ всѣгдѣ, послѣ предварительныхъ распросовъ, не противъ имъ никакихъ обидъ, отсыпать къ войсковому атаману, который долженъ быть, при случившейся надежной опасности, препровождать ихъ

на мѣсто жительства и доносить о томъ въ Оренбургскую губернію.

Въ то самое время, кась заселія, и укрѣпленіе Нижне-Ионинская линія, въ Гурьев-городокъ потребовалось усиленіе внутреннаго гарнизона; поводомъ къ этому послужило съдѣющее обстоятельство. Зимой 1747 г. сильная партия киргизовъ, обойдя линіе форпости по льду моремъ, спустили русскія солдаты и калмыковъ, почевшихъ по лѣвому берегу Волги, и произошло „великое разорение“. Въ предупрежденіе такихъ несчастій на будущее время, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ предписала Неплюеву и астраханскому губернатору Брилланту вѣти въ соглашеніи, относительно мѣръ предосторожности отъ набѣговъ киргизовъ. Начались длинная переписка по этому дѣлу, которая кончилась тѣмъ, что Гурьев-городокъ въ 1753 г. былъ включенъ въ составъ Нижнаго войска, которое обязано было оберегать его, и подчиненъ вѣдомству оренбургскаго губернатора.

Основаніе Гурьев-городку положилъ купецъ Махаитъ Гурьевъ еще во времена владычества Золотой Орды, городъ раньше заселеній берегомъ Яика волнистыми казаками. Купецъ Гурьевъ былъ привлеченъ сюда выгодами рыболовства. Сначала онъ пытавъ татарскіхъ кочевниковъ, жившихъ въ Саратовѣ, подать за дозволеніе производить ловъ рыбъ въ устьѣ р. Яика и вдоль ствѣрныхъ береговъ Каспійскаго моря; и потому, когда городокъ былъ достаточно имъ укрѣпленъ, онъ отказался отъ платежа даніи. Впослѣдствіе Гурьевъ-городокъ отошелъ къ казну и былъ причисленъ къ Астраханской губерніи. Въ пяти верстахъ отъ Гурьева, при самой устьѣ Яика, были

устроены брандвахи, или отводный пароль, который должен былъ наблюдать, чтобы въ морѣ не было „грабительства, неуклоннаго рыболовства и прохожихъ судовъ безъ лица”; въ самомъ же городѣ была поседена рота Астраханскаго гарнизона, для охраны рабочихъ промышленниковъ отъ киргизъ и другихъ кочевниковъ. Подъ самимъ Гурьевымъ былъ устроенъ, какъ мы уже знаемъ, утугъ, или загордка изъ бревенъ поперекъ теснѣ рѣки, чтобы чрезъ то преградить ходъ морской рыбѣ вверхъ по р. Яику.

Липецкіе казаки хорошо осознавали тѣ немыгоды, которымъ имъ придется испытать съ постройкою Гурьева и особенно отъ его утуга; поэтому они начали вслѣдствіи старались, воспрепятствовать постройкою и укрѣпленію Гурьева, но безъ успѣха. Въ „Историческомъ Альбумѣ“ подъ 1649 г. упоминается, что липецкій атаманъ Кондратъ есть тогарищъ, ишпиль на Гурьевъ-городокъ, „многіе городочные избыи погромили и дромъ и вслѣдъ занесли на городовое дѣло припинить виархъ по Яику рѣѣ не дали“. Въ 1667 г. Липецкіе казаки, подъ командою Василія Касимова, спустились также по Яику, разграбили Гурьевъ и ушли въ Каспійское море, где на островахъ и дѣлали добчу или, по ихъ выражению, „душили дувани“. Внестѣдій Яицкіи казаки пришлось сажать же охранять Гурьевъ отъ набѣговъ и грабительства киргизъ, а потому и совершенно присоединить его къ себѣ.

Въ настоящее время Гурьевъ не имеетъ никакихъ укрѣпленій, и старину же онъ былъ окружено каменною стеною съ башнями по угламъ, которая въ 1753 г., когда Гурьевъ былъ превращенъ въ Яицкому подеку,

ки обжалась; почину Неплюевъ показать построить новое укрѣпленіе, и въ 1764 г. командированъ изъ Гурьевъ инженеръ-капитанъ Назимовъ осмотрѣть городъ и узять, какъ идуть тамъ работы по устройству крѣпостной стены. Назимовъ, по приѣзу изъ Гурьевъ, доказъ Неплюеву, что за недостаткомъ строительного матеріала работы до его приѣза даже не были начаты, и что только при немъ приступлено къ постройкѣ разобранный каменной стены, согласно плану, утвержденному Неплюевымъ. Мѣстность, на которой находилась тогда Гурьевъ, Назимовъ называетъ недоровою и полезною, что производство работъ можетъ сильно обременить однихъ солдатъ, которымъ было поручено извести укрѣпленію, онъ просилъ Неплюева, чтобы изъ Гурьевъ было командировано, изъ помочь солдатамъ, еще нѣсколько кинокопъ. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ Неплюева и распорядительности инженера Назимова, Гурьевъ былъ обнесенъ высокими и частыми валысадами, по четыремъ угламъ котораго возникли каменные барбеты или фланги (какъ ихъ называли въ то время), вооруженные чугунными пушками и кортизами. Въ валысадѣ, кѣль и въ прошлѣ билѣй стѣнѣ, было устроено четверо воротъ, изъ коихъ одинъ, обращенный къ берегу Урала, называлось Спасскимъ. Надъ этими воротами прежде находились каменная церковь, во имя Нерукотворного Спаса, съ двумя предѣлами: одинъ изъ честь св. Афанасія и Кирillo-Александрийскихъ, а другой во имя св. Алексія, Божія Человѣка; но, при перестройкѣ крѣпостной стѣны, эта церковь, какъ пропадшая изъ полную вѣтхость, была замѣнена новой деревянной, во имя Святителя и Чудотворца Николая. Въ дѣловыхъ бумагахъ Гурье-

чъ измѣнился прежде Иаковъ—Гурьевъ иъ городъ, а Гурьевская кавалерія—Иаковъ—Гурьевъ съ кой комендантской кавалеріей. Чтобы иметь некоторое представление о томъ, какой подъ избы Гурьевъ предъ временемъ его постулений въ вѣдомство Неплюеву, приведемъ отрывъ о немъ капитана Звѣзда-го, который пришелъ Гурьевъ 1 марта 1753 г. иъ составилъ Оренбургской губерніи отъ капитана Астраханскаго гарнизона Племянникова,—вотъ что онъ доносилъ Неплюеву: «Гурьевъ городъ каменный, изъ большими выхѣй, изъ трехъ стѣнъ и постыми башнями и башенками, какъ до половины развалились, и прочь, отдѣльные щѣльи и полонинами кирничка, и четвертая часть стѣны, противъ комендантскаго дому, рушатся; у онаго города одинъ портъ, называемый Олаская, да одинъ калиткъ. Велечина его по длини отъ Спасскаго портъ до Терекской башни 132 сажени, а по ширинѣ отъ средней стѣны до башни же Махаре-ской—128 сажень».—Въ начальствующемъ此刻 Гурьевъ почти весь былъ уничтоженъ пожаромъ, почину коему министръ, графъ Аракчеевъ, поисто возлюбленный Гурьеву, думать было построить крѣпость, на 57 берегъ выше города, на месте драматаго Сарабчики, какъ предполагалъ ему о тозъ генераль-инженеръ Кизаевъ; но оренбургскій губернаторъ кнзъ Г. С. Волконскій въ ноябрѣ 1810 г. заявилъ, что, во его мнѣніи, лучше не дѣлать никакихъ укрѣплений и отдать Гурьевъ изъ полное распоряженіе Уральскаго войска, которое обвязлось само изобновить городъ, устроить изъ него необходимыя укрѣпленія и содержать изъ города постоянно 200 чл. казаковъ, что было пришто и утверждено особымъ указомъ.

Кроме ильиной линии и Гурьев-городка, Ильинское войско должно было заботиться еще об Илецкой станице и ее окрестах. Неплохо, сознавая „слабость состояния“ Ильинской станицы, погасить въ общности ильину Ильиному войску и особенно войсковому атаману смотреть за Илецкими казаками, чтобы они были „въ бдительности и небезоружны и въ городѣ-бѣ добрый порядокъ и осторожность содержали“. Время основания Илецкаго городка, котораго не нужно счищать съ Илецкой Западой⁽¹⁾, относится къ 1737 г., а не къ 1730 г., какъ напечатано въ „Статистическая описание Уральского казачьего войска“ (Уральскъ, 1891 г.). Составитель этой книги, г. Вородинъ говоритъ: „Илецкий городокъ основанъ въ 1730 году, по распоряженію главнаго командира при Оренбургской Комиссии Тимирязевъ“⁽²⁾. Это неправда: въ 1730 г. не было никакой Оренбургской Комиссии. Всемогущу, знакомому съ историей Оренбургской губерніи, известно, что только въ 1734 г., была выражена первая экспедиція въ этотъ край подъ начальствомъ И. К. Карикова; В. Н. Татищевъ былъ определенъ на мѣсто главнаго командира Оренбургскаго края 10 мая 1737, и потому изъ 1739 г. передать тѣмъ болѣе еще несуществующую въ то го дна Илецкаго городка Ильиному войску можно,—все это, какъ сейчасъ увидимъ, случалось позднѣ.

Въ 1737 году десе изъ ильинскихъ казаковъ черкасского рода, Ильинъ Никифоровичъ Изюмский и Андрей Денисовъ Черкасовъ обратились изъ канди-

⁽¹⁾ Илецкая Запада основана всѣхъ и выходитъ изъ 40 въ станицъ Оренбурга изъ нихъ, а Илецкій городокъ изъ 124 въ станицъ Оренбурга изъ которыхъ.

⁽²⁾ См. т. I, стр. 2, прил. 2.

ларю Оренбургской Экспедиции съ просьбой о дозволении имъ построить на устьѣ р. Илека городокъ, что имъ и было разрешено особою указомъ 6 февраля того-же года. Изъ Южн. и Черкасова, по силѣ даниаго имъ указа, могли заселать Илецкій городокъ мандраками, кызыками, татарами и другими инородчами, называемыми въ подушномъ чекуле, при чёмъ Наюмскій былъ назначенъ атаманомъ, а Черкасово — есауломъ. Такъ началось существование Илецкаго городка; при Татарской здѣсь было заселено около 450 казаковъ, которые и были отданы въ вѣдѣніе Яицкаго войска. Но въ общемъ Илецкаго казаковъ не было и тѣни той отваги и храбрости, которыми отличались Яицкие казаки.

Поручить Яицкому войску заботиться объ Илецкѣ казакахъ. Неплохъ не мочь удовлетвориться этимъ: «слабое состояніе» Илецкой станицы и цы не переставало беспокоить его, и потому оно пожалѣло лично осмотрѣть ее. Поступить въ 1748 г. Илецкій городокъ. Неплохъ прежде всего осмотрѣть его мѣстоположеніе, никакъ при этомъ во все до нѣжайшихъ подробностей. Такъ-сакъ положеніе крѣпости на лѣвой сторонѣ р. Илека подвергало Илецкаго казаковъ болѣшой опасности отъ киргизовъ, которые нерѣдко увозили казаковъ съ ihnen и покосою изъ своихъ аулѣ; то Неплюевъ вознамѣрился переселить казаковъ на правый берегъ Илека, но казаки запнули, что это потребуетъ большихъ расходовъ и значительныхъ усилий съ ихъ стороны, а потому просили, чтобы имъ было позволено оставаться на прикинутѣй мѣстѣ. Неплюевъ согласился на это, но обманъ казаковъ поднялся, что они начинѣ и луга, находившиеся также на лѣвой сто-

ройт Илья и притомъ изъ начальниковъ разстояніе отъ крѣпости, впередъ будуть иметьъ на правой сторонѣ рѣки; ахъ же долженъ быть пастись и скотъ, чтобы чрезъ то затруднить отгонъ чужою киринией. Чрезъ р. Илья Неплюевъ приказалъ устроить леста, для свободного прохода съ возами и прогона скота. Въ рабочую пору изъ симъ городъ должна была оставаться третъ всего числа киаковъ для обороны, въ случаѣ измѣнившего паралема кириниевъ. Прежде киаки гумни, овина и при нихъ всякий хлѣбъ находились изъ начальниковъ разстояніи отъ Илецкой станицы и были расположены въ разбрѣсть, такъ-то иногда служили удобнымъ мѣстомъ для укрывательства воровъ; Неплюевъ изъ предосторожности приказалъ, чтобы гумни, овина и при нихъ всякий хлѣбъ были расположены съ восточной стороны города, обнесены плотиной и находились бы недалекъ отъ крѣпости, а стоящихъ гумни Неплюевъ wollte уложить „и по-прежнему, со расстояніемъ изъ же избы“; огороды также желѣзъ заносить около крѣпости, чтобы работающіе въ нихъ люди бывали „по виду артиллерии и подъ прѣкрытиемъ пушекъ“. Осматривая батареи, Неплюевъ пишетъ, что они не были покрыты и не таѣли крѣпко сдѣланы, вѣкъ-бы слѣдовали, почету приказали: „они прѣдъ будущимъ лѣтомъ сдѣлать лучше, сруби изъ изъ здороваго и неголѣтаго лѣсу и подѣлать на нихъ кириніе полы и крыши по тому приобрѣту, какъ они въ Рязанской крѣпости сдѣланы, и содержать всегда въ надлежащей оправности“. Лифеты подъ пушками, при осмотрѣ, оказались весьма плохими, а камни приставленные къ пушкамъ, не умѣли управлять ими должнаго образованія, почему Неплюевъ распорядился, что-

бы изъ Оренбурга быть командированы артиллерійскій унтер-офицеръ, который бы научить казаковъ, какъ управлять пушками. Для устройства бафетъ и баттарей, казаки должны были заложить и насыпать лвогу. У всѣхъ воротъ и на баттареи въ лѣтнее время казаки обязаны были содержать караулъ, ворота же, обращенные въ Киргизскую степь, Неплюевъ велѣлъ запереть. Иль числа той трети казаковъ, которая оставалась въ станицѣ въ лѣтнее время на рабочую пору. Не плюевъ приказалъ отѣбѣть часть для содержанія двухъ формостовъ, предположенныхъ въ постройкѣ на рѣчкахъ Зажиной и Кандель⁽¹⁾. Казаки должны были построить здесь землянки и зашлоты, только каминъ не красть, иметь по пушкѣ и содержать по 20 чл. казаки. Каждую недѣлю два раза, а если потребуется — и ежедневно, казаки въ числѣ 5 чл. должны были дѣлать разыады по двумъ направлениямъ: въ Разсыпной крѣпости и въ Иртеску до возвышеннія пути, стѣжаніе отрядами, высылаемыми изъ Разсыпной крѣпости и изъ Иртескаго форпоста. Разсыпная крѣпость находилась въ 167¹/2 в. отъ Уральска, а Иртескій форпостъ въ 99¹/2 в.; ежедневительно, разыады казаковъ обнимали собою пространство въ 68 в., или въ 34 версты въ каждую сторону. Въ будни киргизы Илеше казаки не могли ходить безъ особаго распоряженія или разрешенія Оренбургской кампелиріи; на изброловство и рыбные промыслы казаки должны были ходить не далѣе 20 верстъ отъ крѣпости и притомъ „компаниими, съ оружиемъ и немалодобно“; за лвогу по р.

⁽¹⁾ въ рѣкѣ впадающей въ Траву съ правой стороны между Байдаринской и Бурдакинской фермами.

Илеку довольно было бадь и дале 20 верстъ, во также вооруженныи отряды и съ обязательствомъ, чтобы каждый казакъ, отправляясь на промыселъ, панимать за себя другаго для отврачения за него очередь, дабы „другихъ изъ того таинства не было“.

Старанъ обезопасить жены и промыслы Иленихъ казаковъ. Неплохо еланюжъ не подводить изъ, такъ и Янкинъ икакнъ, безъ причина обижать и картишъ; съѣѣть казаковъ подшишой, чтобы они особенно не обижали тѣхъ изъ каргизонъ, которые „по ихъ винѣй сторонъ будуть бадь для звероловства или для чено другаго, а не ради пороховъ“. Илениху атаману и его сбѣтникамъ — стиринамъ присвоено, подъ угрозою штрафа, за всѣль смотрѣть и наблюдать прядко и неослабно, а при тревогахъ кась изъ градъ, такъ и на форпостахъ давать сигналы изъ пушекъ. Въ набѣженіе опасныхъ послѣдовъ отъ поскарои, Неплюевъ распорядился, чтобы дома вооружались тесомъ или лубью, а соломенныи крыши, при наступлении весны, всѣль сброситъ; для тушения пожаровъ казаки должны быть изъ крѣости пожарные инструменты и „подлежащее для того учрежденіе“. Неплюевъ обратилъ внимание и на внутренний строй Иленихъ казаковъ; такъ съѣѣть установить штать, по которому опредѣлено быть: одному атаману, одному есаулу, 5 сотникамъ, писарю и 464 рядовымъ казакамъ, изъ коихъ всѣль „выбирать, съ перебѣжкою по годно, лучшихъ и надежныхъ людей: хорунжихъ 5 да Зридиниковъ 9, а изъ сотниковъ одному всегда и у всѣхъ дѣль присутствовать поочередно при атаманѣ и больше никакихъ старшинъ не имѣть, и всѣ они должны къ службѣ Ее Императорскаго Величества

добрый лошадей иметь и во всяком надлежашему сразу, какъ то: исправное ружье, саблю и, по крайней музль, доброе длинное копье иметь². Въ вознаграждение за труды должностныхъ лицъ начислено было жалованье: атаману 20 р., а ёскулу и писарю по 12 р. и толь; глашай контролю (пробирка) надъ расходамиъ войсковыхъ сумъ быть поручено лицомъ войсковому атаману, который разъ изъ года обязанъ былъ отправлять одного изъ старшинъ на ремезию въ Илецкій городокъ. Казаки, желающие уплатить дѣлъ своего атамана, могли жаловаться лицомъ войсковому атаману. Въ то же время Неплюевъ выражалъ желаніе, чтобы Илецкие казаки воздерживались отъ пьянства, коровства и другихъ „жажды себесѧ“, а если бы жили трезвую и трудолюбивую; каждый казакъ обязанъ быть заниматься хлѣбопашествомъ, земледѣльствомъ и рыболовствомъ промыслами, наблюдая во вскѣй экономіи; прѣкъ бѣсъ быть строго воспрещенъ.

Подобное же устройство, какъ въ Илецкой станицѣ, Неплюевъ дѣлъ въ Сакмарскому казачьему городку, основанному выходцами изъ Ницкаго войска еще изъ 1725 г., изъ 30 переселъ отъ устья р. Сакмы, на высокой и хорошо защищенной отъ природы земли. Въ Сакмарскомъ городкѣ считалось до 250 казаковъ, иль коихъ 50 чел. было иноземцевъ. Они имали отдѣльного станичного атамана, подчиненнаго Ницкому войсковому суду; но за отдаленностью отъ Ницкаго города Сакмарскіе казаки не участвовали въ службѣ Ницкихъ казаковъ, а были употреблены въ различныя изысканія и дѣланъ въ Оренбургѣ. Глашай источникомъ на существованію у нихъ служило хлѣбопашество, а также и лѣсовъ промыселъ: рубка и санить

льса, которого по близости къ немъ было достаточно, доставили имъ значительные выгоды.

Во всѣхъ отмѣченныхъ распоряженіяхъ и избранихъ Неплюева, нельзя не признать его благородной предусмотрительности на пользу казаковъ, которые, нужно сказать правду, мало заботились о своей безопасности, почему передко и попадали въ душную, хлѣбную и ложно поставленную для нихъ киргизами, а иногда и сами боялись причини *обижали* ихъ. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ Неплюева, различные казацкія поселенія, не имѣвши раньше прочной между собою связи, были соединены въ одно стройное цѣлое подъ главнѣмъ управлѣніемъ, лицемъ войскового атамана, подчиненнаго въ свою отрѣдь Оренбургскому губернатору. Но старалась о безопасности Оренбургскаго края отъ вѣнчаныхъ враговъ, Неплюевъ обратилъ особое вниманіе на внутреннее устройство новой губерніи: отъ неуспѣха и разности съ старался установить и улучшить въ ней надлежащий порядокъ для и улучшить взаимная отношенія властей къ подчиненнымъ, русскихъ поселенецъ края къ инородцамъ, а матоистинъ и язычниковъ къ обратившимъ изъ нихъ въ Православную христіанскую вѣру. Особенно беспокоило Неплюева отсутствіе единодушія и должного порядка среди Илицкаго войска. Не отрица смѣлости, храбрости и боевыхъ способностей Иланскихъ казаковъ, Неплюевъ въ то же время сошѣдъ, что они нуждаются въ перестройкѣ ихъ внутрен资料ного управлениія и быта, и потому рѣшился вместе историей преобразованій въ действное рѣковое устройство Илицкой общинѣ, для чего въ 1748 г. сижъ лично, въ сопро-

вождемъ лучшаго своего помощника П. И. Рычкова, совершилъ посадку въ Яицкій городокъ, слѣдя русской жадрой вслѣмъ: „свой глазъ — альбомъ“. Что сдѣлалъ Неплюевъ полезнаго для внутреннаго управленія Яицкаго войска, увидимъ дальше.

VI.

Пребываніе Неплюева въ Яицкій городокъ въ жалованіи Воинской Коллегіи. — П. И. Рычковъ, достойный служащий Неплюева. — Мистеровъзданіе и укрѣпленіе Яицкаго городка. — Заботы Неплюева о внутреннемъ устройствѣ Яицкаго войска. — Существенныя стороны его проекта. — Уничтоженіе Гурьевскаго утугоя и отдача въ аренду Яицкому войску казнаго обора. — Отношеніе Неплюева къ старообрядцамъ и службы Яицкаго войска въ прежнее время. — Отмененіе Воинской Коллегіи и Осната изъ проекту Неплюева.

Начинался отправиться въ Яицкій городокъ, Неплюевъ испросилъ на то дозволеніе Воинской Коллегіи, которая, не имѣя обстоятельныхъ сѣдлій о Яицкомъ войскѣ, пожелала узнать: на какомъ основаніи были первоначально поселены казаки на р. Яицѣ, какъ имъ были даны жалованія грамоты и „вольности“, а также — на какомъ числѣ людей и ст. скликъ жалованыи одержать Яицкое войско на будущее время. Неплюевъ пробылъ въ Яицкій городокъ въ ноябрь 1748 г. Находясь здесь, Неплюевъ пользовался указами и сочиненіемъ П. И. Рычкова и распросами стариковъ. Петръ Ивановичъ Рычковъ былъ достойнымъ служащимъ Неплюева, а потому Естить скажемъ изъ сколько словъ и о немъ.

П. И. Рычковъ былъ сынъ вологодского хлѣботорговца, родился въ городѣ Вологдѣ 1 октября

1712 г., а умеръ въ Екатеринбургѣ 15 октября 1777 г. на 66 году отъ роду. Онъ погребенъ въ сельцо Опасеково Бутурлиновскаго уезда Самарской губерніи, въ трапезѣ въ симъ устроеннаго храма; здесь же покоятся и вратъ его сына Андрея Петровича, бывшаго комендантомъ Симбирской крѣпости и убитаго подъ Корсуномъ (шире упомянутый городъ Симбирской губерніи) 25 августа 1774 г. въ битвѣ съ отрядомъ Пугачева. Отецъ И. И. Рычкова, занимавшій сидѣніемъ хлѣба изъ р. Сухонки и Сыверной Денисъ изъ Архангельску, для отпуска изъ границу, верблюдовъ имѣлъличина списанія съ иностранцами, что привнесло пользу и его сыну. Въ концѣ царствованія Петра Великаго, отецъ Рычкова переселілся съ своимъ семействомъ въ Москву и постарался, при помошіи другихъ, обучить своего сына, уѣзжшаго уже читать и писать, применять, бухгалтерію, веденію торговли дѣлъ и голландскому языку. Даровитый мальчикъ, изучивъ голландскій языкъ, хорошо ознакомился и съ итальянскимъ языкомъ. Знаніе двухъ иностраннѣхъ языковъ, бывшее въ то время большою рѣдкостью между русскими, скоро доставило молодому Рычкову выгодное мѣсто. Въ 1730 г., имѣя 18 л. отъ роду, онъ ознакомился съ англичанами. Эльмсентъ, который былъ директоромъ скляненій измѣренскіхъ и живописныхъ стекольныхъ заводовъ. Иметь въ числѣ своихъ рабочихъ достаточно иностранцевъ, незнакомыхъ русскаго языка, Эльмсентъ предложилъ молодому Рычкову мѣсто управляющаго скляненіями заводами. Рычковъ согласился и прослужилъ при Эльмсентѣ около трехъ лѣтъ. Затѣмъ, когда было решено перевести заводы изъ другое мѣсто, Рычковъ отправился въ Петербургъ для пріисканія себѣ

ивеста и, благодаря обер-секретарю Сената И. К. Караганову, занять ивесто переводчика въ то же время. Отправилась изъ Екатеринбурга, Кирилловъ взять съ собою, изъ качествъ братолюбия, въ П. И. Рычкова, который съ этого времени всецело посвятилъ свои труды и сиды изучению и устройству Оренбургскаго края, со всемъ близкайшимъ помощникомъ при оренбургскихъ комендирахъ и губернаторахъ изъ течеи съ о р е к а л ѳ т ь . При первыхъ начальникахъ Оренбургскаго края Рычковъ былъ употребляемъ, по его выражению, „къ саломузжескимъ възнижимъ фольсамъ”, управдатель изъ канцлеріи и находился при нихъ безотлучно. Съ прибытиемъ изъ Оренбургскаго края Неплюева, для трудолюбиваго Рычкова открыдается особенно жестокаго дѣла. Рычковъ былъ на 19 лѣтъ молодежь Неплюева и, увлеченный примеромъ своего трудолюбиваго начальника, работать изъ всѣхъ силъ, для спасенія и благоустройства Оренбургскаго края. Неплюевъ изъ свою очередь искренно полюбилъ Рычкова, познавъ его знанія, способности и трудолюбіе и всегда дорожилъ его мнѣніемъ, какъ—человекъ образованнаго и хорошо изученного Оренбургскаго края. Отправясь поощрять его, съ изъ 1743 г. исхлопотать ему землю изъ Оренбургскому краю, а изъ 1751 г. Рычковъ по представлению Неплюева получаетъ чинъ коллежскаго советника (по-восточному—полковника). Не смотря на множество дѣлъ по службѣ, П. И. Рычковъ находить время заниматься и науками: послѣ него осталось много печатныхъ трудовъ, изъ коихъ особенной известностью пользуется его „Топографія Оренбургской губерніи”, переведенная два раза даже на японскій языкъ, и, въъншнегородскаго полковника Григорія Афанасьевича Красова. И съ этимъ обстоятельствомъ Рычковъ дру-

Понятно, что такой членить, какъ Рычковъ, положительно быть необходимо Неплюеву, при собраниі ить историческихъ сейдній обь Яицкому войскѣ и при составленіі поочаго проекта обь его упраздненія. Нѣ вѣ съѣсть сознать это, и потому ить съѣсть со-
бою Рычкова изъ Яицкій городокъ. При его содѣстствіи, Неплюевъ составлялъ общарный проектъ обь упраздненія Яицкаго войскъ, представивъ его на разсмотрѣніе Военной Коллегіи. Послѣ некоторыхъ любопыт-
ныхъ сейдній о начальѣ и происходженіи Яицкаго вой-
ска, Неплюевъ говорить о самъ Яицкомъ городѣ, иль коемъ считалось тогда около 3000 дверейъ, боль-
шая часть ить бала построена по Старинѣ (прежнее
руслло Урала) и по р. Чагану; улицы въ городѣ были
узки, а иныи до того тѣсни, что дѣлъ телеги не могли
разъѣхаться; въ городѣ было чамре деревянныхъ фургоновъ
и стромоласъ камяныхъ хлевовъ. Мѣстоположеніе Яиц-
каго городка, находящагося между р. Чаганомъ, Ура-
ломъ и Стариной, било очень удобно въ отношеніи
обороны при нападеніи киргизовъ; по сѣверной чѣти-
города всегда нуждаласъ въ искусственной защите,
потому Неплюевъ, еще за годъ до своего прѣбыва-
ния Яицкій городокъ, приказалъ углубить ровъ и сдѣлать
турбиненіе. Подъ наблюдениемъ инженеровъ, комиссии-
рованныхъ имъ изъ Оренбурга, между Чаганомъ и Стар-
иной была устроена крѣпостная стена, состоявшая
изъ двойного штака, промежутокъ котораго бала зап-
олненъ пыльной землей; плетень бала турбиненъ
столбами и спиралью обмазанъ глиной, а вдоль плети
шель глубокій ровъ. На случай обороны, городъ снаб-
женъ бала и „достаточной артиллерией“. Далѣ въ сво-
емъ донесеніи Военной Коллегіи Неплюевъ перечи-

слить службу Яицких казаковъ въ прежнее и тьо его время; говорить о числѣ и составѣ войска, о жалованье деньгами и хлѣбомъ, обѣ отпускѣ земли съ симбирскихъ изъезжихъ заводовъ и пороху изъ канцлеріи глиной артиллеріи и фортификація, о рыболовствѣ, обѣ управлениіи войска и составѣ должностныхъ лицъ, о казачьихъ кругахъ и вольностяхъ, при чёмъ замѣчать: „иша тѣ казачьи вольности необузданы, ибо хотя кто вопреки атаманскому и стиршинскому милю и в Кругу что и заговорилъ, но атаманъ со стиршинами, не имѣя на то, никакъ надлежитъ, по указамъ исполнить; разномѣбрю-эже и атаманскы вѣсть и стиршинамъ иша въ лучшее состояніе приведена, ибо напредъ сего бывало то, что они казакою сами себою и за вины земли смѣрть казнили, иша-жъ кроме того, что, привязаны къ волынѣ, бывать плащами, никакихъ другихъ штрафовъ не бываетъ“. Затѣмъ Неплюевъ говорить въ своемъ дополненіи о составѣ корпуса Яицкаго войска, о станицахъ Илецкой и Сакмарской, о крѣпостяхъ Кулакинской и Калмыковской, о дотоходахъ и расходахъ войска и т. д.

Представляя въ Военную Коллегію сѣдѣнія, собранныя изъ Яицкаго городск., Неплюевъ приложилъ въ свое мѣнѣ о переустройствѣ Яицкой общины. По его мнѣнію, различные беспорядки Яицкихъ казаковъ происходили оттого, что у нихъ не было ни штати, ни правильно устроенныхъ учрежденій, ни строго опредѣленныхъ обязанностей должностныхъ лицъ.—все зависѣло отъ произвола изборныхъ казаковъ и основывалось на прежнихъ казачьихъ обычаяхъ: приходо-расходныхъ книжъ не велось; съ казаковъ брали, безъ всякой записи, должные и недолжные поборы; о про-

изводить счастливых для никому допущенного было и т. п. „Того ради (писалъ Неплюевъ), для приведенія сего нерегулярнаго и въ адъшихъ изстахъ кумыка корпуса въ лучшій порядокъ, намъ учини премѣрный штатъ съ такими жалованьями, которыми бы оное войско, при избѣгнѣи штрафъ и воротъ, булиныхъ рыбныхъ промыслахъ, безъ нужды содержаться могло, и какъ-бы изъ службы Ея Императорскаго Величества въ лучшей и всегдашней исправности могли быть, а старшинъ бы, имѣя определенное жалованье, по всемъ, а начи съ подчиненными, справедливо и бескорыстно поступали, и когда наряды случаются, то-бы съ кличкою тѣхъ уложить запрещенныхъ поборъ пособирали“.—Основаниемъ теперь съ главными положеніями штата, составленаго Неплюевымъ,

по штату, проектированному Неплюевымъ, полагалось двое войсковыхъ старшинъ, которые, имѣть съ войсками писаремъ, должны были присутствовать при производствѣ дѣлъ войсковыхъ ятамъ; кроме того, при кличадаріи атакана положено быть двумъ осадамъ и пѣхольскимъ служителямъ. Каждый корпусъ былъ разделенъ на сѣмь полковъ, называвшихся также смычками, по 500 рядовыхъ казаковъ въ каждомъ полку; кроме того, всякий полкъ долженъ быть имѣть полковаго старшину, или смычного ятакана, полковаго еспула, пять сотника и писара. Полки назывались: церемъ, второй, третий и т. д.—эти наименія назывались полковъ сохранились и доселе въ Уральскомъ войску. Каждый полкъ долженъ быть иметь свое особое знамя и списки служащихъ кличкою въ двухъ экземплярахъ: одинъ для Войскового Приказа, а другой для полковаго еспура; кроме того, станичный атаканъ, или командиръ

полки, обязаны были вести и беречь у себя сыновей тѣхъ казаковъ, которые поступали въ службу изъ казаковъ по доброй волѣ. Полки должны были вести службу *закутреннюю*, которая состояла главнымъ образомъ обороны линіи отъ вторжения киргизовъ и въ прѣтраждении переправы казаковъ за Ураль, и *акинию*, заключающуюся въ кондиционахъ изъ степи противъ ханчиковъ, на войну, изъ содержанія карауловъ и разъездовъ по Сибирской линіи, смотря по надобности. Жалованья на весь штатъ полагалось 7901 р. 41⁷, коп., въ томъ числѣ 6250 рубл. на 3500 родовыхъ казаковъ, полагая по рублю пятидесяти коп. въ годъ на каждого казака, такъ-что Неплюевъ увеличилъ окладъ жалованья казаковъ противъ прежнего пошли на 3000 рублей.

Высшою службы по зижку, Неплюевъ, согласно указу 1740 г., проектировалъ *очередную* службу; но это скорѣе было подражаніе *закутренной* казаками и установленіемъ надписи *«ногли»*, чѣмъ *очередная* служба въ смыслѣ солдатства. Ницкій казакъ, по проекту Неплюева, не лишался права нанять за себя и другого, если только онъ самъ быть подлежать и необходимъ въ общинахъ, какъ честный торговецъ, хороший мастеровод, дѣятельный и добросовѣстный производитель и т. п. право *«ногли»*, — право добровольно располагать собою имѣть всѧко важное значеніе какъ лично для торговаго и промышленнаго класса, такъ и вообще для экономического благосостоянія цѣлой общины: для того, чтобы добывать отъ земли, водъ и другихъ природныхъ богатствъ существенную пользу, необходима возможность добровольно располагать своимъ трудомъ, своимъ стремлениями и желаниями, безъ чего и большой капи-

тать может оставаться безмолвным из общественных отношений. Считали, что при "мобилии" может образоваться классъ послужившаго казакъ и некоторыи другіи неудобства. И не ясноѣ та же очень хорошо понимать, что и отъ исключительно очередной службы могут пострадать общественные интересы, а гдѣ дѣло шло обь общемъ благѣ, таъль онъ не только частныи, но и свои собственныи выгоды приносить въ жертву общественнымъ. Проектируя очередную службу, Неплюевъ ставить этотъ вопросъ въ саму тѣсную связь экономическимъ и материальнымъ благосостояніемъ Национальной общини; или руководили при этомъ такимъ образомъ два побуждения: 1) установление возможной равноправности въ отбываніи Национальной казачьей воинской обязанности; и 2) улучшение экономического положенія казакъ, посредствомъ уничтоженія бывшихъ раннѣхъ сборовъ для "мобилии" съ каждого казака. Руководясь же замысломъ первого рода, Неплюевъ предписалъ войсковымъ старшинамъ: строго наблюдать за тѣмъ, чтобы чрезъ то (право нанимать за себя другого) боятие и семейные люди дѣтей своихъ, которыхъ у нихъ въ казаки записаны, отъ службы не отлучили и тѣмъ не только ихъ, но и весь мирнусъ въ слабость не приводили, а старшинамъ служить всѣмъ поочередно, разг҃ кого за болѣзнью командировать будуть пеланъ". Выходя изъ втораго воззрѣнія на "мобилку" и зная, какъ много сбиралось съ казакъ, идущихъ на службу, должностныхъ и недолжныхъ поборовъ, Неплюевъ положительно запретилъ такие сборы, предоставивъ это добрея соли самихъ казакъ и утрами, позже всѣмъ тѣмъ кто есть въ это дѣло старшина. никто, конечно, лучше самихъ же казакъ не зналъ, кто изъ нихъ былъ

богатъ и кто бѣднъ, и никто болѣе сочувствію не могъ отнести изъ нуждали идущаго на службу казака, казакъ сими же казакамъ; поэтому-то Неплюевъ и расчитывалъ на добровольную подмогу со стороны казаковъ, оставшихся изъ войскъ, тѣмъ болѣе, что казаки, оставившися „на лыжни“, при общинной хозяйствѣ войска, могли пользоваться, кроме своей части изъ войсковыхъ угодий, и дозорѣ уходящихъ за службу.

Войсковой Кругъ Неплюевъ допускалъ только для обсужденія дѣлъ домашніхъ и общественныхъ, напр. когда собирались казаками и идти на рыбные промысла, относительно постройки и ремонта войсковыхъ общественныхъ зданій и т. п. Что касается дѣлъ служебныхъ и различныхъ распоряженій атамана, то съѣзжъ высочайшихъ указовъ или предписаний разныемъ командиромъ; то вѣдно было только объявлять о томъ изъ Кругу чрезъ осудовъ, не спрашивая мнѣнія казаковъ. Станичные атаманы обязывались ежедневно доносить войсковому атаману или лично или чрезъ оскула о состояніи своего полка, и разъ въ мѣсяцъ подавать о топъ письменные рапорты. На нихъ же лежала обязанность наблюдать за отношениемъ сотниковъ къ рядовымъ казакамъ, чтобы они не обижали подчиненныхъ и въ нарядахъ соблюдали строгую очередь. Станичный атаманъ также долженъ былъ смотрѣть за неправильностью лошадей, за выдачей пожаръ жалованья и при содѣйствіи оскула, производить судъ и расправу по жалобамъ казаковъ своего полка; если же случалось какое важное дѣло или одинъ изъ недовольныхъ привлекать къ его команѣ, то жалующіеся, постыдившіеся попытки къ ихъ примиренію, передавались въ распоряженіе Войскового Суда. Каждый казакъ, согла-

свою пропагу и желанію Неплюева, должны быть сильныи и ловкии наездникомъ, иметь не менше двухъ надежныхъ и сильныхъ лошадей, саблю, турку, со вскимъ къ ней принадлежностями, или, пусто нея, сайдикъ и копье, а что можетъ — и панцыри. Во время „знатныхъ походовъ и при знатныхъ осадахъ“, панцырики, разбились порошу, должны были бѣхти впереди полковъ „для лучшей полковой парады“; следовательно, на панцыры Неплюевъ смотрѣть не бѣхъ, какъ на первое управление казачихъ подковъ, и, видимо, не придавать ему никакого-либо практическо-боеваго значенія; отъ этого постѣднѣй отношений — силы, ловкости, храбрости и сильности казаковъ должны были замѣнить для нихъ и панцыри, и колющуту, и щиты; гораздо важнѣе для казака била бы походъ надежная лошадь, — не даромъ склонилась у Иппокіихъ казаковъ и пословица: „если конь — подо мной, то я и Богъ подо мной!“

Желая установить должный порядокъ и благочиніе въ Иппокіихъ городкахъ, Неплюевъ избѣгъилъ воинскому атаману и старшинамъ въ обязанность, чтобы они своимъ житіемъ подавали добруй примеръ простымъ казакамъ; въ праздничные и воскресные дни ось „прилежали-бы из церкви Божіей, удалившись отъ пьянства и всякихъ безчинствъ, чрезъ что не ось дика (внутчитель Неплюевъ) Божіе благословеніе пронесодитъ“. Атаманъ и старшины начинаятъ праздничныхъ и торжественныхъ дней должны были изѣбывать полковня казакамъ о томъ, чтобы казаки на другой день изъ опредѣленій часъ являлись къ богослуженію въ церкви; до окончанія обедни запрещалось открытое питейное заведеніе и продавать вино. Неплюевъ также требовалъ, чтобы ата-

шарь и его помощники наблюдали за правильностью торгоула и промысловъ, охраняли прѣбываніе купцовъ отъ обиць и грабежа, берегли лѣсъ, принимали мѣры предосторожности противъ вражеского и польскаго, ссыпали изъ узаконеннаго цына на рынокъ, особенно на главныя привозы и т. д. Кромеъ того, Нешлюхъ обратилъ внимание и на городские доходы и расходы Яицкаго войска; онъ пишетъ, что городские доходы были весьма неизначительны, а расходы велись безъ никакаго учета и значительно превышали сумму доходовъ.

Городские доходы Яицкаго войска составлялись изъ избояка обора (225 р.), вымыта (отъ 120 до 140 р.) и походурныхъ денегъ (отъ 30 до 40 р. въ годъ), такъ—что всего получалось въ годъ отъ 405 до 435 р. Сумма эта шла на общіе городские расходы, вѣтъ-то: на отврашеніе по Двору приимата съ рабой и икрой, на пырубку и сгонъ учужнаго лѣса, на прогонъ конницируемыхъ отъ войска липашъ изъ Оренбургъ, Астрахань и другія земли, на содержаніе и награды прѣжизненныхъ изъ орды посланъ, на покупку лошадей для побадки съ особами порученіями въ киргизскую степь, на перконные и камцелирскіе расходы и т. д. Всѣ эти расходы простирались иногда на сумму свыше 2000 р., почему (какъ свидѣтельствуетъ Нешлюхъ), „во время парадовъ и другихъ изъ томъ войскъ общихъ нуждъ и налогъ посылались, не только напредъ сего, но еще и нынѣ чинить по миру, т. е., съ казаковъ разные поборы“. Вслѣдствіе этого, Яицкое войско иногда находило изъ такихъ долгъ, что не могло даже уплатить выставленыхъ изъ воинскаго нужда деньги, какъ это видно изъ указа Военной Коллегіи къ Нешлюху отъ 12 декабря 1745 года. Правда, у казаковъ было еще одинъ

источникъ общихъ доходовъ — „домо-сданные деньги“, которыхъ собирались со всѣхъ казаковъ, участвовавшихъ „въ первомъ и наилучшемъ промыслѣ багремы“; но эти деньги поступали въ пользу синициниковъ сть причтомъ, на шинарей Войсковой канцелярии, поваренныхъ, толмачей, на капрониръ и кухненскъ заимѣть замѣтъ того, что имъ тогда не показалось учинить отсрочку въ „периодѣ багремы“, въ другихъ же рыболовствахъ (если только это не было иль служебныи обстоятельствами) могли и они приносить участіе. Кроме нихъ иль числѣ лицъ, получившихъ „домо-сданные деньги“, были также яткыны, старшины, мудлы, отставные казаки и малоземѣлки, число которыхъ иногда простигалось до 70 человѣкъ. Такимъ образомъ „домо-сданные деньги“ не могли пополнить суммы на общіе городскіе расходы, а между тѣмъ пополненіе этихъ суммъ было необходимо.

Посмотримъ, что сѣльцѣ для этого Неплюевъ. Онь прежде всего обратилъ вниманіе на водочную продажу въ Иницкомъ городѣ. Разные Иницкіе казаки, по указу 6 октября 1732 года, должны были покупать вино „на домо-расходы и на продажу кажду себѣ въ Самарѣ или Сызранѣ, гдѣ имъ (было) способите, на кружечныхъ дворахъ по указаннымъ панамъ и братъ-ициски, а ежели они вино будутъ брать не съ кабакъ (скажио въ указѣ) и въ томъ изобличения будуть, за то у нихъ то вино отбирать, бедаежко“. Иль окладноф книги Камеръ-Коллегіи за 1723 годъ видно, что съ Иницкими казаками называлось кабацкаго сбора 708 руб. 49 коп.; сумма эта была причислена къ доходамъ Сызранской Ратуши, такъ-сакъ казаки получали вино въ Сызранѣ. Неплюевъ, чрезъ Восшую Кол-

дегю предложил Сенату отдать водочную продажу из Илицкого городка на откупъ, какъ это было изъ Оренбургъ, изъ Волжскому и Донскому казачьимъ войскамъ. Расчитывая чрезъ то увеличить городской доходъ Яицкаго войска. Неплохъ надѣль въ томъ облегченіе и для города, такъ-какъ вода и вино могли тогда продаваться дешевѣе изъ то время, какъ изъ Оренбургъ ведро простаго вина стоило рубль и меньше, въ Илицкомъ городке оно продавалось почти по два рубли. Быстро того, какъ, получивъ вино на заводахъ бочками или ведрами, могли производить розничную и чарочную продажу по заключенному съ откупщикомъ контракту. Сенатъ, изъ виду согласія Яицкаго войска, посыпалъ ежегодно 708 руб. 49 коп. акцизаго сбора, опредѣлилъ: «дозволить Яицкому войску изъ казачихъ городковъ вино и водку брать съ полонительныхъ пинокуренныхъ заводовъ, и отъ того Яицкаго войска съ будущаго 1750 года 708 руб. 49 коп. платить пошагодно сполна, бездомочно, и въ исправность по тому числу изъ каждой годъ платѣть отъ того Яицкаго войска изъ задолженіе общительство, или оное зачитывать изъ положеніе годовое жалованье». При этомъ казакъ было строго предписано, «вино и водку изъ великороссійскію города, и гдѣ будутъ посевы великороссійскіе служильные люди, и никуда изъ русскія посевы не отвозить и не пропускать».

Неплохъ указалъ Яицкому войску и на другой источникъ увеличения общихъ городскихъ доходовъ: съя предложилъ брать съ прѣбывающихъ изъ Яицкаго городка иного городскихъ людей шахмельского и прорѣбнаго сбора по 3 коп. съ похи, а съ лавокъ для торговли — по полтины. Принятое изъ соображеніе, что числе-

прѣжняхъ изъ Илицій городонъ изъ другихъ мѣсть, особенно въ зимнее время, было довольно значительно, нужно думать, что этотъ сборъ могъ достаточно восполнять сумму общихъ городскихъ доходовъ. Для предупреждения разного рода злоупотреблений, при расходованіи войсковыхъ сумъ, Неплюевъ распорядился, чтобы все городские доходы были записаны на проходъ изъ особыи шуровмы и за печатью изки, и указать при этомъ точно самая статья расхода, какъ-то на бумагу, чернила, сургучъ, сѣчи и дрова для канцелярія, на посылку курьеровъ и прогоны, на содержаніе прѣжняхъ и пленныхъ киргизъ и калмыковъ, на сѣчи и ладожъ для перасыпъ и т. д. О всѣхъ произведенныхъ расходахъ войсковой атаманъ ежегодно долженъ быть представлять вѣдоности въ Оренбургскую губернскую канцелярію. Для надзора за правильнымъ употреблениемъ войсковыхъ сумъ, положено было избрать, во общемъ приговору, особыхъ блюстителей изъ отставныхъ или служащихъ казаковъ „добрыхъ, честимоющихъ и грамотныхъ“, которые, по истеченіи каждого года, обязаны были отдать отчетъ въ расходованіи войсковыхъ сумъ, будучи списаны постриженіемъ либо изъ изборныхъ членовъ изъ старшинъ; постоянный же надзоръ за ними быть поручить войсковому птиппу и его помощникамъ. Заботясь о береженіи войсковыхъ сумъ, Неплюевъ распорядился также, чтобы избранъ, командирѣмъ изъ службы, третине жалованіе впередъ выдавалось не иначе, какъ подъ поручительствомъ за нихъ надежныхъ и состоятельныхъ лицъ изъ казаковъ же; если же кто умръль, не получивъ послужившаго имъ жалованья, то жалованіе выдѣлялось его женѣ, дѣтьми и другими законными

наслѣдниковъ, по разсмотрѣнію и опредѣленію Войскового Суда. Дозволивъ отлучаться старшинамъ къ мѣсячный отпускъ, Неплюевъ постановилъ: „а сколько ко-
торые за собственное нуждо болѣе мѣсяца пробудутъ,
таковыи на все то время, сколько они отъ команды
въ отпуть будуть, изложеніе не отдавать и удержан-
ное записывать“. О всѣхъ остаткахъ войсковыхъ сумъ
Неплюевъ приказалъ доносить изъ Оренбургскую кан-
целярию по третякъ года, записыватъ въ книгу,
и безъ особаго разрѣшения ни на какіе расходы тѣ
деньги не употреблять.

Раньше Иаковъ войско отправляло изъ Петербурга
четыре станицы изъ голь съ рыбой и икрой: одну зи-
мнюю и три лѣтнія, на что отъ Воинской Коллегіи
была ассигнована особая сумма въ 2637 р. 30 коп.;
эти деньги шли на награды станичныхъ атаманъ,
старшинамъ, есауламъ и казакамъ, отправляемымъ
ко презентомъ ко Двору, для чего подбирались всегда
заслуженные лица. Неплюевъ, изѣвъ въ виду увеличе-
ніе изложенія наименъ, положилъ уточнить легкія
станицы, оставилъ одну зиженую и назначилъ на неѣ
1217 р. 41/, коп. да, сверхъ того, на превышеніе
расходы, какъ-то: на конши, сабли и т. п.—100 руб.,
а всѣго 1317 р. 41/, коп. Сумма эта распределена
следующимъ образомъ: „платану 80 р., а буде прѣ-
деть войсковой, то 100 р., при немъ есаулу 60 р.,
старшинѣ 50 р., рядовымъ сенполати чедойкомъ—
каждому по 35 р.“, остальные деньги или на расходы
по поездкѣ и на превышеніе расходы. Если въ войскѣ
не окажалось заслуженныхъ и достойныхъ
предъ другими лицъ, то старшины и есаулы назнача-
лись изъ зиженую станицу по отбору.

Неплюсъ не оставилъ безъ вниманія и отсутствіе школъ въ Яицкомъ войскѣ. Изъ 218 дѣтей въ Яицкомъ городкѣ грамотныхъ тогда было только 28 чуд., а изъ взрослыхъ не болѣе 50 войсковой атаманъ, писарь да человѣка три старшины, но и тѣ, во изрѣзенію Неплюса, „заны мѣдосолено“. Поэтому Неплюсъ выразилъ желаніе, чтобы войсковой атаманъ и полковые старшины похлопотали объ обученіи дѣтей старшинъ и взрослыхъ классовъ первоначальной грамотѣ и письму, четыреяятъ прописиъ приемлети, чиновъ и чину изъ церквей, привлечь для того кого-либо изъ духовныхъ лицъ или же, построиши особое зданіе подъ школу, содержать при ней одного или двоихъ учителей, употребляя на то деньги изъ оставающейся отъ неполнаго комплекта войсковой суммы; а чтобы возбудить въ казакахъ охоту къ грамотѣ, Неплюсъ приказалъ: „отнынѣ грамотныхъ людей, сколь состояніе доброго, хоть-бы службою и жаложе были, изъ происходящихъ (въ чина) предпочтити, а иредь, какъ грамотные учиюются, выше урадничыхъ и хорунжихъ чина безграмотныхъ не производить, рѣки по особливымъ заслугамъ“.

Отъ Неплюса, быть врага всѣхъ лѣтисѧ, не скрилось и ищеистио, состаکующее въ городкахъ и по-нынѣ большое зло: въ раду есть дѣйствительными нищими, первѣко вѣрѣютъ лѣтаки и дариоды, которые обращаютъ нищенство, какъ не требующее особаго труда, къ ремеслу для праздной жизни и досуга для пижини. Чтобы ограничить, на сколько возможно, это зло и устронть судьбу сиротъ, Неплюсъ постановилъ: „если есть и будуть пытаться по миру измѣтить сироты, отчерь и матерей не имущіе, таковыхъ до возв-

растъ отданъ родственникамъ и сподвижникамъ ихъ, а буде сихъ не будеть, то и постороннимъ". Лицо, принявший къ себѣ кого-либо изъ сыровъ на прощаніе, обязанъ былъ подписать, что они, когда принятому имъ сынуку исполнится 16 лѣтъ, обязанъ отдать изъ Войсковою Присыпѣ для заселенія его въ службу. Всѣные изъ содеряніе сыровъ не могли оставлять словольно своихъ корнильцевъ до оконченія похреста; они обязаны были служить своему хозяину и помогать ему изъ работахъ до заселенія ихъ въ службу; если же имъ приходилось испытывать различія притесненія и обиды, то они могли жаловаться Войсковому Суду и, изъ случаѣ спригодности ихъ службы, передавались изъ прошореніе другимъ, при соподчиненіи тѣхъ же обязательствъ съ общихъ сторонъ.

Въ предупрежденіе различного рода недоразумѣй между начальниками и служащими родомъ казаками, Неплюевъ съ точностью опредѣлять права и круть дѣятельности тѣхъ и другихъ; назначить оклады жалованья для служащихъ; изложить свои соображенія о содеряніи форпостовъ, о воинскихъ и нарядахъ изъ службу, объ отношеніи казаковъ къ бѣглымъ и беспилотнымъ, о рыбакахъ и другихъ промыслахъ; указать, какъ должны вѣбѣше относиться казаки къ кочевавшимъ близъ Яицкаго городка кадыкамъ и къ жалавашимъ изъ нихъ креститься; обратить вниманіе и на отношенія къ нимъ татарскихъ мурзъ и т. д. Изъ этого видно, на сколь блестки были Неплюеву интересы Яицкаго военка. Благодара Неплюеву, Яицкое войско получило изъ 1752 года право на совершение уничтоженіе Гурьевскаго утугою, препятствовавшихъ изоду разы въ морѣ изъ р. Яиць, обвязавши уничтожить

въ казну за улуги и рыбные ловли 4692 р. 69 1/4 коп., ежегодно и 754 р. 10 коп. за таможенный и избацкий сборь, всего же 5446 р. 79 1/4 коп. на ассигнации. Чтобы окончательно оградить свои интересы въ рыболовствѣ, Илицкое войско просило отдать ему изъ аренды и солдатской сборь, производившейся съ соленої рыбы и ее продуктовъ изъ Сынгиря, Сызрань, изъ Баграшой пристрѣ, изъ Сергиевскѣ и Алексеевскѣ; сборь этотъ въ 1755 году былъ отданъ сызранскому бургомистру. Кондаковъ изъ 4000 руб. изъ той же суммы поддержалъ просьбу Илицкаго войска скончать ходатайство, и Сенатъ указомъ 18 февраля 1758 года опредѣлилъ: отдать этотъ сборь Илицкому войску съ 1 января 1759 г. безъ торговъ за 4588 руб. 17 1/4 коп., присоединить къ этой суммѣ и сборь съ той же соленої рыбы, который будуть проданы въ Оренбургѣ и полинейныхъ крѣпостяхъ, куда плавки также возили рыбу и ее продукты. Этотъ послѣдний сборь равнялся 415 р. 67 коп., такъ что вся арендная плата равнялась 5003 р. 84 1/4 коп. на ассигнации, или по настоящему курсу на серебро 1429 руб. 67 1/4 коп.; сумму эту и доселе Уральское войско вносить изъ Государственное Казначейство. Съ отысканію налога на соль, этотъ сборь составлять не болѣе, какъ косинский—хѣстый налогъ на рыболовство и, безъ сомнѣнія, заменить изъ своихъ размѣровъ отъ того или другого залога рыбы въ данный годъ; но, не смотря на то, онъ еще надолго оставляетъ одною изъ наиболѣе доходныхъ статей для Уральского войска, по западнію самыи же уральцы.

Зны, какъ упорно Илицкое войско отстаивало свои права и привилегии, освященные народными обычаями. Неплюевъ почти по каждому своему распоряженію

справительствъ князья Брута, если только это не противорѣчило общегосударственнымъ интересамъ и шагодить правительства. Онь съмъ старался привлечь Иницкое войско къ участію въ обсуждении вопроса, касавшагося его устройства, и чрезъ то приобрѣть особенное довѣріе среди казаковъ, которые боялись Наполеона, по упомянутымъ любили и слушались его, искать дѣлъ своего воспечелѣшаго отца. Сильный своею опытностью, умомъ и добросовѣстностью, Неплюевъ тщѣль разъяснить казакамъ пользу введеній имъ изысканій въ западное устройство Яицкой общини, чтобы чрезъ то вывести ее на лучшую дорогу. Энъя о разделеніи казаковъ на два гражданебные лагеря, на сѣверную и южную партию и на род и ю, онь не присоединился ни къ той, ни къ другой, старался, по возможности, угодить обѣимъ и примирить интересы ихъ, чтобы таинъ образовать пріготовить благоприятный для своихъ преобразованій условія, достичнуть главной цѣли: спасѣстия въ Иницкомъ войске, его экономического благосостоянія и больше прочаго и правильного устройства казаковъ, въ интересахъ обширнаго Оренбургскаго края. — Замѣчательно, что при Наполеонѣ, покуда онь управлялъ краемъ, въ Иницкомъ войске все было спокойно; не было ни одного волненія среди казаковъ, хотя походить къ этому было и достаточно, особенно со стороны приверженцевъ старины. Не смотря на множество замѣтительныхъ указовъ, членъ прашливъ на Инице не уменьшалось: войско особенно охотно привинжало гонимыхъ старообрядцевъ. Извлѣсь изъ Иници, они разъясняли о подчиненныхъ противъ нихъ гоненияхъ и всѣми силами старались подорвать въ глазахъ народа значение духовной власти. Недовѣріе

бъ духовенству, зародившемуся внутрь Россіи, проникло и въ среду интеллигентства, приверженнаго къ старинѣ, а иностранный это недобрѣ обратилось въ открытую пропасть. Мы уже знаемъ, что время Неплюева было сплошное счастливое и во многомъ подобное для Ипатья Казанскому; но жутко тогда было старообрядцамъ, скрывавшимся изъ Ипатья, всегдастн строгихъ мѣръ преслѣдованія, выднинутыхъ на нихъ со стороны Военной Коллегіи и особенно епархіальной духовной власти. Сыски и разыски „изъмачниковъ“, подобныхъ Карапашеву и Гуликому, начались разысками старообрядца и укрывателей ихъ. Но причина этихъ гонений репрессоровъ староины заключалась не въ личныхъ отношеніяхъ къ нимъ Неплюеву, а въ распоряженіяхъ Военной Коллегіи и епархіальной власти; Неплюевъ же, напротивъ, старался и изъ этой сложнѣйшей дѣйствованіи остерожно и благородно и никоемъ настоиль на то, чтобы престѣлование и гонения раскололи христіанъ, скрывавшихся среди Ипатьевскаго войска, были прекращены, такъ-какъ они,исто же земной пользы, приносили только предъ правительству, для занятія важнѣйшихъ должностей въ войскахъ, тѣль или старообрядцевъ, которые отличались честностью, способностями и беспредстрастіемъ въ отношеніи къ другимъ. Такъ, когда 5 января 1765 года учерь военной патруль Илья Меркуриевъ, Неплюевъ рекомендовалъ Военной Коллегіи на его место воинскаго старшину Андрея Бородина, причемъ письмо имѣло рапортъ: „во всемъ томъ войскѣ лучше Бородина, а за тѣль старшины Андрея Миронова и писара Суетина быть. Хомя и оны предурядчили раскололи христіану“

учиню, съединяя для съединения и подобострояния
столи и люди честны, а потому-то, только при по-
мощи ить, можно руководить войскомъ и времъ отъ
времени нынѣшняго до благочестия".

Отставши интересы Иоанноваго войска, Неплюевъ
старался постыдить на видъ правительству и высмеять
то важное значение, которое принадлежало Иоаннову
казакамъ изъ боевъ Россіи съ сѣверинами и внутрен-
ними прятками. Действительно Иоанново войско хотело
тако и тогда гордиться своими заслугами, охраняя
отъ степныхъ ордъ восточныхъ окраинъ Россіи и храбро
сражаясь изъ бояхъ за отечество. Начиная съ 1591 по
1717 годъ, или изъ теченіе только 125 лѣтъ, Иоанново
войско имѣло 24 похода, изъ которыхъ участвовало
изъ общей сложности болѣе 12000 челов., — Радѣлии
ограниченный periodъ времени и количество командиро-
ванныхъ изъ теченіе его казаковъ на число походовъ,
мы получаемъ изъ средней пилодѣй, что изъ каждый по-
ходъ приходится по 500 казаковъ или по 100 челов.-
къ ежегодно. Но бывали и такие тяжелыи времена,
когда Иоанновы казаки по несколько лѣтъ сидѣли, а иногда
и на одинъ году по два раза, должны были свар-
зять свои полки для защиты отечества. Особенно
часты и значительны по составу были командировки
изъ Иоанноваго войска при Петре Великомъ: изъ теченіе
17 лѣтъ войско имѣло одиннадцать походовъ, итъ со-
ставъ 8170 чел., кромъ походныхъ атамановъ. Наибо-
льше чувствительныи и достопамятнии были "Сагитъ"
(Шведскіе) походы и экспедиціи изъ Хивы князя Бело-
вича Чеслава въ агахъ казакій полкъ, командированный
съ Иак. подъ начальствомъ Матвія Рекуприя, противъ Швецовъ, находился на службѣ болѣе 17 лѣтъ.

среду, а въ 1600 Ипцыхъ казаковъ, бывшихъ въ отрядѣ Беконича Черкасскаго, почти все сложили свои головы т. Х и въ, считавшейся между казаками „желтой² до покоренія ее въ 1873 году, при участіи самыхъ же казаковъ. Не смотря на это, изъ той же году изъ Ипцкаго войска было командировано 1500 казаковъ, подъ начальствомъ адмирала Матюка Иванова, въ Укрainesкий походъ въ коміцу боярина Аракешина. Съ 1724 г. началась служба Ипцыхъ казаковъ на Кавказѣ въ Низовомъ куркустѣ, продолжавшаяся до 1774 г., куда войско должно было отправить отъ 400 до 1000 казаковъ. Не говоря уже о значительной потери людей, во время этихъ походовъ и службы, отмѣченныхъ командировками стояли Ипцкому войску и большихъ расходовъ, такъ-какъ казаки отбывали воинскую повинность издали на свой счетъ. Изъ члобитной Ипцкаго войска, поданной Императору Петру Великому 12 октября 1720 г., отъ числа 2600 казаковъ, видно, что расходы эти были немалы: Чигиринскіе походы въ 1681 и 1682 г. стоили Ипцкому войску 5647 р.; для Кримскія похода въ 1685 г.—6945 р.; Азовскіе походы 1695—1697 г.—8084 р.; четыре Шеведеніе похода 1701, 1703, 1704 и 1707 г. стоили 32695 руб.; походъ въ 1708 г. для усмирепія башкиръ—3876 р.; Кубанскій походъ въ 1711 г. потребовалъ 14126 р.; Харьковскій въ 1713 г.—22642 р.; походъ въ Хиву съ Беконичемъ Черкасскимъ стоилъ 25207 рублей и т. д. Такимъ образомъ Ипцкое войско только изъ теченье 87 лѣтъ, начиная съ 1681 по 1717 годъ, израсходовало на свои походы, во имя первої власти, 119221 рубль; раздѣливъ эту сумму на число занятыхъ лѣтъ, мы видимъ, что

Инициальное войско расходовало на свою винчину изысканно ежегодно выше 3222 рублей. Если принять при этом во внимание ценность тогдашнего рубля, превышавшую настолько боле чрез 1/3, то ежегодный расходъ Инициального войска на винчину только службу составить около 10000 рублей,—сумма не маленькая, особенно если мы примемъ изъ сображенія, что число Инициальныхъ казаковъ, такъ подтверждено перепись Захиррова, не превышало тогда 5722 чел., включая скота лѣтъ и отстанившихъ казаковъ, годныхъ же къ службѣ оказалось только 3196 чел. (1) и съ птицами. Присоедините къ этому расходы войска по внутренней службѣ, недолго по времени рыбѣ, составившей тогда единственный источникъ казачьихъ средствъ, угонъ скота соединеніи киргизовъ и калмыковъ, отсутствие въ Инициальномъ войске хлебопашства изъ то время; не забудьте и общихъ городскихъ расходовъ, простиравшихся иногда до 2000 р. въ годъ,—принимите все это въ расчетъ и выъ будете понятно, почему Инициальное войско никогда не выходило изъ неоплатныхъ долговъ, когда „плакую военную сарзузъ“ и почему оно такъ горячо полюбило къ воспѣю родной Инициа, называя его „зеленымъ доникомъ со серебряной кокрышечкой“: быть „Инициа—Городничимъ“ единѣли бы спаси Инициальному войску то, что оно перенесло, и окликать тѣ заслуги отечеству и боевые подвиги, которыми оно можетъ гордиться, несмотря на свои чистые преступы правительству и участіе въ Пугачевщинѣ. Ближайшее знакомство съ исторіей Инициального войска можетъ убѣдить въ томъ, что это было нечто въ самомъ дѣлѣ.

(1) Тогда за руль лошади бывало кушать лукъ и др. изысканныхъ вещей сколько, сколько теперь за 3 руб. съ калмыкомъ.

(2) Сравн. выше стр. 55.

дить каждого, что дорогой щѣной, — щѣной крови и многихъ казачьихъ головъ купило оно себѣ право на владѣніе рѣкою Иаксою; не бѣлъ основація и теперь животъ Уральскіе казаки!

„Круты берега, низки долушки
У нашего единаго Янушка
Костями блѣдны казачьи убѣжища,
Кровью зелену молодецкому упитаны,
Горючими слезами интересованныи.
Гдѣ кость лежитъ, — тамъ пихти стоять;
Гдѣ кровь лежитъ, — тамъ паша скапливайтъ;
Гдѣ слеза пала, — тамъ сиро стало”².

Въ родныхъ лукахъ этой пѣсни Уральскихъ казакъ не видимъ поэтическое, душевное выраженіе начального прошлого, историческаго перваго положенія оберегителей русскихъ границъ на постокѣ; пѣсня эта — прозаичный жалѣть предковъ потомкамъ.

Иа. Иа. Неплюевъ хорошо сочинять и понизить силу и значение Янушаго войска для Оренбургскаго края и вообще для Россіи, и потому постоянно старался отстаивать его интересы. При помощіи и содѣстствіи лучшихъ и юнѣйшихъ лицъ изъ среды самыхъ же казаковъ, онъ проводилъ свои преобразованія въ Янушое войско, которое мало-по-малу, тѣль сказать, незамѣтно всасывало изъ себя и постепенно выходило на лучшую дорогу изъ своего первоначальнаго состоянія. Но Военная Коллегія не торопилась присыпать къ Янушкому войску прохладу Неплюева во всей его полнотѣ и силѣ. Не смотря на то, Неплюевъ длительное время трудился надъ улучшеніемъ внутреннаго устройства и экономического состоянія Янушаго войска. Въ 1753 г., во время его пребыванія въ Петербургѣ, онъ былъ приглашенъ

тъ Военну Коллегію, где, при его личномъ содѣстствіи, былъ составленъ познай штатъ о нерегулярныхъ или казачьихъ войскахъ Оренбургской губерніи. Въ этомъ познай прошѣтъ опредѣлялось число казаковъ, ихъ сопорожніе, обознности и т. д. Военная Коллегія 17 мая 1753 года представила этотъ прошѣтъ въ Сенатъ, а 26 мая того же года въ сенатскомъ журнальѣ было записано, что „дущенъ бывъ Военной Коллегіи членъ, бригадиръ Суровъ (?) и подать отъ сей Коллегіи доношеніе, при которыихъ приложены штаты о нерегулярныхъ Оренбургской губерніи войскахъ и о Ицикоѣ войскеъ. Приказали сияя доношенія и штаты, привезъ, предложить къ слушанію сенату“. Прошло почти два года со времени представления этого прошѣтъ, а со стороны Сената не послѣдовало по нему никакого рѣшенія; поэтому Военная Коллегія 31 марта 1756 г. едѣлали новый и весьма пространный докладъ Сенату по тому же вопросу. Но Сенатъ почему-то и на этотъ разъ оставилъ докладъ Коллегіи безъ отвѣта. Наконецъ 19 апреля 1756 г. Военная Коллегія постановила: „по отъискѣ войска Ицикаго, отъ 29 ноября 1755 года, этому войску, до будущаго изъ учрежденной при Военной Коллегіи комиссіи обѣстѣть нерегулярныхъ войскахъ рѣшеній, остигтии изъ тѣхъ основніи, какъ пряде сное состояло, а изъ нарадата въ комісіонированіи быть изъ коллегіи этаа фундаментальнѣя шайка состояніи Неплюевъ, какъ и думыть было“. Такъ кончились всѣ благія пожеланія Неплюева, стимулительно внутреннаго преустройства Ицикаго войска, изъ темъ, конечно, не его никакъ: онъ едѣлъ все, что могъ. Благодари ему, Ицикое войско осталось на склонѣ

родной земль и получило изъ свое безраздельное владѣніе всемъ, изобилующемъ рыбой, которымъ пользуется и до сихъ поръ все населеніе Града, на про-
тяжении почти 600 верстъ, и съверный участокъ Ка-
сийскаго моря, болы чистъ по сю версту отъ дани, —
принадлежатъ Уральскому казачьму войску, для ко-
тораго рыболовство имѣть такое же важное значеніе
какъ жизнь, какое для крестьянка хлѣбопашество, —
пусть же память о Нешлюсѣ никогда не умреть среди
съзерѣй р. Уралъ! — На. Ив. Нешлюсъ, вполнѣ заслу-
жившъ право на то, чтобы благодарная память о немъ
въ Уральскомъ войску переходила изъ поколенія въ по-
коленіе, отъ отцѣвъ къ дѣтикамъ и отъ стариковъ
къ внукамъ.

VII.

Составъ и внутреннее состояніе Уфимской провинціи до Но-
шлюса и при немъ. — Число жителей изъ Уфимской провин-
ціи. — Характеръ отиницъ Нешлюса и башкирцевъ. —
Языкъ и другія нравытии инородцевъ. — Обложкіе татаръ и башкиръ 80 коп. подать въ пошлины къ казацкому. —
Называніе инородцевъ. — Костромская провинція, ее границы,
природа, климатъ и составъ. — Ижородческое населеніе Исток-
ской провинціи по сравненію съ Уфимской провинціей. —
Задачи Истокской провинціи русскимъ и возникновеніе рус-
ской свободы, сознъ и деревни. — Границы иного уравненія
Истокской провинціи и преодоленіе почтоваго тракта между
Оренбургомъ и Транской крѣпостью. — Заботы Нешлюса
о улучшении экономического быта крестьянъ Истокской
провинціи и о заселеніи края русскими.

Познакомимся теперь въ общихъ чертахъ съ исто-
рией Уфимской и Истокской провинцій, которая
также входили при Нешлюсе въ составъ Оренбург-
ской губерніи и надѣ употреблялись которыхъ немало
потрудился этотъ захѣтельный человѣкъ.

Уфимская провинция состояла первоначально изъ городовъ Симари, Уфи, Бирека, Мензелинска, Записка, Оси, Табынска и села Каракулина (Башкской губ.). Съ построениемъ Уфи, башкиры были разделены на четыре главныя части, наклонявшиеся къ дорогамъ: жившіе ближе къ Казани составляли Казанскую дорогу, ближе къ Сибири — Сибирскую, къ Ось — Осюскую, а обитавшіе по съѣздамъ съ киргизскими степями — Ногайскую. Каждая дорога заключала въ себѣ множество постостей, изъ состава которыхъ входило избыточное число большакъ родоевъ, состоявшихъ въ свою очередь изъ меньшихъ, или айвахъ. Башкиры, оказавшіе себѣ послуги правительству, получали звание тархановъ и овобождались отъ ясака или подати. Уфа, со временемъ своего основания (1574—1586 г.), управлялась особыми посыпами, которые находились въ вѣдѣния Приказа Казанского Дворца. Уфимский посадъ былъ подчиненъ и весь Уфимскому уѣзду, включавшему въ себѣ всю южную Уфимскую губернию, большую часть Верхнеуральскаго, Троицкаго и Челябинскаго уѣздовъ, Оренбургской губерніи, а также Осинскій уѣздъ Пермской губерніи. Въ 1708 г. Уфимское посадство было присоединено къ Казанской губерніи, какъ подг҃оджетственная ей провинция, а тѣ Уфѣ тогда же, вместе съ водской капитуларіи, были учреждены Уфимская провинцияльная капитуларія, хотя управление ею, по-прежнему, оставалось еще въ рукахъ посада. Спустя 20 лѣтъ послѣ этого, при Императорѣ Петре II, Уфимская провинция, за исключениемъ Мензелинска, была избита изъ вѣдомства Казанского губернатора и поручена управлению особыго посыпа, подчиненного непосредственно Сенату и снабженного даже

прахотории привилегий губернаторской власти. Претендентом на престол Императрица Елизавета Петровна. Уфимская провинция была избрана, вытеснив из города, управлению особого генерал-губернатора из личного бригадира Петра Дмитриевича Александрова; но Александров не оправдал доверия къ нему правительства: из своих злоупотреблений по службе Наплоевъ предать его суду и назначить надъ него сгдѣстие; самая должность генерал-губернатора въ Уфе была упразднена, по указу 15 марта 1744 г., и управление Уфимской провинцией было снова поручено восседать Наплоеву, удалить Александрова, временно поручить управление Уфимской провинцией полковнику Люткину, производившему и самое сгдѣстие надъ Александровымъ при содѣстствии генерала фонть-Штокмана. Такимъ образомъ Люткинъ началъ себѣ снова рядъ уфимскихъ воеводъ, которые въ 1782 г. были избраны именитиками. Духовное правление въ Уфимской провинции было подтверждено именемъ имп. пережившимъ. Сначала духовенство и церкви Уфимской провинции находились въ юрисдикции Казанской епархіи и управлялись поповскими старостами (благочинными). Въ 1666 г. изъ Московского Собора было постановлено послать въ Уфу епископа клиническаго митрополита съ тѣмъ, чтобы онъ поселился на жительство въ уфимскомъ мужскомъ монастырѣ, но это постановление Собора почему-то не было тогда приведено въ исполнение. Въ 1721 г. было учреждено Уфимское Духовное правление, которое изначально состояло изъ настоятелей уфимского мужского монастыря, а потомъ, по упраздненію его, соборные протоиереи, состоявшіе изъ тѣдомѣстъ клиническихъ архиепископій до 1761 г., когда Уфимское Духовное правление было подчинено Витской епархіи. Спустя

26 лѣта, именно въ 1790 г., Уфимская провинція, называвшись тогда уже и а з ф т и ч е с т в о мъ, была присоединена сномъ къ Казанской епархіи, отъ которой и оставалась до открытия, по волѣ Императора Павла Петровича, Оренбургской епархіи въ 1799 году, разделенной потомъ (въ 1860 г.) на дѣл епархіи: Оренбургскую и Уфимскую.

Дѣятельность Неплюева, по отношенію къ обнізъ провинціямъ, выражалась въ устроястѣи должнаго порядка въ ихъ управлѣніи и въ прекращеніи новыхъ поселеній на порожнія земли. Много времени потрудился Неплюевъ надъ устроястѣемъ этихъ провинцій, такъ болѣе, что Аксаковъ упомянулъ у себя въ сокрѣтныхъ бумагахъ, въ многія дѣла скрыть.

Чтобы определить составъ и число населенія Уфимской провинціи, пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ этой дѣлѣ къ местнымъ дворянамъ, чиновникамъ, башкирскимъ и другимъ инородческимъ старшинамъ. Изъ сїдѣній, собранныхъ Люткинымъ, оказалось, что изъ состава Уфимской провинціи при Аксаковѣ входили слѣдующіе города и пригорода: Уфа, Мензелинскъ, Бирскъ, Завинскъ, Оса, и крѣпости: Нагайбацкая, Табинская, Ельцовская и Красноуфимская; сель и деревень было насчи-тыво 324, а число жителей всей провинціи, включая сюда и войска, разнжалось 412080 д.; изъ тойъ числѣ инородцевъ было 336896 душъ и 75185 русскихъ. Сравненіе русское населеніе Уфимской провинціи съ инородческимъ, мы видимъ, что послѣднее почти въ шесть разъ превышало первое. Люткинъ также упомянулъ, что всѣхъ «боронъ» за 1744 г. изъ доходъ казны должно было поступить 17042 р. 36/, т. е., по дѣйствительности же ихъ поступило лишь 9654 р. 97/, коп., т. е., не доставало 8387 р. 98/, коп.

Сознавая, что внутреннее упрочление башкиръ и другихъ инородцевъ требуетъ существенныхъ переменъ, Неплюевъ предстаетъ въ Сенатъ обстоятельный и весьма обширный докладъ объ отношеніи правительства къ башкирамъ и разныхъ сходцамъ, поселившимся на ихъ земляхъ. Но остановливаясь на подробностяхъ этого доклада, укажемъ только на ту общую и громадную разницу, какая замѣчается въ отношеніяхъ къ башкирамъ Неплюева и его предшественниковъ. Въ то время, какъ Кирilloвъ, Урусовъ и Соймоновъ действовали, такъ сказать, огнемъ и мечомъ, жестоко наказывая неисордныхъ башкиръ, — Неплюевъ, напротивъ, обращается къ болѣе мирнымъ средствамъ воздействія на башкиръ, стараясь возбудить въ нихъ чувство добродѣлности и уваженія къ русскимъ законамъ и власти. Онъ отстиниваетъ правильныхъ башкиръ, собирая ленъ стъ принадлежащихъ имъ земель, взятыхъ подъ строеніе Ермостей или занятыхъ русскими поселенцами края. Въ то же время Неплюевъ, занимая землемѣрческія и личныя пращи башкиръ, стремится и къ тому, чтобы уравнять статусъность русскихъ и башкиръ, предъ закономъ. Всѣдѣствіе бывшихъ раньше башкирскихъ бунтовъ, сопровождалася разореніемъ всего края, въкоторые изъ башкиръ подожгли по пыти никакой возможности профогнитъ своихъ дѣтей, и были вынуждены продавать изъ русскихъ, чтобы только не падѣть своихъ дѣтей унѣращими съ голову. Такая продажа башкирскихъ дѣтей была дозволена еще предшественниками Неплюева и подтверждена указами; но случилось, что иногда башкирскія дѣти дѣлались жертвами Голодъ и холода, тѣсть-кѣль не всегда и не для всѣхъ оказались сравнимо счастливый хребетъ.

быть проданными иль родителями кому-либо из состоятельныхъ русскихъ поселенческаго края. Особоченныи участью такихъ несчастныхъ дѣтей, Неплюевъ воспользовался ить положеніемъ для обращенія въ христианство „понеже не безънадѣѧ (лишь онъ въ Колледжъ Иностранныхъ Дѣтей), что живою башкиршу въ такомъ бѣдномъ состояніи, что, когда не имѣютъ случая дѣтей своихъ продавать и въ честь пивестъ для продажи, отъ голоду, а наче въ зимнее время, дѣти помираютъ, а чрезъ продажу такихъ христианскаиѣ дѣтей въ проповѣданий христіанскій законъ приводимъ будутъ: того ради онную продажу и покупку башкирскихъ дѣтей не только парализирющиъ людемъ исключить съ запискою и надлежащими въ городахъ учрѣженіемъ, какъ то прежде уже чинено; но представить тѣ Правительствующей Сенатъ къ высокому рассмотрѣнию, не повелѣніе будеть такихъ дѣтей покупать или въ извѣніи пропасти жить и крести, употреблять мужескъ полъ въ школы, какъ солдатскіхъ дѣтей, иль которыхъ по возрасту употреблять въ военную службу или въ другии дѣлами, ито въ чому пригодится, ить чего именемъ поданъ интереснаго предвидѣтъ, въ дѣло, коморы же казенныхъ денегъ кумеды или же казиной промысловъ вымѣнены будутъ, отнять парализирющиъ людемъ, итоожеизвестъ, что за нихъ иль имена изъ покупателей содержания издерговано². Неплюевъ обратилъ должное вниманіе и на продажу башкирскихъ земель, распорядившись, чтобы продажа ить совершилась исключительно въ Уфимской или Исетской провинціальнахъ киноквартирахъ „съ надлежащими осмотрѣніями“. Но оберегъ интересы башкиръ. Неплюевъ хорошо сознавалъ, что съ ними необходимо быть крайне осторожными;

поэтому она подчинила действию башкирских старшинъ надзоръ „руссихъ добрыхъ людей“, подъ страхомъ смертной казни для послѣднихъ изъ передвижн. Ни одинъ башкирецъ не могъ отлучиться изъ своего жѣстокительства безъ паспорта отъ воеводы старшины или изъ промышленной кинчеприи, если только она желалаъ выѣхать куда-либо за предѣлы Башкирии. Составъ пограничныхъ военныхъ силъ и число крѣпостей были увеличены; надзоръ за муллами и абирами усиленъ; башкирскіе старшины были даны инструкціи, подъ угрозою „исчлененія“ за ихъ неисполненіе. Сошлись, что въ отношеніи къ башкирцамъ осторожность и готовность къ подавленію всегда возможнаго между ними вытекли необходимости. Неплюсъ не пренебрегалъ угрозою таинъ, где оказывались недѣствительными убийства, кротость и ласка, впрочемъ, жестокость всегда была чужда Неплюсу; напротивъ, если было возможно, она старалась о таинъ, чтобы съ башкирцами обращались „утилѣнно и сараведливо, не причиняя ить ни жалѣшихъ обидъ“.

Башкирія издавна привлекала къ себѣ многихъ своими природными богатствами. Особенно часты и значительны были по своему состоянию переселенія въ Башкирию инородцевъ изъ Казанской губерніи; отсюда уходилиъ Оренбургскій край: мордвы, чуваши, черемисы, воткинцы и татары изъ лесныхъ селищъ и деревень. Собственно инородское населеніе Башкирия состояло изъ башкирцевъ и мещерахъ, или первоначальныхъ поселенцевъ края, и тентярей и бобылей, или поадѣвшихъ пришельцевъ изъ Башкирии, которые со-ставляли такъ-бы рода крѣпостныхъ по отношенію къ башкирцамъ; что касается мещерахъ, то некоторые изъ нихъ имѣли землю на правахъ полной соб-

ственности, большинство же арендовало землю у прародившихъ башкирцевъ. Когда, вслѣдствіе башкирскаго бунта, правительство усыпало 11 февраля 1736 года нарушено право земельной собственности башкирцевъ въ пользу безземельныхъ; то число новыхъ приселенцевъ въ Башкирию быстро увеличилось; по первой ревизии Толстякъ и бѣбильдѣй въ Башкирии числилось 11294 души, по второй же ревизіи ихъ оказалось уже 29820 душъ, т. е., больше противъ прежнаго, на 18526 душъ. Стараньемъ восстановить склофестіе и утвердить порядокъ въ Башкирии, Неплюевъ обратилъ внимание и на государственные поминности различныхъ иностранныхъ племенъ, населявшихъ Оренбургской край. Всѣ ясачные башкиры, которыхъ въ 1745 году оказалось 8396 дворовъ, обязаны были ежегодно платить ясакъ въ количествѣ 2054 р. 78 коп., причемъ на каждый дворъ, состоящий обыкновенно изъ несколькиихъ семействъ, приходилось не болѣе 25 коп. Кроме того, ясачные башкиры каждое лѣто должны были наряжать на службу со всѣхъ дворовъ по 1049 чел. и давать чиновникамъ, проѣзжающимъ внутрь Башкирии, подводы по подорожнику безъ промежука. Тарханы (1), которыхъ считалось 1431 дворъ, ясака не платили, но ежегодно наряжали на службу по 280 чел. Мещериковъ было 1511 дворовъ; они наравнѣ съ башкирами должны были отправлять службу, снаряжая каждое лѣто въ полнѣйшіе форпости по 191 чел. во за разореніе и убытки, понесенные ими во время башкирскихъ вылазокъ, они были освобождены отъ ясака, предвидимъ же имъ у башкиръ земли были отданы въ собственность. Толстякъ и бѣбильдѣй до по-

(1) Тарханы назывались башкирами, носившими особенные заслуги правительству въ составленіи вѣтка средь между виновныхъ и невиновныхъ башкирцевъ. Онъ имѣлъ и земельную собственность.

речено числилось 6655 дворов; они еще во время первой ревизии были заявлены въ подушный окладъ, но Сенатъ, вслѣдствіе ихъ просьбы, замѣнилъ въ 1722 году подушную подать прежнюю асанью на размѣръ 49 к. съ двери, сколько бы по дѣрѣ дупть не было, а именно: 40 коп. платили они за кунину (суниновый сборъ), 4 коп. подмынки (за дыны, трубы) и 5 коп. на выкупъ пластины (лаской сборъ), при чёмъ бѣдные, имена подмынки и ласкы дешевы, могли платить за кунину, нечесто 40 коп., по 20 и даже по 15 коп. съ двери, такъ-что размѣръ ихъ асаны въ общей сложности не превышалъ 29 коп. и быть не можетъ 24 коп. съ каждого такого дверя. Кроме того, тентары и бобилы также должны были каждое лѣто нарижать на работы къ крѣпостямъ по 707 чал.—Неплюевъ въ 1745 году представилъ особое мѣтие въ Сенатъ, что онъ считаетъ подуманный обложить всѣхъ тентарей и бобилей податью по 80 коп. съ души въ годъ; но при этомъ просилъ Сенатъ о сложеніи никонианской за шахъ недоимки за прежние годы въ количествѣ 33765 руб. 25 1/2 коп. Относительно же разнотекой поименности между тентарами и бобилами, Неплюевъ былъ того мнѣнія, что введение ей среди нихъ неудобно, а что лучше замѣнить ее нарядами по одному человѣку съ каждыхъ пяти дворовъ на службу въ Оренбургъ и на работы въ полипицкую крѣпость. Прягтокъ Неплюевъ ходатайствовалъ предъ Сенатомъ, чтобы земли, на которыхъ жили тентары и бобилы изъ-образа, были отданы имъ въ собственность. Сенатъ 11 мая 1747 года утвердилъ мнѣніе Неплюева, поручивъ ему же произвести и новый сборъ съ тентарей и бобилей по 80 коп. съ души. Введение этой подати не обошлось безъ волненій среди тентарей и бобилей; во Неплюевъ вѣ-время

принять поддажи и мѣры къ подавлению мятежа и до общаго восстания не допустить. Главными виновниками возмущенія оказались по-прежншеству татары: изъ 34 воюющихъ, руководившихъ недовольныхъ, татарь было 18 чл., мешерахъ 8, потакъ 5 и черемисъ 3; особенно же старалась раздуть мятежъ: татаринъ Морсей Луржешевъ, мешеринъ Абдула Сюлтевъ, потакъ Сабанъ Уразевъ и Сенкъ Сакеневъ и черемисъ Нурикъ Борисовъ. Въ маѣ 1748 года изъ Уфы были пронесены возмуща виновны: пущихъ заподлицо, на страхъ другихъ, „из-подъ“ наказали кнутомъ и сослали на вѣчную работу въ Рогервикъ, другихъ—на определенный срокъ, а менѣе виновныхъ, по наказанію кнутомъ, отдали старшинамъ на поруки. Вѣрные башкирскіе и мешеряцкіе старшины, изъ чиагъ двести человѣкъ, были награждены саблями. Неплюевъ, стараясь прекратить возмущеніе татарей и бѣгадей изъ симъ началь, опасавшись больше всего башкиръ, которые могли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы снова возстать противъ русскихъ: окажи только башкиры свою помощь недовольнымъ, и тогда вселеніе могло бы превратиться въ общий инородческий мятежъ съ родноконными характеромъ за игру Матюшета, тѣмъ болѣе, что главныи руководителемъ недовольныхъ, какъ обнаружилось на слѣдствіи, былъ, по-прежншеству, татары и мешерахи, которые по изрѣспонденцію и языку тѣ же налогостаны. Сознавъ это, Неплюевъ и старался привлечь на сторону правительства башкирскіхъ и Тебѣтирскихъ старшинъ, предложивъ имъ „из-подъ руки“ принять участіе въ подавлении мятежа и ходатайству о награжденіи ихъ саблями. Такова была

въ обширѣ чортазъ исторія Уфимской провинціи, подъ устройствомъ которой немало потрудился Неплюевъ; появившимся теперь краткѣ съ Исетской провинціей и съ акропріатіемъ по отношенію къ ней Неплюевъ.

Исетская провинція получила свое название отъ р. Исети, протекающей изъ Исетского озера и впадающей въ Тоболъ, близъ деревни Ставшевої, берегъ на севѣрѣ выше Ялуторовска. Начинаясь на югѣ отъ верховьевъ р. Ишки и киргизскихъ степей, Исетская провинція на севѣрѣ соединилась съ Екатеринбургскимъ вѣдомствомъ, съ Тюменскими и Краснослободскими уѣздами; на западѣ къ ней примыкала Уфимская провинція, а на востокѣ — Ялуторовский уѣздъ. Простираясь на 300 верстъ въ длину, Исетская провинція считалась самой плодородной частью этого края. При первоначальномъ присоединеніи къ Оренбургской губерніи провинцій Исетской и Уфимской писали въ паду и то, что она, какъ хлѣбородная, могла служить житницей для новозаселенныхъ вѣтностей. Земледѣльцы засыпраждались здесь «деслано» за свои труда; стали болѣе разнѣ, пшеницу, ячмень и овесъ, во земледѣлѣ занимались немногіе: десятки тысячъ десятинъ прекрасной земли оставались пашнями. Исетская провинція, брошенная р. Исетью и ее притоками Миасомъ и Течой, предоставила большую удобства для воспроизведенія по качеству воды и обилию изъ рыбьи: пурпурные рѣбы стояли здесь тогда отъ 25 до 35 коп. ассигнац. Въ озерахъ ловили красей и чебаковъ, а изъ Исети и Миаса — нельму, изъ полулу же воду плавали и таймень. Природа этой страны была удобна для садоводства и скотоводства, а обширныя степи съ изъ солончаками благопріятствовали размноженію птицъ тепловой и болотной.

жению и содержанию въ большомъ количествѣ перебиралъ. Звероловы охотились здѣсь на куницу, лисицу, полковъ, корсаковъ, юдру, бобровъ, горностаевъ и бѣлокъ; лѣтомъ занимались охотничьей охотой на разныя передвижнѣя птицы, а зимой страдали тетеревами и бѣлыхъ куропатками. По климату Иосетскую провинцію можно было разделить на дѣй главныхъ частей: горная съчастье, лежащая въ северо-западномъ углу Мисса, отличалась здоровымъ климатомъ: многіе деревни здѣсь имѣли лавки; напротивъ, юго-восточная часть провинціи, тѣмъ много болотъ и стоячихъ озеръ, была неблагоприятна для здоровья ея обитателей, отравленная часто лихорадками, чумагой и воспаленіемъ глазъ.

Вначалѣ Иосетская провинція состояла изъ трехъ дистриктовъ (уездовъ): Иосетскаго, Шидрицкаго и Оджуенскаго, которые, по Высочайшей волѣ, были присоединены къ ней отъ Сибири, въ 1756 г. и состоять ея вошли еще Куртлюмской и Узбекской уезды, образованной постепенно изъ жителей первыхъ трехъ уездовъ. Населеніе Иосетской провинціи состояло изъ русскихъ и инородцевъ; по инородческое населеніе Иосетской провинціи было несмѣшно изъ 47, разнъ инородческаго населения. Уфимской провинціи изъ первой считалось 19722 души башкиръ и 1633 д. чешераковъ, а во второй 86384 д. башкиръ и 13834 д. чешераковъ. Кроме башкиръ и чешераковъ, въ Иосетской провинціи было 419 душъ Иткаинскихъ и 196 душъ Багарякскихъ татаръ, 32 двора калмыковъ и 31 двора сарыевъ. Русские наслѣдники селились въ этой провинціи; первыми поселенцами ея были Иосетскіе казаки, находившіеся въ отрядѣ Ермака, завоевателя Сибири, слуги котораго, по

поглотили и толпы Иртыши: *Россія*, *Ненокса* и *Пур*—*хасан* *Енисею* *вътную* *полемъ*¹⁾. Поселения начали приывать при устьѣ р. Исети, кипаки постепенно стали подниматься въверхъ по рѣкѣ и съ большими прыжками съ правой стороны: *Милосу*, *Варнавскъ* и *Течъ*. Но тѣхъ было мало, чтобы выдергать изъ съединенныхъ хищниковъ; поэтому итогорѣе изъ нихъ отирались на Русь и стали набирать крестьянъ, заманивая ихъ изъ дальнѣй краевъ общинами разныхъ льготъ и природными богатствами Исетской провинціи. Наихъ здѣсь открылись *Добровъ*, *Довъ* и крестьянство внутренней Россіи, которое устремились сюда тысячами. Во второй половинѣ XVII вѣка здесь возникаютъ следующія поселенія: въ 1650 г. *Исетскій* и *Колчеданскій* острогъ^(*); въ 1657 г.—*Катайскій*; въ 1660 г.—*Мехонскій*; въ 1662 г.—*Шадринскій*; въ 1666 г.—*Бешкильская* слобода; въ 1668 г.—*Терсъянская* слобода и *Масленскій* острогъ; въ 1676 г.—слободы *Ингалинская* и *Варнавская*, а также *Окуневскій* острогъ; въ 1676—1686 г. слободы: *Будкинская*, *Камышевская*^(*), *Крутыхинская*, *Мурзинская*, *Пестанская*, *Тамкульская* и *Точенская*, и прѣвости: *Милоская* и *Чумлякская*. Заселенію Исетской провинціи не мало содѣйствовали и рано появившіеся здѣсь монастыри, дреантѣишилье которыхъ считаются *Далматовъ* монастырь, построенный въ 1644 г. съ благословеніемъ Герасима (Кременя), архитекторомъ тобольского и сибирского, скончавшагося 16 июля 1650 г.

¹⁾ Терминъ языческій.

^(*) Камышевъ, такъ тѣхн. городъ Пермской губерніи.

Главное управление Исетской провинции находилось первоначально въ Шадринске^(*), потохъ на некоторое время было переведено въ Чебаркульскую крѣпость, затѣмъ въ Тюменскую слободу, а съ 1743 г. главнымъ иѣстомъ управления Исетской провинціи, по желанію Неплюева, сдѣлалось Челябинская крѣпость, переименованная въ 1787 г. въ городъ Челябинскъ. Крѣпость эта была основана въ 1736 г. изъ иѣстѣ башкирской деревни Челябъ. Первоначальное устрошеніе Челябинской крѣпости состояло изъ небольшаго деревяннаго замка съ двумя башнями. Неплюевъ, избрать эту крѣпость, гдѣлиши иѣстомъ управления Исетской провинціи, приказалъ обители ей всю, но обѣихъ сторонахъ р. Миссы, валить, залотить, рогатками и надолбами и вѣлько построить три башни съ пробками воротами. До 1743 г. въ Челябинской крѣпости была только одна деревянная церковь, во имя Св. и Чудотворца Николая, а потохъ, съ перенесеніемъ сюда Исетской провинциальной капелларіи, была построена, благодаря заботамъ Неплюева, и другая каменная церковь о трехъ престолахъ, изъ коихъ главный былъ во честь Рождества Христова, а прадѣлы — во имя Св. Евангелиста Иоанна Богослова и Св. и Чудотворца Николая. Въ Челябинскѣ было также учреждено и Духовное управление, состоявшее изъ юдомистѣ тобольскихъ архиереевъ. Между Оренбургомъ, Челябинскомъ и Троицкой крѣпостю, по распоряженію Неплюева, былъ утѣжденъ почтовый трактъ на протяженіи почти 700 верстъ. Почта изъ Оренбурга въ Исетскую провинцію отправлялась ежегодно въ зимнее время, опредѣленное магистратомъ отъ 15 дн. до 25 дн. января.

(*) Извѣстныи городъ Верхней губерніи.

днено и та же Ворханская и Уфская крѣпости чрезъ Челябинскъ до Троицкой крѣпости; на этомъ тракту были задѣны особы постома станицы и всѣмъко избраны; расстояніе между станціями было отъ 11 до 44 версты.

Недостатокъ много сдѣлалъ поденаго и для экономического улучшения крестьянъ Исетской пропинки. До 1743 г. все государственные крестьяне этой пропинки платили въ казну по 70 ден. съ души и бывшимъ общинамъ отбывать казенную десятинную вину, поступали притомъ съ каждого двора по десятинахъ ржи и столько же овса. Такой способъ отбываній казенной винности, не приносилъ особыхъ выгодъ казни, не избавлялъ и самимъ крестьянамъ, такъ-какъ въ проходило терпѣть много несправедливостей отъ посвѣдъ и разныхъ чиновниковъ, когда посвѣдъ производили казенный десятинный сборъ. хлѣба и наражали крестьянъ на казенную расплату земли. Неплохой, сознайтъ эти измѣненія неудобы для плательщиковъ и казны, отняли казенную расплату земли и обложили крестьянъ оброчными прописками: крестьяне ежегодно должны были доставлять по три четверти и по шести четверткамъ ржи и столько же овса съ каждого двора, причемъ степень урожая не расматривалась. Этотъ сборъ хлѣба долженъ быть производиться по установленно сажень крестьянъ и притомъ не съ душъ, а съ таги, въ каждой тагѣ различенъ приблизительно 13.707 четвертей и 7 четверткамъ раза и такому же количеству овса. Каждый крестьянинъ обязанъ бѣльгично доставлять свой пий изъ зарочно устроенные для того магазины, когда же нужно было доставить произвѣтъ изъ дальнейшихъ крѣпости, то крестьяне полу-

чали за то особую плату. Благодаря также ходатайству Неплюева, крестьяне Исетской провинціи въ 1745 г. были ограбождены отъ поставки рекрутъ и сбора лошадей. Желая доставить населению этой провинціи болѣе средствъ къ жизни и бездоиничному платежу воини-стей, Неплюевъ позволилъ крестьянамъ переселиться съ старыхъ участковъ на новые въ предѣлахъ той же провинціи. Въздѣтіе этого, образовались слѣдующія новыя слободы: въ 1745 г.—Куртамышская и Нижне-Увельская, въ 1747 г.—Таловская, въ 1749 г.—Каменская, въ 1751 г.—Верхне-Увельская и въ 1758 г.—Кудравинская. Всѣ поименованныя слободы, для безопасности отъ караизонъ и калмыковъ, были обнесены валами и рогатками для религиозныхъ потребностей, и каждая слобода имѣла построена церкви; число дворъ по всѣмъ шести слободамъ равнялось въ это время 582 съ населениемъ изъ 4458 душъ крестьянъ. Изъ первыхъ трехъ слободъ, которыхъ до 1756 г. находились въ вѣдомствѣ Оренбургскаго дистрикта, и образовался потѣхъ отдѣльный дистриктъ, или уездъ, назанный по имени первой изъ поименованныхъ слободъ—Куртамышскимъ; къ этому уезду были причислены два села и двадцать приписаныхъ къ слободамъ деревень. Остальныи три слободы: Кудравинская, Верхне-Увельская и Нижне-Увельская, составили особый Увельский дистриктъ, находившійся въ вѣдомствѣ Исетской провинциальной канцеляріи и не имѣший особыго управления, вслѣдствіе близости его къ Челябинску.

Странь заѣхать пустыя пространства Оренбургскаго края, Неплюевъ обратилъ особенное вниманіе

из Уфимскую и Исетскую провинции, такъ-самъ населеніе этихъ провинцій состояло по-преимуществу изъ инородцевъ; слѣдовательно, здесь болѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ, было необходимо усилѣніе русскаго клина. Неплюевъ принималъ на посланіе и претерпѣвшихъ публичное наказаніе плетьми, и приговоренныхъ по суду тѣ «сыны», и возвращенныхъ изъ категоріи съ рѣшими ноздрями, исполненныхъ родства и незаконнорожденныхъ, отставныхъ солдатъ и другихъ «ходячихъ» — словою, всѣ, которыхъ по чому-либо было тяжело изъ прежнихъ краяхъ ихъ жительствъ, находили приютъ и замѣту у Неплюева, который, безъ сомнѣнія, хорошо понималъ то безвыходное положеніе, въ какое были поставлены многіе изъ крестьянъ условиями ихъ быта; онъ подѣлалъ, что изъ этихъ бездомныхъ скитающихся можно соудить современность трудолюбивой части обѣлаго населения изъ Оренбургской краѣ, гдѣ требовалось десатки тысячъ рабочихъ рукъ и, чтобы подтверждать с每一天, подежды Неплюева не были напрасны. Чрезъ этихъ благородъ, непомнившихъ родства, и осиротившихъ заселялись пустынорусскія земли Оренбургскаго края; они же производили работы на изобоахъ и обороняли крѣпости отъ стенихъ ордъ. Благодаря заботливости и трудолюбию Неплюева, въ среду коренного башкирского населения проникла и здоровая русская сила; наведенья были посыпаны строгой порошокъ; подвѣрема спокойстіе и безопасность изъ этого края. На долю Неплюева также выпало и устройство бата Ставропольской крѣпости калмыкъ, къ разенку о которой теперь и перейдетъ. На это же самое время, наконецъ, опадутъ изъ-подъ ногъ кирасиръ заключенные, а вслѣдъ за ними опадутъ изъ-подъ ногъ казаки. Ильинъ начальникъ

VIII.

Калмыки и первою же изъ Россіи. — Начало распространения христианства среди калмыковъ въ средніе Вокондай-Дорды, земли таг. Азии. — Отдаленіе крещенія калмыковъ отъ покрещенія и построеніе Ставрополя на Волгѣ. — Шадринскіе крещенія калмыковъ Иоанну и его заботы объ устроеніи изъ быта и гуравасія. — Крещеніе калмыцкаго владыцы Чедыма Дорбетомъ и другими патриархами калмыковъ. — Иаковъ Лаврентьевъ и протоіерей Чубаковъ. — Общественные церкви, торгоуды и проходы калмыковъ. — Калмыцкій судъ, его составъ и обязанности. — Постановленіе Иоанна Ставрополя и результаты его избраний. — Переезды калмыковъ изъ Оренбурга въ обращеніе изъ языка. — Благотворительность Каты.

Русскіе изъ первыхъ разъ учили калмыковъ вскорѣ по завоеванію Сибири Ермакомъ, такъ какъ калмыки были постоянными союзниками дѣтей и наукъ Кучумы. Появленіе калмыковъ въ верхней части Ишима и Тобола непремѣнно сибирскихъ воиновъ; начались воинные сношения между ними и талиандыемъ хана Сюурлукомъ. Съ конца XVI ст. калмыки стали появляться не только въ сибирскихъ городкахъ, засвѣдненныхъ русскими, но и въ Уфтѣ и, любя подарки, подбѣдали русскимъ властимъ своимъ просьбами о привозденіи. Правительство, узнавъ о злородствѣ калмыковъ, запретило пропускать изъ Москви. Калмыки озабочены: начались изъ опустошительныхъ набѣговъ на русскихъ подданныхъ, во послѣ одной неудачной осады Тари ханъ Сюурлукъ, съ поѣздомъ стояніи синомами, перекочевавъ изъ 1630 г. чрезъ р. Иникъ въ притоки степи. Все пространство между Волгой, Башкирией и Ичикъ и по р. Эйбъ перешло въ власть Хоррука. Но сношения вынуждали въ Россію калмыковъ съ оставшимися въ Азии не прекраща-

лись иъ послѣ этого. Мъсто Хутрука занять его сынъ Шукръ-Дайчинъ, а Рыпъ-Пекъ, находившееся теперь въ предѣлахъ Бугорской орды, были избраны ханомъ для Ханской Стаки. По смерти Дайчина сдѣлался ханомъ его сынъ Нуинуа, передавший потомъ свою власть старшему сыну Аюку. Московское правительство предоставило калмыкамъ право внутреннаго самоуправления по ихъ законамъ, но съ условіемъ, чтобы они не грабили астраханскихъ татаръ, не жгли русскихъ деревень и не споспѣшились съ царскимъ изгнаниемъ; калмыки клевались, но постоянно нарушили свою клятву. Личное сидѣніе Петра Великаго съ ханомъ Аюко, близъ Саратова, въ 1722 году окончило дружбу нѣродомившаго калмыкскаго хана съ русскимъ императоромъ. Со смертью Аюки, послѣдовавшей 19 февраля 1724 г., на 77 г. его жизни, среди калмыковъ начались междуусобія изъ-за власти. Выбѣго Аюки былъ избранъ изъ ханы его сынъ Черепъ-Дондукъ, который оказался безхарактернымъ и слабымъ человѣкомъ. Въ царствованіе Екатерины I и Петра II, калмыки особенно много нападали предъ жителями приволжскаго края: въ пять или шесть лѣтъ они отговаривали болѣе 2000 головъ лошадей и рогатого скота, разграбили ткацкую, платную и денежную изъ 34444 р., многихъ избили, а другихъ убили. Въ царствованіе Анны Іоанновны правительство долго боролось съ внукомъ Аюки, Дондукъ-Омбо, доносящимъ ханскаго земляка, который покончилъ и былъ избранъ калмыками ханомъ. Не смотря на различные препятствія со стороны калмыкскаго ханства, христианство очень рано стало распространяться среди калмыковъ. Въ 1700 г. на рекѣ Терещкѣ, находящейся въ Волгу, нынѣшне Саратовъ,

существовало уже сеюое селение, попокрещанное кальмакомъ, разграбленное потомъ Люксомъ. Особенное драматическое содѣйствіе окажало обращенію кальмаковъ привославіе Архангел Петродичъ Водолѣскій, бывшій при Петре I Великомъ астраханскимъ губернаторомъ. Когда Люкъ, разбивъ своего двоюродного дядю Дугура и его сына Чорена, послалъ ихъ предъ Царемъ, — Волинскій уговорилъ ихъ «хватыть Москву», где Чоренъ былъ крещенъ и именемъ Василий Дугоречинъ. Не задолго до смерти Люки, сколько-человѣкъ иль знатныхъ кальмаковъ, по измѣнению того же Волинскаго, авансировали С.-Петербургъ и принялъ тамъ христіанство. Но особенно было влакир по своимъ послѣдствіямъ, обращеніе изъ христіанскую вѣру зятя хана Люки, Базилѣя Б-Дордзи, который былъ крещенъ въ Петербургѣ въ 1724 г.; воспріимъство его прикупили бывшіи самъ императоръ Петръ Великій, и, воспоминаніе чего крестинъ и было именемъ Петрова Петровича, по прізванию Тайши и иныхъ. Въ честь этого же 1724 г. на имя астраханскаго губернатора Волинеска послѣдовала именной письмованій указъ, который повелѣвалось надавать Петру Тайшину по 1000 рубль въ годъ жалованья и по 500 четвертей хлѣба. Прі своемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, Тайши и иль получали одновременно 1000 р. на дорогу и по 500 р. „жизнѣ рухлади“, а для безопасности его изъ пути назначался быть къ нему охранный конвой изъ 24 ч. драгунъ, подъ командою особого сержанта. Тѣмъ же указомъ повелѣвало сеѧи дворянинъ, состоявшимъ при Тайшинѣ, и крещеніемъ изъ кальмаковъ, выразить жалованія по 20 р. въ годъ изъ чоловѣка, дѣти же Тай-

тина, въ случаѣ ихъ крещенія, приказыво давать малыни противъ отца дѣбатую долю. Волынскій, по силѣ того же указа, долженъ былъ защищать Тайшина отъ обидъ его братъевъ и другихъ владѣльцевъ, а въ случаѣ надобности „и тобесами оборонять“, назначивъ къ нему особаго пристава. Волынскій, согласно указу, назначить къ Тайшину приставомъ поручика Луку Шахматова и въ помощь къ нему — Алексея Евлашева изъ спортивскихъ дворянскихъ дѣлъ, а также одиннадцать чел. толмачей изъ казаковъ, во главѣ коихъ находился Колыма Козонковъ.

Заботясь о христіанской просвѣщеніи своего крестника, императоръ Петръ Великій подобрать ему походную церковь, то именемъ Воскресенія Христова, со всенощною переконою утварью, саненнымими одеждами и богослужебными книгами. Этотъ замѣнительный памятникъ церковной дрえности упѣхъ до нашего времени и заботливо сохраняется въ домовой церкви Неплюевскаго кадетскаго корпуса, ил. Оренбургѣ. Для настапленія новопросвѣщенаго Петра Тайшина изъ христіанской церкви и для совершенія богослуженій въ его походной церкви и необходимыхъ требъ, изъ нему было назначено юродиоахъ Леви Февичъ, хорошо знавший надимашний языкъ, а въ помощь ему днами изъ Московской Славяно-латинской школы ученики: Андрей Чубовѣцій, Яромъ Вестужевъ и Иванъ Лихоначъ. Никодимъ (изъ мѣръ Николай) Леви-Кѣвичъ происходилъ изъ поддона; онъ родился въ 1673 г., а въ 1715 г. на 42 г. жизни принялъ именование и быть посвященъ сначала изъ юродиакона, затѣмъ изъ юродиоаха ил. Киево-Печерской липрѣ; именемъ скончания (въ 1791 г.), за свою именословерскіе труды

среди скитаются ('). Никодимъ былъ возведенъ въ сань архимандрита и надзирать настоятелемъ астраханскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря, а въ пре-
клонныхъ лѣтахъ уѣхть на покой въ Михайловскому монастырю Кіевской епархіи, где, пророчи, и скончался.

По возвращеніи изъ Петербурга въ Астрахань, Петръ Петровичъ Тайшинъ покорѣ перехватилъ свое кочевье, находившееся между р. Волгой и Дономъ, близъ Царенска, здесь же находились походы первокомъ и въ ерата Тайшина: іеромонахъ Никодимъ, его помощники, приставъ Шахматовъ, охранявший конвой и прочія лица. Но Тайшинъ, какъ оказалось, не опредѣлъ индюкъ, возлагаемыхъ на него Русскимъ правительствомъ. Изъ доносей Никодима Св. Синода видно, что Тайшинъ былъ христіаниномъ только по имени, на самомъ же дѣлѣ остался вѣрою своихъ обычаяхъ, именемъ „сообщеніе болѣе съ своими попами, искали съ привеселаныши, а когда получать золотанье, то часть его удѣлять некрещеніи калмыкамъ и гелюнгамъ (хреци), колечія ради идоламъ“. Въ то же время Тайшинъ не переставалъ помогать ханскаго знамя, принимая дѣятельное участіе въ междусобіяхъ схваткахъ. Освирепое ханское достопри-
ство у Черепи-Дондукъ, съ подаче прошеніе императрицы Анны Иоанновны, въ которомъ, между прочими, писалъ следующее: „Императору Петру I, когда я примѣлъ крестіе, изложилъ склонъ: „Что оно меня можетъ, то все исполнено будемъ“; и я Его Величеству представляла, чтобы меня быть по христу умер-

(*) За все время своей казаковской дѣятельности Никодимъ обратилъ 1884 чел. въ православіе.

шего было много ложных ханжей, на чье *Благодарение* сокращалась ссылка: «*хана могу, сдавлю*».— Получив отказать въ удовлетвореніи своей просьбы, Тайшинъ, соединившись съ сыномъ братомъ Дондукъ-Онбо, начали, на Черемшъ-Дондукъ, разбить его и отнять у него большую часть подконтрольных ему калмыковъ. Генералъ-поручикъ Варягинъ скончался, посыпавъ съ собой землю для усмирения калмыковъ, а капитанъ Тайшинъ изгналъ, близъ Красного Яра, и отпразднить его, выехавъ съ женой, изъ Петербурга, гдѣ имѣстолюбивый Тайшинъ и умеръ въ 1736 году, а его жена была крещена, подъ именемъ Ани, и изъ земли княжескихъ получила изъ свое *вѣдомства* побѣгъ крещеніе калмыковъ, переселенныхъ, такъ увидеть дальніе, изъ остраханскіхъ степей въ Ставропольскій уѣздъ находящей Самарской губерніи. Въ вѣтвь съ Анией Тайшиной, воспринимавшей которой при крещеніи были сама императрица, крестилась и высокопоинтитная калмычка, находившаяся съ ней въ Петербургѣ; таинство крещенія совершилъ іеромонахъ Варлаамъ и протоіерей Василій Терлецкій; воспринимали бывали сенаторы, сонатники и ассессоры разныхъ коллегій и конторъ, а жестомъ для крещенія были избрани щеркомъ Иванія Далматіко и первокомъ Преображенскаго полка.

Нужно замѣтить, что, начиная съ 1723 г., петраханскіе губернаторы и дипломаты, находившиеся въ Калмыкии дѣланіи, представляли неоднократно въ Коллежію Иностранныхъ Дѣлъ, что городъ надо бы лутине, еслибы крещеные калмыки были отъѣзжены отъ крещеніи. Поэтому стали высылать крещеныхъ калмыковъ изъ Царицынъ, Саратова, Чугуєва и Кіева, гдѣ они были зачислены въ виновн., но это

не соответствовало желанию самих калмыков: по свидетельству Никодима Ленобея, стоявшего ближе других к крещеным калмыкам, они жалели, чтобы им было отдано лучше способа жить для поселения, чем быть разбросанными по различным местам и теряться в неравности переселения и разделения родственниками. Въ то же время государю крещенных калмыковъ съ некрещенными было неприятно и для калмыцкаго правительства, такъ какъ крещенные калмыки, несмотря на ихъ привычность къ прежнимъ своимъ обычаямъ и вѣрѣ, когда приплекать къ христианство и некрещенныхъ, благодаря тѣмъ льготамъ и пакодамъ, съ которыми былъ соединенъ ихъ переходъ въ православіе, такъ напримеръ: они оправдывались отъ уплаты сдѣланныхъ имъ долговъ до крещенія, а некоторое время даже не подвергались налогу и за убийство, въ случаѣ ихъ перехода въ христіанскую веру. Такимъ образомъ въ отдѣленіи крещенныхъ калмыковъ отъ некрещенныхъ было заинтересованы обѣ стороны — калмыки и русскіи. Планъ соединенія всѣхъ крещенныхъ калмыковъ въ одною какою-либо землю былъ подвергнутъ внимательному разсмотрѣнію, и изобрѣтъ было положено поселить ихъ между реками Сокомъ и одной стороны, и Черемшаномъ — съ другой, по лѣвую сторону Волги, въ вышшемъ Ставропольскомъ уѣзда, и для занятыхъ калмыковъ опредѣлено построить крѣпость и городъ на островѣ, образуемомъ Волгой и Кумъей. Волгской, до постройки же крѣпости князя Тайши и могла поседѣть въ Красномъ Ирѣ, где было достаточно свободныхъ сферическихъ куптий для нихъ и ея приближенныхъ. Въ апрѣль 1737 г. княгиня Анна Тайшина прибыла

и Самару, получивши при съезде отъездъ изъ Москвы 9247 р., а съ наступлениемъ весны 1798 г. было приступлено къ построению самой крѣпости и помѣщений для книжинъ и должностныхъ лицъ. Былъ заложенъ и пустынныи дотолѣ берегъ Волги, противъ жигулевской кристаллической Дѣвичьей горы въ Молодецкомъ о-курганѣ, оживился — и засыпалъ сѣбѣшая работа: одни строили храмъ для крещеныхъ калмыковъ, другие — домъ для книжинъ, третыи — помѣщеніе для комманданта крѣпости и должностныхъ лицъ и т. п. Всѣми работами руководилъ непосредственно коммандантъ крѣпости Андрей Зайцевъ.

По возвращеніи Волги, всѣ крещеные калмыки были отправлены изъ астраханскихъ степей на новое жесто жительства двумя дорогами: сухопутнымъ — на южадахъ и юерблодахъ, и Волгой — на судахъ. Каждую партию калмыковъ сопровождалъ особый конвой, состоявший изъ 50 чл. солдатъ и Донскихъ казаковъ. Важноѣ съ переселенцами было препровожденіе и походная церковь, во имя Воскресенія Христова, подаренная Петромъ Великимъ мужу книжнику Тайши и ф. Б. Ко времени прибытия калмыковъ, работы въ построющейся крѣпости значительно подвинулись впередъ: домъ для книжинъ, комманданта и должностныхъ лицъ былъ почти уже готовъ; постройка прокураторскихъ магазиновъ, канцелярий, пейзажа и кладовыхъ также приближалась къ концу, даже церковь, во имя св. Троицы, была доведена уже до крыши. Изъ 10090 р. 73', коп., назначенныхъ на первоначальное устройство крѣпости, было издержено 7334 р. 9', коп.; на заготовленіе сосудовъ, богослужебныхъ книгъ, снаряженія одежду и др. вещи для перваго употребленія 1211. р. 2', коп., — итого 8545 р. 12 коп. Но, какъ они были начислены за время, по что-

да князя Т а й ш и н а, при отъезде изъ Москвы, какъ мы уже знаемъ, получили 9247 р.; такимъ образомъ всего на первое устройство и обзаведеніе калмыкъ для крещенія калмыковъ было уже употреблено около 18 тыс. руб., не считая расходовъ по передвижению изъ къ астраханскихъ степей въ Самарскую луку. В. Н. Татищевъ, бывшій изъ то времена начальникомъ Оренбургской Комиссіи, предложилъ называть новый городъ Е п и ф а н і е й, что значитъ „просвѣщеніе“ (¹⁾; но правительству удобно было назвать крѣпость и городъ С т а в р о п о л е мъ (городъ креста), — это название сохранилось за городомъ и до сего времени.

Въ половинѣ сентября 1738 г., князь Т а й ш и н а перехадъ изъ Самары въ Ставрополь и похвасталъ въ построенному для него домѣ. Видѣть съ него исходились изъ Ставрополя, по распоряженію Св. Синода, архимандрии Н и к о л а и ъ Л е н і к з е в и чъ и его помощника и пречиника протоіерей Андрей Ч у б о в с к і й. Простые калмыки были посыпаны на пространстѣ отъ устья р. Черемшана възвѣ по Волгѣ до деревни Ц а р е в ш и ны и до лачъ, принадлежащихъ индигирскимъ солдатамъ Красноярской крѣпости, а поперекъ — вверхъ по р. Кондурѣ до Ч о л и н с к о й дороги, по которой шла большой трактъ изъ пригорода Сергіевска въ Казань. Въ отѣбѣвшихъ калмыки могли кочевать, ловить ястребъ и рыбу, рубить лесъ и пасти скотъ. Въ октябрь того же 1738 г. пребыть въ Ставрополь В. Н. Татищевъ, чтобы взглянуть на иной строеній городъ и укрепленіе. Осмотрѣть городъ, Татищевъ избѣгать и князиню, которая близ-

(1) Гравъ называла Е п и ф а н і е въ традиціи Богданова, или Крещеніе Господне.

подарила его за выбор удобного места и устройство города. Отъ книжки Татищевъ отиралися къ «бѣхъ» въ исходной хратѣ, а постѣ литургіи изыскивали архиепископа Никодима и выхали изъ стены, чтобы непосредственно ознакомиться съ жизнью и обстоянкой калмыковъ на посытѣ яхтахъ. Невесомыя картины представлялись адѣль Татищеву: толпы полуго лодихъ, почти раздѣлыхъ и граиныхъ дѣтей перебѣгали отъ одной кибитки къ другой, часъ-бы отискивая себѣ пищу; множество беспомощныхъ больныхъ, особенно женщины, лежали на голой землѣ подѣлѣ своихъ кибитокъ, боязнико присмотрѣ и ухода за ними другимъ; болѣзенный и почтальный видъ ихъ мужей и родныхъ возбуждалъ въ душѣ зрителя немолчное сочувствіе къ этимъ пропашнымъ. Чтобы улучшить ихъ положеніе, Татищевъ долженъ быть посыпанъ постройкою для спускать жилыхъ и хозяйственныхъ постройкъ, замѣти болѣзни и школу. Быстро начались и работы по устройству домовъ для калмыковъ и жетать, избранныхъ для ихъ обѣдной жизни и дѣтейихъ кочевокъ. Всѣдѣтъ этого вошли слѣдующіи калмыкскіи селенія и слободы: Воскресенская слобода, или Итгодиоѣ, изъ 25 л. отъ Ставрополя; Благотѣченская слобода, или Суеканъ—изъ 35 л.; Татищево и Ратовка—изъ 50 л.; Чегадино—изъ 60 л.; Боголюбовская слобода, или Курумочь—изъ 63 л.; Гвардейская слобода—изъ 70 л.; Предтеченская слобода, или Красное поселеніе—изъ 70 л.; Калмыки Охача, или Верхнее Икушино—изъ 80 л.; Кобелья и Преображенская слобода (Бошки)—изъ 95 л. отъ Ставрополя, и извѣстная другія. Указомъ 26 февраля 1739 г. предписано было произвести на-

рѣдку незельныхъ участковъ калмыкъ, соотвѣтственно иль рангамъ: урадникамъ, разсыльщикамъ, то значимъ и простимъ калмыкамъ было назначено поль пашину по 20 дес. иль каждому иль трехъ полей; луговъ по сту копеекъ, подъ усадьбъ по 30 саж. въ длину и по 15 с. въ ширину: знатнымъ калмыкамъ (зайсангамъ) въ оо противъ рядовыхъ, а книжнѣй въ са тѣ ро. Быднимъ калмыкамъ определено дать по одной лошади на семью и скотину, по усмотрѣнію коменданта, иль съѣхъ хлѣба. Кроме того, иль распоряженіе книжнїй Тайшиной, для успомоществованія быднимъ калмыкамъ, было посигно-вано 500 р. иль сверхъплатныхъ суммъ. Калтина и комендантъ Ставропольской крѣпости, подкомиссаръ Зифеевъ, особенно должны были стараться о прѣ-
ученіи калмыковъ къ осѣдлой земледѣльческой жизни, къ торговлѣ и разныхъ промыслахъ. Ось этою тѣмко, Зифеевъ ходатайствовалъ предъ правительствою о переселеніи къ калмыковъ около 300 (232 л.) разочин-
цевъ иль села Новодѣвичья (1), иль что и было дано разрешеніе 6 июня 1741 г. Такимъ образомъ калмыки получали возможность учиться у русскихъ, соцѣй хлѣбопашству и побѣже русской осѣдлой жизни. Въ Ставрополь била открыта школа для калмыцкихъ лѣтъ и выстроенъ новый церковный деревянный храмъ, во имя Св. Троицы.

Выгода поселенія Ставропольскихъ калмыковъ и заботы о нихъ правительства послужили приманкой для многихъ иль нихъ; число желающихъ креститься иль калмыкъ все болѣе и болѣе увеличивалось: къ концу 1744 г. ихъ считалось въ Ставропольскомъ иѣдомѣстѣ

(1) Новодѣвичья, или разные — Новодѣвичества, находятся на правомъ берегу Волги, въсть за 40 вѣнъ Ставрополя.

8319 душъ обоего пола. Съ увеличениемъ числа прошныхъ калмыковъ, конечно, осложнились и заботы о нихъ правительства, тѣмъ больше, что въ 1742 г. скончалась книгтия Тайшиана, а вслѣдъ за ней умеръ и дѣятельный коммendantъ Ставропольской крѣпости Зибетъ, въ чинѣ бригадира. Со смертью ихъ, среди Ставропольскихъ калмыковъ начались разные беспорядки и сооры: калмыки жаловались на русскихъ, которые отнимали у нихъ земли и не допускали до ловли рыбы на рекахъ и озерахъ; шоны проходившію въ Ставрополь калмыки, оставались безъ земли, кочевали между деревень, ширинами подъ окнами жалостными; ученики калмыцкой школы, не получая положеннаго имъ изъ нихъ содержания, ходили въ драной одежде и грязной бѣльѣ, а по вечерамъ сидѣли бѣлье оти за неизѣнѣющій сѣть; обращеніе съ ними было самое грубое; пожитки книгтии Тайшаной были запечатаны; деньги, оставшіеся посѣльши, хранились въ канцеляріи, а между тѣмъ кредиторы осаждали полковника Шарата просыпами обѣ уплатить 150 руб. долга, числившагося на покойной Тайшаной по долгамъ расписывать; богатые калмыки притѣсняли и обижали бѣдныхъ; торговцы были въ такомъ жалкомъ состояніи, что даже въ Ставрополѣ съ трудомъ можно было купить мяса и т. п. Конецъ всему этому подложилъ Ив. Ил. Неплюевъ, чьѣ главное вѣдомство котораго въ 1744 г. была передана Ставропольские калмыки, находившіеся раньше въ непосредственномъ подчинѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Не мало трудовъ предстояло Неплюеву по устройству быта и управленію Ставропольскихъ калмыкъ, число которыхъ все увеличивалось пралиномъ поыхъ.

переселенцев изъ астраханскихъ степей, съ Дона и Яика, где ипотинъ или иныхъ приходилось платиться ерохойстюю, имуществою, а иногда и жизнью, по причинѣ раздоровъ и жаждоусобій, открывшихся среди калмыковъ послѣ смерти хана Дондукъ-Омбо. Несколько калмыческихъ тайдовъ (кинзакъ), побоившись възшаговъ (знатные калмыки), въ тмѣ же и старшій сынъ хана Гадаевъ-Иоржа были убиты; ханша Джака, вдовы Дондукъ-Омбо, сначала избрасывались удалиться къ трухменамъ и хизинцамъ, а потому думали бѣжать на свою родину въ Кабарду (она была кабардинка); она хотѣла также покинуть и звернуть старшую Дарму-Балу, вдову Люки, которая въ свою очередь, желая сдѣлаться посредительницей калмыковъ, старалась подкупить изъ долины Татищева, бывшаго тогда астраханскимъ губернаторомъ, но безуспѣшино; владѣльца Бодонгъ, брата хана Дондукъ-Даша, возмущая улусныхъ калмыковъ, распространяя слухъ, что будто у калмыковъ хотятъ отбратить и крестить дѣтей, а дѣвки отдавать въ замужество за солдатъ. Всѣ эти ссоры и жаждоусобія естественно отразились на всѣхъ улусныхъ калмыкахъ, а потому не только простые, но и знатные калмыки желали креститься, чтобы стать подъ защиту Русскаго правительства. Въ 1745 году прибыть изъ Старополья съ Дона калмыкій владѣльецъ Чадаевъ Дербетекъ съ 150 кибитками, въ томъ же году Чадаевъ былъ крещенъ въ Оренбургѣ съ двумя своими сыновьями; отецъ былъ избранъ при крещеніи Иакиномъ, а дѣтѣ—Иакиномъ, иль коихъ старшій былъ накрестенъ подъ именемъ Иакина Болышаго, а младшій—Иакина Мельшаго. Для Дербетека былъ по-

стремъ изъ Ставрополя особый „покойный“ дозоръ и прокажано: двинуть ему въ годъ жалованья и съ дѣтми его по 150 р., а надъ полковникомъ Кирилломъ Шарипомъ вѣхъ ему перекрестъ, и обще съ прочими, определенными къ тому гайдзакамъ, управлять вскии крещенскими калмыками, а собственно ею улуевъ имѣющу въ особливомъ изложении*.

Почти одновременно съ Дербетевымъ, крестился Москій и другой калмыцкій владѣльцъ Абюши Торгоутскій съ двумя гайдзаками и съ двуми же своими служителями. Абюши былъ панаевъ при крещеніи Муслама, поспирѣнникомъ его былъ князь Иванъ Одоевскій, а жена Абюши, бывшая раньше изъ множества за калмыцкимъ ташомъ Черепиль-Дондукомъ, и сестра Абюши были крещены изъ Ставрополя. Абюши, или по крещеніи Павелъ Торгоутскій, былъ избранъ поддирателемъ подъ удусами Ставропольскихъ калмыковъ; его жена при крещеніи была назначена Варой (Андреевной). Благодаря переходу изъ православіе калмыцкихъ владѣльцевъ значительно увеличилось и число крещенныхъ калмыковъ черной кости. Въ 1741 г. приключило изъ Астрахани въ Ставрополь 100 кибитокъ, съ побоямиъ паспремъ Ильей Хашкобъ; въ августѣ 1743 г. переселилось изъ Ставрополя тоже изъ Астрахани 253 души калмыкъ обоего пола; въ 1744 г. изъ улусовъ Аратской Торгоутской атаго прибыло изъ Ставрополя 10 кибитокъ; въ томъ же году изъ Краснаго Яра и Астрахани отъ Павла Торгоутского приключало 20 кибитокъ; въ 1746 г. съ тайсатокъ Иланомъ Аджеемъ — 78 кибитокъ; Никита Дербетевъ изъ мы уже знаемъ, правивъ собою изъ Черкасска 150 кибитокъ и т. д. По-

сторонний призывъ калмыковъ въ Ставропольской улъи представалъ во влаго затруднений, при поселеніи и размѣщеніи ихъ на новыхъ земляхъ внутри Западной линии; между тѣмъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ всѣ заботы о Ставропольскихъ калмыкахъ сложили себѣ на Неплюевъ, который и долженъ быть занятъ устройствомъ изъ быта.

Не смотря на чрезвычайную сложность своихъ качествъ и обязанностей по устройству обширного Оренбургского края, Неплюевъ съ рѣзкою и упинительной непремѣнностью относился къ нуждамъ Ставропольскихъ калмыковъ, обнаруживъ при этомъ глубокой умъ и необыкновенную предусмотрительность во всемъ, что только было нужно для устройства новой калмыцкой колоніи на Волгѣ. Онъ написалъ обширный докладъ обѣ управлениіи и устройствѣ Ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ и изъ ноября 1748 г. представилъ его въ Сенатъ, почти одновременно съ проектомъ о преобразованіи Илицаго войска.

Въ своемъ доношении Сенату Неплюевъ весьма подробно опредѣлять всѣ стороны быта крещеныхъ калмыковъ и указывать мѣры къ наиболѣе достижению главной цѣли ихъ поселенія, т. е., приспособленіе ихъ солидной хунзакской скотѣ и прѣученіе къ склонной азартной жизни. Во главѣ Ставропольского духовенства при Неплюевѣ былъ протоіерей Андрей Чубовскій, хорошо знавший калмыцкій языкъ; онъ скончался 26 марта 1780 г., послуживъ болѣе 40 лѣтъ Ставропольской частѣ. Протоіерей Чубовскій былъ почти единственнымъ человекомъ изъ духовныхъ лицъ, который заключать въ себя всѣ необходимыя условія для достижения просвѣтительныхъ цѣлей поселенія. Неплюевъ былъ приветливъ, искрененъ, и право сказать,

отношению къ калмыкамъ иъ неъ счастливо соединились способность иъ готовность учитъ калмыковъ христіанской вѣрѣ иъ быть практическими помощникамиъ для покоренныхъ въ ихъ быту. Неплохо считать необходимымъ, чтобы Чубовскій, по крайней мѣре, два раза въ годъ объяснялъ все калмыцкое узусы крещеныхъ калмыкъ, для пастырствия ихъ въ христіанской вѣрѣ иъ наблюдения за ихъ жизнью. Всѣ узусы были разделены на несколько участковъ, подчиненныхъ непосредственному надзору иъ попеченію священниковъ, которые въ свою очередь должны были, по отношенію къ калмыкамъ, руководиться въ своихъ дѣятельностяхъ указами Чубовского. Въ сопровождении своихъ учениковъ Бестужева и Лякова, также хорошо знавшихъ калмыцкій языкъ, Чубовскій часто посыпалъ узусныхъ калмыковъ, испитывая ихъ въ христіанской вѣрѣ, совершая богослужебные и требы среди нихъ на ихъ родную языки. Кроме непосредственной проповѣди христіанского учения со стороны духовенства, положено было воздѣлывать на калмыковъ также переведами книги Священного Писания на ихъ языки, и школами, открытыя вслѣдствія, соразмѣрно количеству калмыцкаго дѣтей. Извѣстный уже намъ архимандритъ Никодимъ Ленкѣевичъ перевелъ на калмыцкій языкъ Молитву Господню. Сколько Вѣры въ 10 заповѣдей; но переводъ ихъ оказался не вполнѣ удачнымъ. Поэтому Неплюевъ пожелалъ, чтобы былъ составленъ калмыцкій букварь, переведено Евангелие на калмыцкій языкъ и сдѣлано краткое извлеченіе изъ Церковной истории, при помощи духовныхъ лицъ изъ русскихъ, знающихъ калмыцкій языкъ, и калмыковъ, находившихся изъ Петербурга при Черепъ-Дондукѣ.

Въ то же время Неплюенъ увеличилъ число учащихся въ Ставропольской калмыцкой школѣ до 30 челов., имѣсто бывшаго по прежнему штату 10 человѣкъ. При определеніи учителей въ калмыцкій школѣ, Неплюенъ вѣбашъ имъ въ непремѣнную обязанность „обучать калмыцкаго дѣтей русскому языку и добрымъ обычаямъ“, выражая при томъ искреннее желаніе, чтобы „ученикъ калмыцкаго письма подъ рукою и время отвѣржетъ съсобой изъ обычая“. Заботясь о постепенномъ и разумномъ обрушії калмыковъ, Неплюенъ не забывалъ и главной чѣлѣ ипюродческаго вопроса, т. е., просыпаетъ ли же духъ Со. Христовъ Церкви въ виду этого, она хотѣла, чтобы въ калмыцкой Ставропольской школѣ, имѣть съ дѣтьми піадѣльскихъ и майсангскихъ дѣтей, учились и лѣти русскаго духовенства, для занятія потомъ спасенію-церковно-служительскихъ зѣбѣ въ калмыцкихъ приходахъ.

Среди Ставропольскихъ калмыковъ тѣль же, какъ и среди некрещеныхъ калмыковъ, существовало раздѣленіе на людей бѣлой и черной кости, или на знатныхъ и простыхъ калмыковъ; но такое дѣление не могло быть здѣсь прочнымъ, хотя піадѣльцы и майсанги и хлопотали о томъ. Правда калмыки бѣлой кости въ здѣсь пользовались піакоторыми преимуществами, напримѣръ они болѣе получали земли, но прежней власти надъ чернокостными калмыками они не имѣли. Между тѣль калмыцкіе піадѣльцы старались стать въ тѣсное отношеніе къ прочимъ калмыкамъ, но какъ-то находились некрещеные тайджи къ подвластникамъ имъ улусныхъ калмыкамъ; майсанги также желали закрыть за собою, какъ можно, болѣе кибитокъ, чтобы потомъ передать ихъ своимъ наследѣніямъ. Неплюенъ былъ противъ этого, и право наслѣд-

ственного владѣнія простыми калмыками, по его представлению въ Сенатъ, было отмѣнено; что же касается земельныхъ подѣлъ, то они должны были „монастырю“ передѣлывать отъ отцовъ къ дѣтей. Такимъ образомъ, вытекаюше изъ прежнаго устройства калмыковъ. Неплохо знать по си и фе, подобное калмыкову. Всѣ Ставропольскіе калмыки были раздѣлены на вѣсёлье роты, подъ начальствомъ избраннаго, которые представляли себѣ родъ взаимного старшинства; 300 чл. Ставропольскихъ калмыковъ должны были ежегодно давать на службу изъ Оренбургъ, подъ командаюющими избраннаго. Во все времена походной службы, каждый калмыкъ, кроме прошитаго, получать еще по 50 коп. въ мѣсяцъ, избраннаго же—смотря по состоянию. Общинности и права владѣльцевъ, относительно подвѣдомственныхъ имъ улусныхъ калмыковъ, были военно-политического характера. Они должны были наблюдать, чтобы „калмыки изъ подвѣдомства въ добромъ порядкѣ пребывали, и никакого воровства и противныхъ поступковъ не чинили, и бѣзъ ихъ вѣдомъ изъ улусовъ никуда не отлучались; за предѣлы же Ставропольского вѣдовства владѣльцы саки не могли давать калмыкамъ отпуска, а общинались представлять о томъ градскому командиру или особымъ комиссарямъ. Каждый владѣльцъ долженъ былъ знать, сколько было изъ его вѣдомостей людей, способныхъ къ военной службѣ, и заботиться о томъ, чтобы саки, въ случаѣ нужды, могли собраться скоро и „во всякой непрѣятности на добрыхъ помощахъ и съ надеждами по ихъ обыкновенію оружіе отравленіи быть могли, наизначь же стараться имъ (владѣльцамъ) о запределіи отечнаго ружья, по крайней мѣре, хотя на десять кибитокъ во одной

турей, а что больше, то лучше². Но главный источникъ къ существованію Ставропольскихъ казаковъ, безъ сомнѣнія, должны были сдѣлаться разные промыслы и торговля, а не служба.

Согласно представлению Неплюева, казаки могли работать дѣль на свои потребности, но не имѣли права продавать его постороннимъ лицамъ, иль наду сбереженія дѣсочь. Чтобы дать возможность изолированнаго казачества ознакомиться съ прѣжнями орудіями хлѣбопашства, Неплюевъ ввелъ обѣспечени и узаконилъ земли, на которую должны были вымѣтаться по избѣздѣль человѣкъ со всѣхъ удусомъ съ лошадьми; распашка земли, сѣть, житію и уборки хлѣба производилась казаками, подъ руководствомъ и присмотромъ особыхъ приставовъ и русскихъ посланцевъ Ставропольского губернаторства. Отъ работы за общественной пашниѣ освобождались только тѣ казаки, которые желали сами или чрезъ племенныхъ работниковъ пахать и засѣвать землю на избѣгъ житѣльства, иль скотъ ихъ удусать. За производствомъ работъ должны были наблюдать особые комиссары, назначаемые изъ Казанской губерніи, иль помощь тѣмъ которыхъ коммандировались „по два или по три человѣка изъ гарнизона надежныхъ людей“. Весь урожай на общественной пашниѣ дѣлился пополамъ: одна часть поступала изъ земель на сѣяни для будущаго посева, а другая дѣлилась между казаками тѣхъ глусомъ, изъ коихъ были рабочіе при общественной распашкѣ, и надлежалось каждому удостѣрѣ премущественно бѣдныи и неимущи. Въ случаѣ недостатка въ „пахотныхъ инструментахъ“, положено было снабжать неимущихъ земледѣльческими орудіями на счетъ казны, при чёмъ пла-

дильши и мисынги должны были смотреть за тьмъ, чтобы калмыки не только бечегли видимые иметь „погодные инструменты“, но и сами учились ихъ дѣлать. Калмыки, обнаружившіе особенную склонность и охоту къ хлѣбопашествиу, получали на первый пособъ стычка ить газы подъ условіемъ, чтобы хлѣбъ непрерывно быть посыпъ.

Для прѣученія крещеныхъ калмыковъ къ торгоу и промышленности, Неплюевъ поручилъ купцу Монсею Богдачу у сформировать торгоуий класъ, для ему особую инструкцію, какъ образомъ ему действовать и о чёмъ стараться. Заботясь объ увеличеніи средствъ для содержанія крещеныхъ калмыковъ, Неплюевъ настоялъ, чтобы винина проходила изъ Старополѣ била отдана изъ общую поднау калмыкамъ, а прѣбыль отъ нея расходовалась на прокормленіе бѣдныхъ изъ калмыковъ, на пособіе имъ въ случаѣ накануніи изъ походъ, на канцелярскіе и другіе расходы изъ Калмыцкаго суда; изъ улусахъ же калмыки не могли торгоувать виномъ, „дабы изъ казенныихъ питейныхъ сборахъ ушербу не было“. Въ 1747 году рыбныя ловли били также отданы калмыкамъ за положенный окладъ безъ перекупки, и тогда же они получили право строить изъ оброка мельницы съ условіемъ прѣся въ избѣтое время изъ пайщиковъ, для своего обучения, русскихъ людей. Оберегая интересы калмыковъ, Неплюевъ утвѣднилъ и надлежавшій контролъ надъ расходованіемъ „денежной казны, провінціи, казеннаго припасовъ и прочаго“, опредѣлъ для того „иѣрныхъ и неподорвительныхъ людей“, которые, по истечениіи каждой трети года, должны были рапортовать о приходахъ и расходахъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію,

а по окончаніи года представлять туда же и приходо-расходные книги съ оправдательными документами и списки для проверки.

Нельзя также обратить внимание на судъ и управление Ставропольскѣй калмыковъ. По смерти княгини Алии Тайшиной, управление крещенскими калмыками было поручено ея племяннику Петру Торгутскому, а посль его кончины всѣмъ калмыкимъ дѣламъ занимались несколько лицъ или замѣнѣтъ, подъ руководствомъ падчерицы Никиты Дербетова; по общности этихъ лицъ и отношеніе къ нимъ ставропольскаго коменданта буди неопредѣлены. Головы ставропольской комендантіи имѣли скроѣ значеніе донършиаго и уполномоченнаго отъ правительства лица, которому было поручено устроить калмыковъ на поисокъ избрать имъ жительства. Такими временными командирами-устроителями въ Ставропольѣ были Зайцевъ, Люткинъ, Филатовъ и Кошкаровъ, следившіе одинъ за другимъ. Нельзя напечь, что въ Ставропольѣ нуженъ не временный, а постоянный командиръ и притомъ „высшаго ранга“; по его представленію бывть определены на эту должность полковникъ Остаковичъ, сдѣлавшій глашаніемъ представителямъ русской власти въ Ставропольской вѣдомствѣ ему принадлежала паспорта полицейская власть въ Ставропольѣ; онъ былъ главнымъ хозяиномъ края, командиромъ всѣхъ войскъ и предсѣдателемъ Калмыцкаго Суда, который былъ учрежденъ по представленію Нельзюса, изъ знатныхъ калмыковъ. Калмыкій Судъ состоять изъ всѣхъ членовъ: предсѣдателя, воинскаго полковника, воинскаго судьи, есаула, надзирателя улусовъ, писара, квартирмистра и

хорунжего. Всё эти лица получали по штату следующие оклады жалованья: представитель 150 р. въ годъ, полковникъ 140 р., судья 100 р., писарь 40 р., надзиратель улусовъ и есаулъ по 50 р., квартермистръ и хорунжий по 30 р., а если надзиратель улусовъ, есаулъ, квартермистръ и хорунжий были изъ владѣльцевъ, то первый получалъ 80 р., а посадные по 60 р. въ годъ. Въдѣнию Калмыцкаго Суда подлежали дѣла, начинавшіяся исключительно спикъ калмыковъ, напр. воинское пороюство, драки между собой, насильственный захватъ земли и улусовъ и т. п. Для засѣданій Калмыцкаго Суда былъ отведенъ особый домъ; производство дѣлъ въ Судѣ совершилось по древнимъ калмыкскимъ обычаямъ; недопустимое размѣщеніе Суда могли заходить изъ Оренбургскую губернскую канцелярию. Виновныхъ въ грабежахъ, убийствахъ и другихъ уголовныхъ преступленияхъ всегда судить въ Ставропольской канцелярии по Уставу и указамъ, незарова ни на ту, ни на другую сторону; но буде кто подлежитъ будить политической или натуральной смерти, о такомъ, подписанъ на основании усмотъ, приговоръ, присыпать на рассмотрѣніе и для утвержденія (утвержденія) изъ Оренбургскую канцелярию². Походитавши Неплюевъ, городу Ставрополю дѣлъ былъ выслѣдовати особый гербъ ('), а Ставропольской канцелярии—печать.

Въ январѣ 1745 г. проектъ Неплюева обѣ управлѣніи Ставропольскихъ калмыковъ быть утвержденъ; и въ томъ же году Неплюевъ пожелалъ самъ посѣтить Ставрополь, чтобы ознакомиться съ жизнью и обети-

²) Гербъ Ставрополя представляется пять, разделенный на две части: изъ первой части изображенъ изъ раздѣлки золота блокъ льва золота, а изъ второй части—трудыльная крѣсто, изъ золота, которой поддерживаетъ первый гротъ изъ золота золота; складъ не быть тѣстами золотой Императорской короны.

шонкой калмыковъ. — Находясь въ Ставрополѣ, Неплюевъ обратилъ внимание городскихъ жителей на необходимость постройки нового храма, такъ-какъ прежде построенный храмъ по своей непрочности представлялъ опасность для молящихся. На первое время подобрано было построить деревянную толстую церковь, а потому — заготовлять материалъ и для каменной. Личное знакомство съ бытомъ и обстановкой крещеныхъ калмыковъ убѣдило Неплюева, что труды его не памедили привести пользу крещеныхъ калмыковъ: некоторые уже умѣли не только говорить, но читать и писать по-русски, отнюдь постыдясь перенесенное богослуженіе и старались изъ своего быта и обстановки подражать русскимъ. Число же калмыковъ креститься не переставало увеличиваться: крестились не только простые, но и знатные племѣнники и зайсанги. Въ 1744 году были крещены десятилетняя княжна Люсия ханыи Дарын-Бала, по имени Тютера, и состоявшіе при ней зайсанги Киншакту, Кичикъ, Даражъ и др. Тютера была взята при крещеніи Клѣпой и отправлена въ жительство въ Ставрополь. Бывшая ханыи Джана, вдова Дондукъ-Онбо, жившая въ Москвѣ, также покоряла креститься со всеми находившимися при ней дѣтьми. Сама Джана была взята при крещеніи Вадой, дочери Бунагара — Надеждой и Дедесъ — Любомъ, а четверо сыновей Джана получили имена Московскихъ сподвижниковъ: Арапидукъ былъ именемъ Герасима, Дарадашъ — Алексея, Аспрай — Иоанна и Джебъ-Саръ — Филиппа; новопроисшедшій ханъ далъ титулъ ханыцъ съ фамиліей Дондуковой и назначилъ въ Москву дожъ, бывшій Клаецикова, и послѣдствія направили отъ деревниши и крестильши.

Сыновья ея были определены въ кадетский корпусъ, изъ коихъ Амвросій, по окончаніи курса, поступилъ въ военную службу и посыпалъ въ Енготаенскѣ, гдѣ онъ до своей кончины бывъ ревностнымъ защитникомъ упомянутыхъ и спасительникомъ въ обращенію калмыковъ въ христіанство. Князина Любовь вскорѣ послѣ крещенія умерла, а ея сестра Надежда вышла за мужъ за калмыцкаго племѣнина Илата (Меньшаго) Дербетова, жившаго въ Ставрополѣ, хотя у ея матери было намѣреніе выдать ее за калмыцкаго племѣнина Сербета Хошутова, жившаго еще раньше на одной изъ дочерей Джами, до крещенія послѣдней. Когда Сербеть изъявилъ желаніе креститься, жена и сыгъ его оставались въ улусахъ; всѣ старания Сербета пократить ихъ къ себѣ были тщетны. При крещеніи Сербеть бывъ названъ Семеномъ и женился на племянѣ князя Люки Тютерѣ или, по крещеніи, Ельки, которая была дочерью Гайдани-Дажиной, убитаго раньше Сербетомъ во времена междуусобной борбы. Всокрѣ послѣ своей женитьбы, Семенъ Хошутовъ бывъ произведенъ изъ полковника и потому назначенъ командиромъ Оренбургскихъ крещеныхъ калмыковъ, съ назначеніемъ ему издаванья изъ оренбургскихъ доходовъ по 120 р. въ годъ. Въ 1752 г. прибыла изъ Оренбурга и сестра Семена Хошутова, которая также поклялась принять христіанскую свѣру; при крещеніи она была названа Амвросіей и вскорѣ вышла замужъ за полковника изъ крещеныхъ калмыковъ Шарапа, жившаго въ Ставрополѣ.

Благодаря Ставрополю и его убда, крещеные калмыки стали селиться при Неплюевѣ и въ Оренбургѣ. Оренбургскіе калмыки выдѣлились преимущественно изъ калмыкъ, кочевавшихъ по нижнему Илану и въ окрестностяхъ Илан-

кого города, где ихъ въ 1744 г. считалось 684 д.; сюда же стали переносить и изъ другихъ изъ Ставропольскихъ калмыковъ, такъ какъ въ Феодоръ-Соголъ въ 1752 г. переселились изъ Ставрополя въ Оренбургъ 30 своихъ кибатокъ, которыхъ достались ему въ наследство послѣ отца. Въ 1754 г. только изъ однаго Оренбурга считалось чго 56 кибатокъ крещеныхъ калмыкъ съ 206 душъ обоего пола; но число ихъ быстро возрастало и впослѣдствіи, согласно предложенію Неплюева, изъ нихъ скомплектованная была особая рота, на подобіе Ставропольскихъ калмыкъ, съ подчиненіемъ ей Семену Хощутову. Въ лѣтнее время Оренбургскому служильному калмыкамъ распредѣлялись по кибиткамъ форпосты. Въ 1754 году всѣхъ крещеныхъ калмыковъ во всей Оренбургской губерніи считалось 5696 душъ, къ концу же управления краевѣдца Неплюева ихъ было уже 8198 душъ обоего пола. Въ 1756 году калмыкое войско, по представленію Неплюева, получило сотенные знамена и особое знамя съ изображеніемъ на немъ Ставропольской крѣпости, надъ которой находился крестъ изъ синія, а по сторонамъ были изображены принадлежности перегудирной артиллерии (вооруженія). Тогда же было дано зданіе въ Оренбургскому казачьему войску; это знамя отличалось отъ калмыкаго лишь тѣмъ, что на немъ было изображеніе города Оренбурга, а на верху — также крестъ изъ синія, а по сторонамъ — изображеніе воинскихъ доспеховъ, тѣль и изъ калмыкской зиппи. Такимъ образомъ крещеные калмыки были привлечены къ казакамъ и парамиъ съ ними послѣ военную службу, охраняли границы покоренную линію отъ вторжений киргизъ и другихъ хищниковъ.

Кроме крещеных калмыковъ из Ставропольскаго уѣзда считалось при Неплюевѣ до 700 д. государственныхъ крестьянъ, болѣе 2500 помѣщичьихъ и монастырскихъ, 703 д. привозныхъ изъ Адмиралтейства и 250 д. разныхъ крестьянъ, вынужденныхъ выѣхать изъ киргизскаго цѣтина, такъ что все населеніе Ставропольскаго уѣзда, включая сюда и калмыковъ, равнялось почти 19000 душъ. Въ самомъ Ставрополѣ было три храма: два деревянные и одинъ каменный (1), около 500 дворовъ, 309 душъ, записанныхъ въ купцы (прежде всего изъ Симбирска), сотни казаковъ и див. гарнизонныхъ роты Нижегородскаго пехотнаго полка. Жилыи строенія находились не только внутри крѣпости, но и въ сѣ съ двухъ сторонъ: изъ первоначаль Куньей Водожки жили преимущественно солдаты и казаки, а изъ нижней сїи части—купцы и вообще торговый классъ, почему первая называлась Солдатской слободой, а вторая—Купеческой.

Неплюевъ налагалъ большия налоги на населеніе крещеныхъ калмыковъ из Ставропольскаго уѣзда, расчитывая, что природная удобства для осѣльной жизни, обилье земли и различныхъ лѣсоты будуть привлекать сюда калмыковъ-изъчинокъ для крещенія и подвигренія ихъ въ этой избѣгности; но индейцы это не оправдались, потому что породокъ, заданный Неплюевымъ среди крещеныхъ калмыковъ, не было поддержанъ, такъ-бы требовалъ того дѣло обрушія калмыковъ и имѣть жалъ Неплюеву,— этиль воспользовалось калмыцкое духовенство, стравившее всегда держать калмыковъ отъ ненѣжностей, и Ставропольскіе

(1) Въ настоящее время изъ Ставрополѣ только два храма, изъ обѣихъ старыхъ.

калмыки, считаясь по имени християнами, оставались почти такими же язычниками, какъ астраханские и другие улусные калмыки. По отношению къ крещеному инородцамъ и въ частности къ калмыкамъ, Неплюевъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы новые члены Св. Православной Церкви были единоименны лѣтьми, которые бы не паружно, а скромно соединились съ Русскимъ народомъ и съ непривычными традициями принесли религиозныхъ основъ его жизни и быта; во при этомъ Неплюевъ избѣгалъ крутыхъ и насильственныхъ мѣръ, чтобы не возстановить инородцевъ противъ русскихъ. Покуда Неплюевъ былъ главнымъ начальникомъ Оренбургского края, заведенный имъ порядокъ оставилъ почти нетронутую пользу; но то мы видимъ адѣль, послѣ оставления Неплюевъ мѣста оренбургскаго губернатора и его перехода на службу въ С.-Петербургъ. Калмыки, подстремленные своими генитицъ, стали убѣгать изъ Ставрополя въ улусы, гдѣ ихъ охотно принимали; недовольство же улусныхъ калмыковъ дошло до того, что въ 1771 г. они, въ числѣ 350,000 душъ обоего пола, бѣжали изъ Китай; изъ Россіи осталось не болѣе 13000 калмыковъ кибитокъ. Въ началѣ пятидесятаго столѣтія, изъ выѣхавшихъ изъ Китай калмыковъ поселились киргизы, привлеченные изъ-за Урала подъ начальствомъ Букея Нурадіева и образовавшие Букеевскую или внутреннюю киргизскую орду. Остатки Ставропольскихъ калмыкъ въ 1842 году были окончательно переселены въ Оренбургскую губернию и вошли въ составъ Оренбургскаго казачаго войска, будучи распределены по его полкамъ и водворены на новой линіи. Заботясь объ устройствѣ различныхъ

частей Оренбургскаго края и обѣ его безопасности. Но плюсъ обратилъ особенное внимание на разнѣтѣе промышленности и торговли во избраниемъ ему края, отъ

[X.]

Строительства Петра Великаго въ Среднюю Азію — Составлѣніе Оренбургской торговли до вступленія въ упразднѣніе краснѣйшаго Назарова. — Присоединеніе къ Россіи Каракалпаковъ и отъношеніе къ тому киргизскаго племени Абуха-Хана. — Пречистыи и начало вражды между Назаровомъ и Абуха-Ханомъ, смерть послѣд资料 и выборъ въ племя его сына Нуради. — Торговые караваны татаръ Халхана и прошаніе для уединеннаго разнѣтѣя караванной торговли въ Средней Азіи. — Отоживаніе Нуради съ хивинскими землями Калмыкии. — Присоединеніе къ Россіи Средней киргизской земли.

Торгово-промышленное разнѣтѣе природныхъ богатствъ Оренбургскаго края особенно плюсъ Но-
воплюсъ: оно могло служить лучшимъ и болѣе изысканнымъ средствомъ къближению русскихъ съ ино-
родцами. Торговля, какъ известно, совершаетъ знако-
мствія народовъ и прежде, чѣмъ западаютъ киргизско-
образованные народы; живой примеръ этого мы видимъ
въ Англіи, которая держитъ въ торговомъ подчиненіи
цѣлый циклъ имѣнъ династий въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и
Австралии. Но для того, чтобы открыть путь торговы-
промышлennому движенію на постоі, Россія должна
была создать киргизскимъ ордамъ, которыхъ, по мнѣнію
Петра Великаго, имѣли значеніе въ юти и въ
вортъ по отношенію къ Средней Азіи и только, скон-
чавъ ихъ, русскіе могли выйти изъ союзій съ таманта-
шами, сартами, хиншилами и др. средне-азіатскими наро-
дами. Съ богатствами Средней Азіи Петръ Вел. испытывалъ

зилое извержение изъ развалинъ туркменца Ходоха-Нефеса, который въ 1712 г., будучи изъ Россіи, сообщалъ Петру обогащество золотого песку при устьѣ р. Аму-Дарія, что подтверждалъ позже и образованій итальянецъ Флоріо Беневеніи, отправившій Петру изъ Бухаріи, где онъ прожилъ почти четыре года (1721—1725). Несчастный исходъ экспедиціи Бековича Черкасскаго въ Хану не ослабилъ стремленій Императора на поѣздку чрезъ киргизкія степи; онъ готовъ былъ употребить халлонъ рублей на одинъ издерекъ для того только, чтобы „Киргизкая орда однажды лисицамъ подъ проклятиемъ Россійской Имперіи быть обвязана“; но смерть помѣшила Петру осуществить свои планы. Спустя восемь лѣтъ послѣ его кончины, ханъ Малой киргизской орды Абуль-Харъ запрашивалъ о своемъ желаніи принять русское подданство и просилъ о постройкѣ русского города на устьѣ р. Ори. Оберъ-секретарь Сената И. К. Кирilloвъ составилъ проектъ о средстvахъ и избралъ изъ осуществленію плановъ Петра, касательно киргизскихъ ордъ, и о размѣткѣ торговли въ Средней Азіи. Проектъ Кирilloва быть одобренъ и, подъ его же начальствомъ, была снаряжена особая экспедиція для заложенія города на устьѣ р. Ори.

Въ 1734 г. несколько торговыхъ ташкентскихъ спиртовъ, узнавъ о предположеніи постройки на устьѣ Ори русского города, сообщали о томъ своимъ городскимъ старшинамъ; вскорѣ, съ доказательствомъ, что некоторые ташкентские купцы отправились съ товарами въ Уфу чрезъ аузы хана Абуль-Харъ, который не только пропустилъ ихъ чрезъ свои владѣнія, но и далъ имъ сорокъ проводниковъ. Въ началѣ 1735 г. ташкентскіе купцы благородно прибыли въ Уфу и заняли Ка-

риаллу о сносе жилий, чтобы въ новомъ городѣ были учреждены приставы, обѣщалъ ежегодно привозить тѣговини караимы и приглашать къ себѣ русскихъ купцовъ для мѣсяцъ торговли. Кирilloвъ принялъ купцовъ ласково и вполне сочувственно отнесся къ ихъ предложению; но за неимѣніемъ капиталистовъ въ Уфѣ посодѣтилъ имъ открыться въ ташкентѣ Казань, пручитъ рекомендательное писмо, изъ которогъ просить окказать имъ „осакомъ ариласскимъ“ и „умѣлью око землико“. Распродавъ свои товары въ Казани, ташкентцы въ томъ же году отправились свое отечество чрезъ новый городъ, который былъ занесенъ на устье Ори. Этотъ добровольный прѣѣздъ ташкентскихъ купцовъ и жилий ихъ вполнѣ согласовались съ стремленіемъ Русскаго правительства на югъ. Для наибольшаго привлечения русскихъ купцовъ къ поседенію въ Оренбургъ, знателъ этого города дарованы были особыя привилѣї: дома ихъ освобождались отъ всякаго постола, дозволено заводить фабрики и заводы и т. п.; а чтобы устранить возможность подорожнаго спору и ссоръ, при сборѣ таможенныхъ пошлий съ товаромъ, правительство присягло Кирilloву, прѣѣнительно къ другимъ пактамъ странъ, составить особый тарифъ. Кирilloвъ принялъ къ себѣ, для утвержденія и разнія торговли въ новомъ городѣ, отца П. И. Рычкова, во что прѣѣхалъ въ Синай уже послѣ смерти Кирilloва. Въ 1795 г. предположено было отправить въ Ташкентъ торговый караимъ, проходниками котораго могли служить ташкентскіе купцы, пробывшіе въ Казани. Выѣхать съ русскими караимами долженъ быть отправляться подъ видомъ купца, капитана морской службы

запечатань Эльтонъ, для собранія топографическихъ и географическихъ созѣйн о тамбентскихъ владѣніяхъ и для описанія Арамъскаго моря, на которомъ предположено было построить приставъ и содержать при ней вооруженіемъ суда; приготовлены были и особая инструкція Эльтону, но кончина Кирилловы помѣшила осуществленію этого плана.

Въ 1736 и 1737 годахъ, во причалѣ башкирскаго бунта, русскіе купцы болѣлисьѣ ходить въ новоостроеній Оренбургъ (нынѣ Орскъ), потому что проѣздъ туда былъ соединенъ съ большими опасностями; но китайские купцы и въ это время не переставали посещать города, выѣзжая изъ своихъ товаровъ нужные для нихъ вещи, хотя эта ихъ была не значительна. Мѣсто Кириллова заняли, какъ мы знаемъ, В. Н. Татищевъ, который поручилъ старшагу Рычкову, прибывшему изъ Самары по прѣданію еще Кириллова, составить купеческій тарифъ и устинъ, во Риѣбѣзъ, не успѣвъ выполнить этого порученія, скончался въ 1738 г. Въ томъ же году вѣткоѣ было открыть съ кирказами и другими алтайскими народами торговлю для выѣзда у нихъ первоначальной персти, которая шла на приготовленіе алтайскихъ комлотовъ и другихъ шерстяныхъ матерій. Въ городаѣ былъ устроенъ Мимонд дворъ и въ томъ же году открытие изъ Тамбента первый русской торговый храненіе, въ которомъ товаромъ было на 20000 руб. Начальникъ храненія былъ назначенъ поручикъ Миллеръ, а въ помощь ему данъ одинъ офицеръ изъ геодезистовъ для топографическихъ работъ; во параллѣль на расстояніе двухъ-двоихъ пути отъ Тамбента былъ разграбленъ кирказами Волъшеборамъ. Несмотря на такую неудачу, въ 1739 г. были открыты

иъ Оренбургъ еще два каравана, которые разграбили во время пути киргизы Малой орды, подвластной хану Абуль-Ханру. Дти Абуль-Ханра, прибывшю въ следующемъ году изъ Оренбургъ, обнаружились караваны Урусову, събывшему Татищеву, воспрепятствовать товары двухъ последнихъ каравановъ, но обещаніе не было исполнено.—Несмотря, конечно, препятствию усилившему русской японской торговли и то, что русские не избѣли почты никакихъ съѣздъй о киргизскихъ степяхъ, чрезъ которыхъ проходилъ караванный путь, стѣдовательно, киргизы, со временемъ караваны, могли намѣренно выводить ихъ изъ бесподобныхъ и дешевыхъ яхтъ, чтобы съ большими удобствами привозить тонкъ грабежъ и оставлять предпримчивыхъ русскихъ людей въ незнакомой иль жѣстокости, какъ говорится, на произвол судьбы. Въ 1740 г. И. А. Урусовъ, послѣдовавши просьбы Абуль-Ханра, командированъ на Сыръ-Дарью и оттуда въ Хиву геодезиста Мурзина и инженера Назимова. Интересно, что Абуль-Ханръ, владѣвший въ то время Хивой, просилъ Мурзина быть его защитникомъ предъ передислокацией шахомъ Надиромъ, который приближался съ войскомъ къ Хивѣ. Абуль-Ханръ отрицалъ Мурзина на встречу къ шаху съ привѣтствіемъ и просьбою оставить за мною хивскія владѣнія. Шахъ принялъ Мурзина ласково, наградить его боязливъ подарками и выражить же ланіе лично видѣться съ Абуль-Ханромъ, запѣрши, что онъ примѣсть и наградить его, какъ подданнаго Русской Императрицы, съ которой онъ жадаетъ жить всегда въ мирѣ. Но Абуль-Ханръ, опасясь превозмощи со стороны шаха, удалился изъ свою орду, а Надиръ овладѣлъ Хивой безъ боя и, оставивъ десать

чел. русскихъ пленниковъ, отсыпалъ имъ съ татары-
воязъ. Извѣстить въ Самару, при чёмъ, каждый
пленный получилъ отъ шаха за дорогу дошль и 50 р.
денегъ. Мурзинъ и Назимовъ, по прошествіи
года, благополучно возвратились въ Оренбургъ и со-
ставили выразу карту Киргизскихъ степей и Хам-
сакъ плодородій. Разсказы о средне-киргизскихъ стра-
нахъ Мурзина и Назимова составленіе ини карта,
а также и распросы десяти русскихъ пленниковъ, при-
бывшихъ въ Самару съ Исаевымъ, вызбудили еще боль-
шой интересъ въ торговомъ классѣ; но несчастный
исходъ первыхъ трехъ карталиновъ побудилъ изъ тому,
что оренбургское начальство, несмотря на более по-
ложительные сіѣдѣнія о каракалпакскомъ пути, запретило
въ 1742 г. русскимъ купцамъ отсыпать тюфякъ-
караманъ въ Среднюю Азію и вадить съ товарищи дико-
ть киргизской орды. Пошлины сборъ, начинавъ съ 1738
и по 1742 г., не превышали 3872 р. 89'., то есть
Въ такомъ состояніи находились торгояди Оренбург-
ского края, когда въ управление имъ вступила Неплю-
евъ. Посмотримъ, что слѣдѣло для развиція оренбург-
ской торговли съ Неплюевъ.

Почти одновременно съ прибытіемъ Неплюева
въ Самару, скла залезъ поручикъ Дмитрий Глади-
шевъ, находившійся болѣе года въ киргизской ордѣ,
по распоряженію оренбургскаго начальства. Глади-
шевъ доложилъ своему новому начальнику, что, во
время пребываній его у Абуль-Хана, изъ него изъ-
дось шестеро каракалпакскихъ старшины и трое хад-
жей и просили его о принятіи ихъ съ 30000 кабат.
каракалпакскаго народа въ руское подданство. Глади-
шевъ, изъ присутствія Абуль-Хана, принялъ стар-

шиль и хаджи къ присягѣ, содержаніе которой было съдѣдующее: „Богомъ избѣжденіи по своей волѣ принялъ въ Российской подданствѣ и, почтителье крестъ, вручилъ ли именемъ императора каркалпакамъ“ (далѣе съдали имъ и таты). — Гладышевъ передалъ Неплюеву приложные листы и письмо каркалпакскихъ старшинъ съ приложеніемъ трехъ чернильныхъ печатей; въ этомъ письмѣ, между прочимъ, указывалось на давнишнее желаніе татаракашаконъ принять Русское подданство. — Въ томъ же году, по приглашенію Неплюева, прибыли изъ Оренбурга каркалпакскіе депутаты Махоръ и Кушанихъ, изъ сопровожденія хана Абуль-Хана и изъ сего отъ имени хана и всего народа торжественно повторили присягу, данную ими Гладышеву изъ орда.

Переходъ каркалпаковъ въ русское подданство обѣщалъ не мало выгодъ для развитія вѣтшай торговли Оренбургскаго края, почему Неплюевъ всички старалася пріохотить посыхъ подданныхъ къ поселенію въ Оренбургѣ, и съ этой цѣлію свою командировалъ Гладышевъ въ аузы каркалпаковъ. Вскорѣ Гладышевъ возвратился изъ орда, изъ сопровожденія двухъ племянныхъ и посыхъ знатныхъ каркалпакскихъ старшинъ, которые были отправлены въ Петербургъ. Въ августѣ 1743 г. императрица Елизавета Петровна приняла каркалпаковъ посольщъ и вручила имъ грамоту на вѣрноподданство, а Неплюевъ, между тѣмъ, отправилъ изъ станицы унтер-офицера Филиппа Гордѣева, хорошо знавшаго татарскій языкъ, и толмача Мансера Дѣльнаго съ подарками каркалпакамъ. Гордѣевъ и Дѣльний, исполнивъ порученіе, 1 ноября того же года возвратились въ Оренбургъ,

иъ сообществъ ибекольской знати киргизской старшинъ, между которыми первое ибето занималъ Халвѣтъ Шихъ, сынъ Мурата, считавшагося у киргизовъ за сподвижника и знатного мужа. При сменѣ отѣздали иль Оренбурга, Халвѣтъ получивъ упомянутое потомственное тараканство. Когда, по-видимому, не было почти никакого сомнѣнія въ прочности союза Россія съ киргизами, и когда въ головѣ Неплюева соединились разные планы и проекты,—киргизскій ханъ Абуль-Хаиръ, содѣствовавший засѣять пришлую каракалпаками русскаго подданства, разомъ порѣшилъ вопросъ съ поющими русскими подданными. Оказалось въ усиленіи подъ властью Россія, она погнать ихъ ауди, многихъ убить и еще больше изгнать изъ земель, отогнавъ 20000 коровъ и столько же овецъ изъ своихъ кочевъя, а когда Гладышевъ, сопровождавшій киргизское посольство въ степь, явился къ Абуль-Хаиру, — послѣдній тѣ бѣшености отыскалъ отъ него грамоту на подданство каракалпакамъ, распечатать и прочитать ее; затѣмъ, обобразъ до-честія каракалпакскихъ старшинъ, отпустить ихъ изъ своего мѣста, а Гладышевъ долженъ былъ вернуться въ Оренбургъ. Вскорѣ вслѣдъ этого, каракалпаки откочевали подъ защиту энгирекского владыки Гадалы-Черепана, а въ Оренбургѣ можно было встрѣтить только разѣѣ бѣженщихъ изъ киргизскаго цѣлая киргизовъ, которыхъ отсыпала на жительство въ Уфимскую провинцію. Съ этого времени между Неплюевымъ и Абуль-Хаиромъ начиняется непримиримая вражда, которая продолжалась сеять лѣтъ и отъ которой „многія затрудненія, беспокойства и опасности происходили“. Абуль-Хаиръ особенно обидился на русскихъ за то, что

ему было отказано въ видѣть его сына Хаджи-Махмута, содержавшагося арестантъ (заключеннымъ) въ Сорочинской крѣпости, находившейся на р. Самарѣ, въ 176 верстахъ отъ настоящаго Оренбурга. Получивъ отказъ, Абуль-Хайръ рѣшился даже съдомъ отнять своего сына у русскихъ: киргизъ его поддомства, въ числѣ 2000 чл., уже пробрались изъ Крестовому редуту, отстоявшему на 22 версты отъ Сорочинской крѣпости; но предусмотрительность Наполеона разбѣрала планы Абуль-Хайра: его попытка освободить сына по удали, — и Хаджи-Махмутъ былъ отраженъ изъ Сорочинской крѣпости въ Петербургъ, откуда поспѣхъ былъ перевезенъ въ Казань, гдѣ влюбился въ дочь одного татарина и хотѣлъ на ней жениться, но дальнѣйшій ходъ событий въ киргизской степи помѣшилъ этому свободному браку плодоносныхъ.

Удаленіе Хаджи-Махмута изъ прѣблѣзовъ Оренбургскаго края до того оскорбило Абуль-Хайра, что онъ сталъ подстрекать киргизовъ къ нападенію на русскую селенія, а послѣднаго къ нему отъ Наполеона тѣдничи обругать, всячески мучить и цѣлый годъ продержать подъ арестомъ. Правительство неоднократно наѣрковалось покарать оброломныхъ киргизъ за ихъ забѣги и грабежи; но хитрый Абуль-Хайръ все-таки предупреждалъ планы Русского правительства воюю покористью и никою присягою, килькакъ изъмѣщенній ханъ Аюса, стараясь изъ то же времени запутить Наполеона предложеніемъ хищничества, которое просили всевози Абуль-Хайра противъ туркманъ и предложили ханское достоинство его сыну Нурадилу. Наконецъ Абуль-Хайръ обратился съ жалобой на

Неплюевъ изъ Петербурга, прося падать ему Хаджи-Махмета и замѣнить его другимъ сыномъ. Просьба Абуль-Ханра была умиловъ: изъ 1748 году съ явленіемъ Фрекую хрѣстъ и получаль отъ Тенкелевъ, со-трудника Неплюева по управлению краю, желавшаго сына Хаджи-Махмета, замѣнить его Айчукатомъ и дѣлами некоторыхъ старшинъ, при чечѣ. Абуль-Ханъ не упустилъ случая снова повторить присягу, что отоетъ онъ будеть жить въ мирѣ съ русскими. Но, по возвращеніи изъ орду, онъ тотчасъ же занялъ положеніе съ погорскими ханомъ, предложивъ ему, непреѣзъ интересамъ Россіи, въ имѣнство свою dochь, и получить за нее въ казнь городъ Туркестанъ. Долго-бы еще прашивъ бороться Неплюеву съ Абуль-Ханромъ, еслибы изъ 1749 г. не убиль его, во времена всходоусобной правды, султанъ Вирасъ, положившій предѣль дальнѣйшимъ замысламъ Абуль-Ханра.

Отношений Неплюева къ Малой киргизской ордѣ, послѣ смерти хана Абуль-Ханра, должны были существенно измѣниться. Старшій сынъ Абуль-Ханра, Нурадилъ, имѣлъ мысль занять место хана изъ Хивы; но жена Нурадила, находившаяся въ Хивѣ, уведомила своего мужа, что первоначе хотѣла убить его, кась только онъ явится изъ Хивы. Неплюевъ, опасаясь сокса киргизовъ отъ хивинцами, вскаса баль разъ этому обстоятельству и тотчасъ же, по смерти Абуль-Ханра, отправилъ изъ Малой киргизской орды чиновщика, который, при содѣйствіи жены покойнаго хана Палай^(*), пользоуемшейся большими влияніемъ на киргизовъ, долженъ быть выгра-

(*) Палай пыталъ даже свою печать и обличия любили румяна, за-тѣ и получала отъ правительства позаружки благородствомъ и чести.

зить выборъ изъ ханы въ пользу Нуради, что ему и удалось: Нуради былъ избранъ ханомъ Малой киргизской орды. Въ 1749 г. онъ прибылъ изъ Оренбурга и принялъ присягу на верноподданство Русской Государинѣ. Обласканный и богато одаренный отъ Неплюева, Нуради уже помышлялъ о мести за убийство своего отца, и изъ ордъ его ждали посы 20-лѣтнаго юнгурскаго владѣльца Аджана (¹), которые прибыли за сестрой Нуради, просившай за Аджана еще проживши съ отцемъ, полуничного за нею изъ таинъ города Турастанъ. Нуради былъ изъ большого затрудненія: отказать посламъ въ выдать сестры, какъ нефты Аджана, было опасно, а согласиться на съ отпускъ значило идти противъ желанія Неплюева и Русскаго правительства. Очутившись между молотомъ и наковальней, Нуради пустился на хитрость: съя началь обвинять и Неплюева, и самого жениха; по смерть нефты, послѣдовавшая изъ 1750 году, успокояла и Неплюева и вывела изъ затрудненія Нуради, который съ этого времени вспоминалъ *ко саму пысаду дружбу со Никономъ*. Освободивъ изъ киргизскаго пленя 1364 чл. пленниковъ, Неплюевъ, расчитывая на дружбу Нуради, началъ думать о спаравеніи русскаго торгового каравана въ Среднюю Азію, тѣмъ болѣе, что русскіе купцы теперь и сами выражали желаніе посѣщать среднеазіатскія страны съ торговыми шляхи, несмотря на неочистный исходъ первыхъ каравановъ. Въ 1750 г. изъ Оренбурга былъ отправленъ съ хивинскими послами Ширбекомъ небольшой караванъ татаринъ

(1) бывъ же Чавенъ-Дархъ-Накъ, или Чебенъ-Дархъ.

Абдуллы Хаалинъ, который благополучно прибыль изъ Хивы и съ большой выгодой распродать свою тиара. Вскорѣ послѣ этого Хаалинъ снарядилъ второй караванъ, подъ охраною самого Нурали; привинцу Халиму, сопровождавшему караванъ, было приказано идти до Бухари, Балхъ, Бадакшина и, если будеть можно, до самого Кабула, находившагося отъ Оренбурга на разстояніи трехъ вѣчнаго караваннаго пути. Но караванникъ торговца съ средне-азиатскими странами потрудился большія препятствія со стороны киргизовъ и особенно хининцевъ, не говоря уже о трудностяхъ самого пути чрезъ киргизскія степи. Воронетко и рабѣй издания считались у киргизовъ доблестными, которыми они хвастались другъ передъ другомъ: „когда я былъ молодъ“, — говорить съ гордостью киргизский полковникъ Токель, — „то подобное мне сорокъ и ломаники не могъ было изъ орды отыскать“¹. Не смотря на оставленныхъ изъ Оренбурга заложниковъ и на плѣну, которую киргизы получали за прохожданіе каравановъ по степи, они верѣдо сажи же грабили караваны; но еще боялись предотвратить опасностей для торговцевъ каравановъ Хивы и ея обитателей; хининцы, всегда склонные къ грабежу, даже нирочно засыпали ближайшѣе къ караванному пути колодцы. Между тѣмъ Нурали, надѣясь на расположение Наслоева, позволялъ своимъ братьямъ отправиться для грабежа на пральновъ и каракалпаковъ. Это обстоятельство еще болѣе озлобило хининцевъ противъ русскихъ и киргизовъ. Хининскій ханъ Каипъ запретилъ ходить своимъ киргизамъ чрезъ аузы Нурали, который, вслѣдствіе того, долженъ былъ лишиться пошлининыхъ доходовъ, собираемыхъ имъ раньше съ провозимыхъ товар-

рия. Ограбленный Нурали разграбилъ одинъ ханинскихъ караимовъ, и Каинъ задорвалъ изъ Хана русскихъ купцовъ. Недюевъ, опасаясь за подрывъ вѣтнай торгоши съ Средней Азіей, потребовалъ, чтобы Нурали возвратилъ отнятые имъ у ханинъ товары; но ханъ возвратилъ только часть разграбленного имъ караимовъ. Вскорѣ изъ Малой киргизской орды явился другой ханъ изъ лагуа Ултана-Батыра, избранного народомъ, въпреки желанию Недюева. Новый ханъ былъ отнемъ ханинскаго хана Каппа; онъ сталъ замыкать расположение Недюева и чрезъ него у России, по Недюеву отклонить его домогательство, кинъ соперника Нурали, избранного изъ ханы по его желанию. Русское правительство, стараясь поддержать пострадавшаго Недюевымъ хана, думало, изъ случившегося и набѣгъ киргизовъ, задерживать на линіи тѣхъ или иныхъ, которые, по указанию Нурали, будутъ одного рода съ грабителями, и не отпускать ихъ изъ лагуа до возвращенія похищенного имъ однородцами. Нурали, воспользовавшись этимъ, первѣко изъличной мести и ненависти ухаживать за своимъ врагомъ, кась имъ грабителей, тогда-самъ послѣдніе прѣѣхали изъ степи для хвата товаровъ. Это еще больше обидѣло киргизъ противъ Нурали и Недюева, кась его покровителя; ханинъ и бухарцы, пользуясь этой прискорбной, стали забирать торговлю изъ своихъ рукъ. Братья Нурали хотѣли даже изгнать изъ Хина и просили у Русского правительства 10000 войска и артиллерію для покоренія Хина; но правительство находило въ этомъ боязнь трудностей, чѣмъ пользы, и потому предоставило разрешеніе этой прѣїздѣ на воду сажихъ дѣтей Абуль-Хана.

Между тѣмъ Неплюеву удалось склонить къ принятию русскаго подданства хана Средней орды Абдур-Махмета, а весной 1743 г., благодаря заботамъ Неплюева, быть освобожденъ отъ киргизскаго царя султана Абд-Азиза, подъсажившаго большинство алакюзей на киргизовъ Средней орды. Надѣясь на содѣстствіе этихъ лицъ, Неплюевъ и могъ расчитывать на устойчивый ходъ торговли въ степи и пограничныхъ мѣстахъ съ русскимъ селеніемъ. Для развитія торговли въ Оренбургскомъ краѣ, Неплюевъ старался привлекать русскихъ купцовъ и казаковъ: „о первыго (говорить онъ изъ словъ „Записокъ“) посыпъ я во всѣ матиетраты, уѣбра, что польза собственная ихъ изъ словъ моихъ будетъ снадѣжна, а для киурухъ писать я за границу грамоты, предлаганіи кисть кашгарцѣ, такъ хиншемъ, ташкентцемъ и бухарцемъ изъ торговли, обнадѣживъ и сихъ, изъ пользы. Въ сю посылку употреблять и магометанъ-тиатъ свободы Сеятовой, и какъ сей народъ легко можетъ быть одѣланъ корасію; то а сихъ татаръ и наградить изобильно и обнадѣживъ, по исполненіи ихъ хождесій, наградить еще болѣе, ион, получи первое и лѣстасъ посѣдѣніи, столь усердно по всемъ тѣмъ областямъ старались, что съ 1745 г. земельный налогъ въ Оренбургѣ взымать начали, такъ что и уже въ состояніи быть, вместо получаемыхъ отъ началь той Экспедиціи ежегодно 20000 р. изъ казны, содерзимую отъ доходовъ пошлиниыхъ, а сверхъ того ввезено въ Россію изъ объявленія единожды 5000 р. сер., а больше того членъ вонъ, какое не было въ обычаяхъ, и не мало золота, а пошлинный сборъ доходить до 50000 рублей въ годъ“.

X.

Заботы Неплюева о развитии торговли Оренбургского края.—Манские торговцы из Оренбурга и предметы маны русской—киргизами и башкирами.—Начало манской торговли из Троицкой крепости.—Удаление таможенных сборов, выгоды казны и торгового класса.—Заботы Неплюева о развитии промышленности из Оренбургского края.—Начало промышленной разработки Иланской земли и основание Иланской Запады.—Горнозаводская промышленность.—Из. Борисович Твердышев и отходы из нему Неплюев.—Медноплавильные и жезлодельческие заводы из Оренбургского края при Неплюеве.—Выгоды заводчиков и казны.—Минеральные богатства Оренбургского края, открытые при Неплюеве.

Неплюев такъ умно велъ начатое имъ дѣло развитія торговли, что азіатские куны: хивинцы, бухарцы, сарты и другіе стали прѣбывать изъ Оренбурга большими партиями, несмотря на всѣ трудности пути и опасности ихъ перехода чрезъ киргизскія степи. Самы киргизы охотно продавали изъ Оренбурга для маны русскихъ товары: на лошадей, верблюдовъ и др. скотъ, а въ 1743 г. между ними уже стали обращаться сукна, прятоготовленные изъ русскихъ фабрикъ. До 1743 года манской торгуъ проходилъ изъ Орской крѣпости, или первоначально изъ Оренбурга, а 26 августа того же года Сенатъ, вслѣдствіе особаго ходатайства Неплюева, дозволилъ широкоти глинную манскую торговлю изъ настоящей Оренбурга, изъ Орской же крѣпости были оставлены только нераспроданные товары. Изъ Оренбурга было устроено Гостиницкій дворъ со 150 лавками, въ виду города, за Иномъ, на стѣнной сторѣ—Мановой дворъ съ 148 лаварами и 344 лавками; Гостиницкій дворъ былъ назначенъ для земиней, а Мановой для лѣтней торговли киргизами и средне-азіатскими купцами. Выплатѣ лавки были деревянныя и небольшія, а по-

толь въ 1748—1754 г., благодаря увеличению торговли оборотомъ, Неплюевъ занѣнилъ иль номинально иль на постройку которыхъ, было отпущено 63404 р. 80 коп. Въ новомъ видѣ Гостиный дворъ представлялъ форму четырехугольника въ 104 саж. и 2 четв. въ длину и 24 сажени въ ширину; онъ находился на Большой или Губернской (нынѣ Николаевской) улицѣ, съ которой во внутренность двора вели ворота съ перекрестьемъ, по ини Благодатией Богородицей Матери; на противоположной сторонѣ двора были другія ворота пытадныхъ и надъ ними — куполообразная колокольня. Внутри двора помѣщались магазины; лавки были сдѣланы со сводами и изысканы, такъ что никакая погода не могла препятствовать залу торговли. Въ настоящее время Гостиный дворъ имѣть еще боковыя ворота, устроенные посль большаго пожара, бывшаго въ 1879 г. и уничтожившаго большую часть старого Оренбурга; ворота же поль верхнюю обрамленіе изъ кладовья. Мѣнѣровъ дворъ также имѣть двое воротъ: одно было устроено со стороны Ялка, а другія — изъ стены; надъ первыми находились квартиры таможеннаго директора, а надъ вторыми помѣщались пограничныя тахаки. Внутри Мѣнѣровъ двора находился еще особый Азатской дворикъ, также съ двумя воротами, № 2 лавкамъ и 8 пытадникъ: по два пытада на каждому углу двора; надъ воротами, обращенными къ таможѣ, были построены перекрестья, по ини Св. Захарія и Елизаветы, существующіе досель. Мѣнѣровъ дворъ и теперь служить можетъ главной торговли съ киргизами въ лѣтніе времена. Самая дѣятельная житія товарищъ начиндалась съ половины июля и продолжалась до конца октября,

и иногда и до половины веябра, смотря по времени года и погоды. Въ это время сюда прѣхажало по изѣкополью сотни и по тысячѣ человѣкъ изъ дешъ киргизовъ для ятновой торговли.

Съ открытиемъ ятновой торговли изъ Оренбурга, башкиры и киргизы научились платить дѣятелѣнную стоимость ятвой и зебринныхъ шкуръ, изъ которыхъ они могли получать разные предметы, необходимые имъ быту или удовлетворяющіе ихъ любопытство роскоши. Поэтому скота на зѣбрѣ и птица, изъ которыхъ тогда здесь не было недостатка, сдѣлались любимыми и наиболѣе распространеными промысловъ между ними. Изъ Башкирии шли изъ Оренбурга бобры, бѣлки, волки, зайцы, горностай, выдра, ласки, куницы, рысь, ворви, лось, росомахи, медведи, яхъ и т. п., а изъ киргизскихъ степей — бабры (¹), ворви, дикия кошка, сурик, суслики и др. Чиншевщики доставляли сюда кабаны туши и клики, сайгаковъ, бизону, кляй, икру и рыбу, а съ Волги везли вихухоль. — Ричкомъ свидѣтельствуетъ, что изъ Оренбурга ежегодно привозилось отъ 15 до 20 тысячъ единицъ волчьихъ шкуръ, отъ 40 до 50 тысячъ корсаковъ и отъ 30 до 40 тысячъ лисицъ. На основаніи этихъ цифръ можно отчасти судить, какъ велика была торговля зебринами шкурами и яхъами изъ Оренбурга; но мало приносилъ выгоду промышленникамъ и тор-

(1) Въ бобрахъ не склоняется съ бобровъ; некоторые бобры, по свидѣтельству Ричкома, при побояхъ рога были длинныи гладки и могли рѣзть лапами и даже деревья. Бобръ отличается оторванными ушами, покрытыми на рукахъ или концахъ перьями, желточными съ зеленками, глаза серые, моча коричневая, когда измѣняется температура, лапами быстры и сильны; бобровъ особенно много живетъ въ водахъ Аравийского моря и на р. Сузы-Дарье.

тоили лебяжьими шкурками, доставляемыми преимущественно изъ Гурьева городка, и некоторые породами птицъ, напр. петреками, соловками и беркутами, которых башкиры и киргизы охотно выманивали на свою товариа, употребляли изъ для охоты на волковъ, лисицъ, ворсаковъ и др. зверей. Въ Оренбургъ башкиры также продавали оттось бортовой медъ и воскъ, каштаны купчамъ, русскимъ и татарамъ; но главные предметы японской торговли, быть сочтутъ, состояли скотъ и хлѣбъ, какъ существеннѣа потребности жизни. Въ періодъ времени съ 1746 по 1759 г., т. е., изъ течению 14 лѣтъ, один киргизъ вывозилъ изъ Оренбурга 49697 лошадей и 258122 гол. рогатаго скота, что по тогдашніемъ тарифамъ цѣлья стоило немного менѣе одного миллиона рублей, или по нынѣшнему курсу около 3 миллиона рублей; но и эти весьма значительныи цифры, трошки, никакъ дѣйствительныи, потому что количество выманиваемаго скота изъ таежныхъ юдомостяхъ не всегда покрывалось вполнѣстью. Въ замѣтъ скота, киргизы получали разныи чугунные, желѣзныи и иѣздыя изделия, а также—бархатъ, парчи, сукна, шелковыя ткани, полууметы, платки, ленты, выбоинъ, тесьму, зеркала, руммы, блузки, бисеръ, холстъ, кофты, табакъ и особенно хлѣбъ.

П. И. Рычковъ, какъ современникъ и очевидецъ, говорить, что иѣзды съ бухарскимъ и хивинскимъ прѣѣзжали въ Оренбургъ для торговли и другое „самые изряды“, изъ которыхъ бывали кунсы и кунтели снимки отдаленныхъ городовъ Средней Азии. Товары средне-казахскихъ кунсонъ состояли изъ простыхъ бузашихъ и отчасти полушелковыхъ тканей, различного сорта парчей, полотенъ, черниахъ и сбриахъ бухарскихъ

ечинокъ. Кроме того, они привозили лаписъ-изумрудъ, широкія киссы, бумажные полотна и шёлковые материи индийскаго приготовленія. Изъ Ташкента вывозили виноградъ, шашлыкъ, пшеница ячмень, зброки, груши и другіе фрукты. Но первое место, по важности и цѣнности, между вывозимыми изъ Азіи предметами занимали серебро и золото. По смерти персидскаго шаха Надира, его сокровища, разграблены Токмакъ-Кули-Ханомъ, разошлись почти по всей Средней Азіи и въ такомъ огромномъ количествѣ, что не только хивинские и бухарскіе купцы, но и простые киргизы пріѣзжали въ русскія пограничныя крѣпости и на Мѣновой дворь въ Оренбургъ съ ящиками, наполненными рушниками (¹) и другими посторонними монетами или слитками изъ никеля, такъ что изъ Оренбурга доставлено было въ Государственное казначейство одними извѣсами до 6000 п. чистаго серебра (²); не мало было вывезено и такъ называемаго копытчатаго золота. Отъ 1748—1756 г. вывезено изъ Азіи изъ Оренбурга и обывало въ тибетахъ, большую частью изъ персидской, индійской и бухарской монетъ: золота 66 пуд. и серебра 4600 пуд., что по тогдашней цѣнѣ на золото и серебро равнялось 4.112.000 рублей.

Изъ вышеупомянутыхъ цифръ и фактовъ видно, что Неплюевъ проочно поставилъ торговлю съ среднеазіатскими народами въ Оренбургѣ; во Оренбургѣ не было единственнымъ местомъ японской торговки съ извѣсными восточными соседями: съ 1750 г. была открыта японской торгу въ Троицкой крѣпости (нынѣ уездный городъ Оренбургской губерніи). Чтобы не подорвать главнаго торга въ Оренбургѣ, Неплюевъ при-

(¹) Рушникъ развалился тогда 40 ми. изъ золота деньги.

(²) 6000 пуд. серебра, по тогдашней цѣнѣ, равнялось 4.838.400 руб.

жилье вѣхъ средне-азіатскихъ купцовъ, которые будуть прѣѣхать изъ Троицкую крѣпость, отсыпать для распродажи ихъ товары изъ Оренбурга; изъ Троицкой же крѣпости конда производиться иѣла товары только съ купцами Средней киргизской орды. Всеворѣ Троицкая крѣпость получитъ значеніе большаго торгового ринка, благодаря тому, что киргизы Средней орды были богаче и менѣе склонны къ вымѣшанью и грабежу. Для маковой топогоды, адѣль также бывѣлъ построенъ особый дворъ, изѣмъ до 600 лягоукъ и амбаровъ, и привезъ учреждены таможни съ директоромъ и чиновниками.

Приглашеніе Неплюевыи для торга изъ Оренбурга русскихъ купцовъ также не осталось бесплоднымъ: на его зовь прибыло иѣсколько купцовъ изъ Ростова, Тулы, Сибири и Казани. Ростовскій купецъ Дюковъ открылъ изъ Оренбурга рыбную топогоду, а сибирскій изѣмщикъ И. В. Твердышевъ, сдѣлавшійся потомъ, какъ упомянутъ, самъ предпринимчимъ заводчикомъ, занесъ большую торговлю жалѣзомъ. По слѣдимъ Дюкова и Твердышева вошли купцы: Иванъ Полуарославцевъ, Андрей Евреиновъ, Даниилъ Зенекій, Василій Макаровъ и другіе купцы изъ внутреннихъ городовъ Россіи. Такъ образовалась, благодаря заботамъ и трудамъ Неплюева, торговля Оренбургскаго края съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширялась, что, между прочимъ, ясно доказывается постепеннымъ ростомъ таможенныхъ пошлинъ. До Неплюева, какъ мы видѣли, пошлины сборъ не превышалъ 3372 руб. 39 $\frac{1}{2}$, коп., тогда какъ пришелъ онъ не бывать менѣе 44188 руб. 61 $\frac{1}{2}$, коп., а въ 1751 г. возросъ до 85123 руб. 84 $\frac{1}{2}$, коп. Начинался 1742 г., когда Неплюевъ прибылъ изъ Оренбурга.

ескій крайъ, и до 1764 г. общая сумма поступившаго сбора равнялась почти 400000 руб. (въ именнѣ 398911 руб. 93''), такъ-что всего, кроме золота, серебра и дорогихъ каменьевъ, изъ течеи 12 лѣтъ было проѣзжено тоннажа на 8 миллионовъ рублей, или изъ средней вывозъ почти на 700000 руб. ежегодно. Но, приносъ таю дохода мѣстнѣ, оренбургскаго торгоули доставляли еще больше выгода русскимъ купцамъ: сначала они получали до ста процентовъ, или рубль за рубль; вслѣдъ прибыль хотѣ и уменьшилась, вслѣдствіе увеличенія тарифного класса, но все-таки при Неплюевѣ не бывала менѣе 40 коп. на рубль. Такъ умѣть сажать и разводить торгоулю въ этомъ разширенно и запущенномъ краѣ южныи и трудолюбивый Неплюевъ—Блестящіе успѣхи величайшей торгоули Оренбургскаго края въ средне-азіатскими народами подали Неплюеву на международную известность, дальнѣйшаго са развитія изъ глуби Азіи оны соединили обширный проходъ о торгоули Россіи съ Индіей; но этому счастью и злу прокту не дали дальнѣйшаго хода, что не мало огорчило Неплюева.

Не меньшѣ плодотворна была дѣятельность Неплюева въ отношеніи развитія промышленности въ Оренбургскомъ краѣ. Самыми прибыльными и распространеннѣи промыслами изъ края бывали солани и рыбаки, за которые Неплюевъ и обратилъ должное вниманіе: при немъ, между прочимъ, было положено начальство промысловой разработки Илецкои соли. Въ 1744 г. оны командированы для осмотра замѣтной горы соли маюра Кубланского, который произвелъ пробу соли изъ 53 метровъ на самой глубинѣ. На склонѣмъ году для той же цели былъ отправленъ англичанинъ Инивъ, служившій полковникомъ

въ Ревельской драгунской полку, а съ 1754 г. Илеща соль поступила въ вѣдомство казни. За разработку Илещой соли издавна сотинки Оренбургского заочного войска Алексея Угличского, обязанные доставлять ей въ казну ежегодно въ количествѣ 50000 пудовъ, по 6 коп. съ пуда. Кроме того, Угличский долженъ быть на мѣстѣ добыванія соли построить на свой счетъ, при содѣйствіи инженеровъ, небольшую крѣпость съ батареями для пушекъ, кишары для гарнизона, несколько покоя и промышленныхъ магазинъ, доставлять осенюю и зимнюю дрову и посыпь изъ Оренбурга провозить на своихъ подводахъ. Такимъ образомъ изъ Киргизской степи возникло новое укрѣпленіе—Илещкая Защита, куда была переведена рота Алексеевскаго пѣхотнаго полка изъ полковъ комплектъ для религиозныхъ нуждъ солдатъ и рабочихъ, которыхъ бывало ста во дни и больше, построена была первою и изъ нея определены особый престъ. — Казна, неподзапечатанная раньше отъ Илещой соли ничего, цѣны теперь отъ нея до 15-ти тысячъ годового дохода. Не мало сдѣлала подданаго Неплюева и для улучшения рыболовства по р. Яику, настоѧть, чтобы все нижнее течение его было отдано изъ боярскаго владѣнія Ильшаго войска, при чёмъ войско получило право уничтожить Гурьевскіе утуги, измѣненіе размѣра выходу рыбы изъ моря изъ Яика (1), и рыбачить изъ сѣверной части Карапайскаго моря изъ протяженія почти ста одиннадцати съ половиною верстъ, начиная отъ Пороховаго бугра до р. Соколки. На особенное вниманіе заслуживаетъ длительность Неплюева изъ отношенія разработки Илещой соли на земли оренбургской

(1) см. выше стр. 147 въ Труды горнозаводской Комиссии

иція горнозаводской промышленности въ Оренбургской краѣ, гдѣ до него не было ни одного завода.

Въ инструкціи, данной Кираллону при его от-
правлении въ Оренбургскую губернію, было сказано,
чтобы онъ особенно старался „о съскѣ рудъ и мине-
раллогъ и о изведеніи заводовъ“. По прибытии въ Уфу,
Кираллон въ узакъ о богатыхъ рудныхъ залежахъ
изъ окрестностей Табынска, и положить устроить адъек-
тивный заводъ, поручивъ это дѣло башкион-
скому купцу Ивану Утятникову. Въ десяти вер-
стахъ отъ Табынской крѣпости, на р. Воскресенка,
у подошвы Воскресенской горы, въ 1736 году былъ
застроенъ Воскресенскій заводъ и дѣло уже было
въ концѣ; но начавшись среди башкиръ, бунтъ
погнали его окончаникъ башкиры въ 1737 г. разрушили
изведенія зданія завода, а смерть Кираллова „съ
избрѣніемъ и вновь уничтожилъ“. Ближайшіе преемники
Кираллова должны были обратить все свое вниманіе
на усмирение башкиръ и устройство края въ отно-
шениіи его безопасности, тѣль-что до Неплюева ничего
не было сдѣлано по устройству завода и развитію
горнозаводской промышленности въ Оренбургской
краѣ. Между тѣмъ, пітишее и внутреннее состояніе
Россіи въ это время требовало того, чтобы, не пото-
щшиденія денежныхъ средствъ казны, содействовать разви-
тию производительныхъ и природныхъ силъ государ-
ства; поэтому было позволено разрабатывать руды
частнымъ лицамъ. Не смотря на неблагопріятная условія
для горнозаводской промышленности въ Оренбург-
ской краѣ, гдѣ частныхъ капитальность не было,
Неплюевъ приступилъ къ дѣлу, избрать себѣ помощ-
ника Ивана Борисовича Твердышиева, весьма
дѣятельного, трудолюбиваго и честнаго человека.

И. Б. Твердышевъ былъ сибирскій купець. Онь началъ свое промышленное дѣло въ Иркутской губерніи съ торговли мясомъ. Въ то время, когда Неплюевъ возникъ, Твердышевъ, послѣдній жилъ въ Сибири, будучи уже купцомъ, и пользовался возможностью уважаться за свою честность и неподкупное желаніе быть полезнымъ обществу. Неплюевъ предложилъ ему поставку проината изъ Оренбурга, чтобъ Твердышевъ выполнилъ съ рѣдкостью добросовѣстностью и знаниемъ дѣла, склонивъ притомъ уступку въ 20000 руб. противъ казанскихъ поставщиковъ. Узнавъ о покореніи Неплюева подольскими горнозаводскими промышленности изъ Оренбургской крѣп., Твердышевъ изъялъ желаніе и готовность заняться горнозаводствомъ, если только изъ него отпустятъ ему и позволятъ возобновить разрушенный башкирами медеплавильный Воскресенскій заводъ. Благодаря ходатайству Неплюева, Твердышевъ получать право на возобновленіе Воскресенского завода, обязавшись выплатить штрафъ 565 руб. 79/, коп. и устроить заводъ въ течение трехъ лѣтъ, подъ отвѣщеніемъ за неуточку штрафа въ 300 рублей. Но Твердышевъ, благодаря опытности и тщательно уживаясь съ башкирами, окончилъ постройку завода въ одинъ годъ, при содѣйствіи своихъ братьевъ (Иакова и Петра) и сибирскаго купца Ильи Малеина; опровергъ Твердышевъ избрать для устройства завода новое мѣсто, перестъ на 90 кмъ выше Табынска на р. Торъ, впадающей въ р. Нуругушъ, притокъ притока р. Бѣлой.

Представилъ дѣло обѣ отдать Твердышеву Воскресенскій заводъ въ Сенѣть. Неплюевъ изложилъ письмо и дальнѣйшаго разчитъ горнаго дѣла въ Оренбург-

быть перенесены на р. Ай (притокъ Уфы) (1). Выгоды отъ добыванія и обработки жгута обратили на себя внимание и высокопоставленныхъ лицъ изъ Петербурга: графъ А. С. Строгановъ строить для жгутанія заводы Троицкій, или Самарскій на р. Сатка (притокъ Аи) и Архангелскій на р. Артъ (притокъ Уфы); графъ П. И. Шуваловъ, изъ компаний съ коллежскимъ званиемъ Кольчугинъ Матвѣевъ, основать въ 1754 г. жгутаніе заводы: Азово-Петровскій, Нижне-Дагимскій, а также на рѣкахъ Каїръ, Зигантъ и Шашенскъ. Въ 1757—1758 годахъ возникнуть жгутаніе заводы Твердышева и Масниковъ: Каменъ-Назаровскій и Юрьевскій; Твердышевъ также положить основаніе заводамъ: Сысертскому, Голубинскому, Тирлянскому и Мисакову.

Такимъ образомъ въ Оренбургскомъ краѣ, где до Наполеона не было ни одного завода, въ теченіе шестидесяти лѣтъ его управляемой краснѣ, было заведено и открыто 28 заводовъ, крохъ 3 прокстрированныхъ; изъ 28 заводовъ—малопомѣшаемыхъ было 15, а жгутодѣлывающихъ 13; при всѣхъ заводахъ числилось 2250 дворянъ, 11 храмовъ, 7 домовъ, 19 горницъ, болѣе 56 печей и свыше 70 золотонъ для расковки жгута. Сначала Оренбургскіе заводы находились въ вѣдѣніи Оренбургской губернскай канцеляріи, а потомъ въ 1754 г. въ Уфѣ было учреждено Оренбургское Горное Правленіе, изъ иѣдомство котораго и перешла всѣ заводы края, крохъ Гаринъ-Сергиевскому, Нижне-Сергиевскому, Каслинскому, Киммыльскому и Назар-Петровскому, подчиненныхъ Глазиному Горному Правленію въ Екатеринбургѣ. Устроение заводовъ, безъ сомнѣнія, требо-

(1) 25 ноября 1855 г. Златоустовскій заводъ перенесенъ въ уездный городъ Губкинскъ тѣмъ, что въ то время находилась въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ имуществъ въ Уральскомъ Горномъ Правленіи изъ Екатеринбурга.

также личами, желавшими получить отъ князя *Воскресенский* заводъ, на которомъ было устроено Твердышевъ въ изъ сеѧ планированіи нача съ гарніхерскимъ горнами. Всѣдѣ за Воскресенскій заводъ стали открываться и другие; въ теченіе пяти лѣтъ (1748—1753 г.) Твердышевъ, въ компаніи съ своимъ землемѣромъ Ив. Михаиломъ, устроилъ еще чотири мѣдеплавильные заводы: въ 1748 году — *Прображенскій* на р. Урмань-Алмерѣ (притокъ Сакмары); въ 1751 г. — *Боголѣбскій* на р. Барнотѣ, впадающей въ Эмбѣ (притокъ Бѣлої); въ 1752 году — *Архангелогородскій* на р. Аль-Сырѣ (притокъ Бѣлої); и въ 1753 г. — *Барковорскій* на р. Торѣ, впадающей въ Нугушъ, правый притокъ р. Бѣлої. Примеръ Твердышева увлекъ и другихъ: тульские купечки братья (Иванъ и Максимъ) Модоловы построили въ 1751 г. на р. Камѣ (притокъ Бѣлої) *Кало-Никольскій* мѣдный заводъ; въ то же году сибирскій купецъ Матѳй Михаиловичъ изъ Уфы, основалъ *Благовѣщенскій* заводъ; въ 1752 г. тульские купцы братья Красильниковы (Григорій, Иванъ и Петъръ) на р. Шаронѣ, впадающей въ Симѣ (притокъ Ика) построили *Архангеловскій* мѣдный заводъ; сибирскій купецъ Герасимъ Глазовъ изъ р. Качуѣ, впадающей въ р. Шемчу (притокъ Камы), положилъ основаніе *Богословскому* заводу, а балашовскій купецъ Ив. Осокинъ изъ р. Кадашѣ (притокъ Большаго Ика, впадающаго въ Калгу) устроилъ *Троицкій* мѣдеплавильный заводъ.

Въ то время, когда горноиздѣлствіе промышленность въ Оренбургской краѣ, благодаря заботамъ Неплюева и трудолюбію Твердышева, стала быстроразвиваться, правительство распорядилось сплавиро-

култ и Сынъ, а графъ Карлъ Клонвальдт фонъ-Си-
мферсъ основалъ Мозесенскій издѣлъческій заводъ
на р. Иргизѣ, опадающей въ р. Белу.

Всѣ вышеупомянутые заводы были издѣлъ-
ческие; изъ нихъ 15 находились на дѣятіи еще
при Испаніи, а 3 были только проконструированы. Между
тѣмъ въ разныхъ избахъ Башкирии, особенно на Си-
бирикской дорогѣ, найдены были богатые залежи же-
лезныхъ рудъ, обработка которыхъ обходила большія
издержки, чѣмъ выплавка меди, потому изподчиши образо-
вали превосходное минераліе на добываніе и вы-
дачу железн. Въ 1746 году тульскій купецъ Коробко-
въ основалъ на истокѣ Кургузки, или Каелин-
ской, избѣ железнай заводъ, преданный во владѣніе Никитѣ
Демидову. Въ 1747 году въ Уфимской провинціи на
р. Нагѣ, впадающей въ р. Уфу, Петъръ Осокинъ
построилъ Нак-Петровскій железнай заводъ, пер-
ешедшій потомъ къ тульскимъ купцамъ Мессоловымъ
и проданный ими тому же Демидову, которому также
принадлежала и Кинешмскій железнай заводъ на
р. Кинешма (прав. притокъ Уфи), въ 20 верстахъ
отъ Каелинского завода. Въ 1751—1754 г. братья
Иванъ и Василий Порфириевичи Мессоловы устроили
Златоустовскій чугунно-литейный и издѣлъческий
 заводъ, представивший въ то время образцовое
изведеніе горнозаводской промышленности. Первоначально
 заводъ этотъ назывался „Космуръ“, а позже по
 имени трехъ сыновей Акилія Большого, Григорія Боголюбова
 и Іоанна Златоуста, сталъ называться Златоустовскимъ;
 сначала онъ былъ застроенъ на рѣчкахъ Сатинѣ и Ку-
тишѣ, но поздѣніе выдѣлѣты воды въ эти рѣчки.

быть перенесены на р. Ай (приток Уфы) ('). Выгоды отъ добычи и обработки железа обратили на себя внимание и высокопоставленных лицъ из Петербургъ: графъ А. С. Строгановъ строить для железнаго завода: Троицкій, или Соликамскій на р. Сатка (притокъ Аи) и Аршинскій на р. Артъ (притокъ Уфы); графъ П. И. Шуваловъ, въ компаніи съ коллежскимъ ассессоромъ Константиномъ Матвеевымъ, основать изъ 1754 г. железнаго завода: Азотко-Петровскій, Нижне-Азотскій, а также на рѣчкахъ Кагъ, Зигантъ и Шипешакъ. Въ 1757—1758 годахъ возникнутъ железнаго завода Твердышева и Масниковъ: Кашинъ-Ильинскій и Юрьевскій; Твердышевъ также положить основание заводамъ: Сылскому, Бальоринскому, Тиралымскому и Минскому.

Такимъ образомъ изъ Оренбургскаго края, где до Неплюева не было ни одного завода, за теченіе шестнадцати лѣтъ его упраздненія краѣть, было паведено и открыто 29 заводовъ, кромѣ 3 проектированныхъ; изъ 29 заводовъ—подтвержденныхъ было 15, а железнодѣлательныхъ 13; при всѣхъ заводахъ числилось 2250 дворянъ, 11 хранцовъ, 7 доменъ, 13 горноз., более 56 печей и свыше 70 котловъ для раскопки жалѣза. Сначала Оренбургскіе заводы находились въ вѣдѣніи Оренбургской губернской канцеляріи, а потому изъ 1754 г. изъ Уфы было учреждено Оренбургское Горное Промыселное, изъ вѣдѣнія которого и перешли всѣ заводы края, кроме Верхне-Сергинскаго, Нижне-Сергинскаго, Каслинскаго, Кашинскаго и Назо-Петровскаго, подчиненныхъ Главному Горному Промыслу въ Екатеринбургъ. Устройство заводовъ, безъ сомнѣнія, требо-

(*) 20 ноября 1852 г. Балашовскій заводъ переданъ изъ уѣздной городъ Уфимской губерніи въ вѣсточное время находился въ вѣдѣніи Канцелярии Государственнаго и Тривиальнаго Горнаго Промысла въ Екатеринбургъ.

вало большого количества рабочих рукъ, и потому способствовало заселению края. Одни изъ крестьянъ внутренней Россіи, надѣясь на выгодный заработокъ, переселились сюда добровольно, другіе же или изъ заводы по желанию есть владѣльца— заводчиконъ, но особенно заводы сдѣлялись притономъ для бѣлыхъ, изъкошмарожденныхъ и вспомнившихъ родства. Заводы, устроенные частными лицами, доставляли выгоды каменъ, были еще прибыльны для ихъ содержателей: М я с-
н и к о в и м, избѣгшіе изъ себѣ при открытии заводъ въ 1756 г. до полмилліона рублей долгу, по теченье 28 лѣтъ прѣобрѣлъ 8000 душъ крестьянъ, построилъ несколько заводовъ, уплатили весь долгъ и скопили еще два со избыткомъ ляг.пона рублей чистаго каменъ. Каждый заводчикъ съ 10 душъ выставленной имъ хѣдѣ получалъ чистой прибыли 50 руб., или 5 руб. на душу хѣдѣ. При такихъ барышахъ, когда 100 руб. давали прибыли еще 400 или 500 руб., можно было легко накапливать и миллионы.

Кромѣ богатыхъ залежей каменныхъ и золотыхъ рудъ, выхванинныхъ изъ пѣдъ земли Твердышевскъ и его посѣдовителями, при живомъ содѣстствіи Неплюевъ, въ Оренбургской краѣ оказалось не мало и простыхъ каменныхъ породъ, обработка которыхъ также начальась при Неплюевѣ и доставила значительныя выгоды местному населенію. Недалеко отъ Оренбурга добывали плитной камень, употреблявшийся на строеніе крѣпостей и зданій въ самогъ городкѣ; особеной доброкачественностью отличался камень, который брали въ 22 верстахъ отъ Оренбурга, при уроціи Гробенъахъ. Въ 5 верстахъ отъ Оренбурга находилось злато и золото, а въ Гробенъахъ даже были устроены крѣпости на золотой и золотниковской рудѣ, и 12

известковые залежи, где на излете извести шелл плитный камень. Около Татищевской крепости брали и чугу, близъ Озерной—а лебастръ: на вершинѣ р. Вабай и Мисотинской волости добывали слюду, которая также встречалась въ горѣ Гирьаль, между Ильинской и Верхне-озерной крѣпостями, и въ Чалдаутской волости, между озерами Ирзали и Уадей. По берегамъ многихъ рекъ, въ горахъ и на равнинахъ Башкирия находили разноцѣнітные камни: и ракоръ, хрусталь, яшму, агаты, турмалины и др., большими и малыми штуками. Изъ Петербурга были привезены въ Башкирию особые каменотесцы, которые собирали различные камни и, обдѣливъ ихъ по длины, подливъ, присыпали ихъ въ Оренбургскую кинемарку, откуда они были отправлены живой изъ Петергофской точильной мельницы. Богатство глин изъ Оренбургскаго края дало возможность устроить нѣсколько кирпичныхъ заводовъ, доставлявшихъ матеріалъ для возстройки городскихъ зданій и кладки печей; особенно славились кизильская, губернанская, чебаркульская и увельская глины, отличающаяся огнепрочностью. Но плодить приходилось доставить еху разные сорта глины и отправить ихъ для пробы въ Петербургъ, где чебаркульская глина была признана за лучшую и годную для выдѣлки фарфора, а увельская глина оказалась лучше даже чебаркульской: изъ шуда этой глины можно было получить для кирпича такого чистого фарфора въсомъ въ 5 фунтовъ. Въ 1752 г. изъ Петербурга былъ привезенъ промышльщикъ порцелановой фабрики, который подъ руководствомъ бергъ-майстера Виноградова и занялся прожигкою глины. Благодаря заботамъ Неплюева, излечены были изъ земли и другие минеральные богатства; на Сибирь

въ Курганѣ и въ Краснодарѣ на Краснодарской дорогѣ при р. Синѣ, т. Кудеїской волости, и некоторыхъ другихъ мѣстахъ найдено достаточно солитровъ; а въ горахъ Айлинской волости переходиша Ураздинъ открылъ квасцы; докторъ Ридеръ около села Кислинскаго въ Окуневскомъ уѣздѣ нашелъ купоросимыя воды, по р. Соку (притокъ Волги), близъ Сергиевскаго городка, было много сѣрии; неподалеку отсюда были указаны и нефти и мѣдные ключи. Заботясь о широкомъ развитіи промышленности, Неплюевъ постарался найти золотниковъ и для обработки стекла, — при цехѣ т. Исетской промышлениіи было устроено два стекольныхъ завода: одинъ на р. Духонкѣ въ 23 в. отъ Исетска, а другой въ 15 верст. отъ него же на р. Юзѣ; первый принадлежалъ челябинскому купцу Асанасію Битюгову, а второй челябинскому же купцу Феодору Токареву съ братьями. Въ семи верстахъ отъ Исетска, на р. Боровкѣ, Асанасій Битюговъ также устроилъ шляпную фабрику, а въ 78 верст. отъ Исетска, на р. Осинопекѣ, графъ П. И. Шуваловъ завелъ анлокуреній заводъ. Кроме того, при Неплюевѣ жители Оренбургскаго края научились приготовлять спиртъ изъ молока и сыворотки для домашнаго употребленія, а изъ крапивы пряди шнитки и ткали холсты. Стель напѣвтииши изѣлѣа изъ южнаго пуха, какъ оренбургскіе пуховые плантіи, также получили свое начало при Неплюевѣ, благодаря содѣйствію П. И. Рычкова. Въ южныхъ мѣстахъ губерніи были сдѣланы агиты разведеніемъ хлопчатой бумаги, при помощи химикаль, бухарцевъ и ташкентцевъ, чѣмъ также занимались и ткачи Каргалинскѣй или Сентовой слободы, основанной въ 18 верстѣ отъ Оренбурга, при заселеніи р. Каргали въ Сакмару, въ 1755 году и заселенной къ-

180 краски, открыт, при нанесении, и выходит изъ благородность.
Если отысканы краски изъ этого, то можно думать, что краски
занесены титарами, то глянь съ Сентонъ Хаз-
ли и и мъ.

Цена бумажного хлопка изъ Оренбурга при Нен-
люсевѣ была отъ 10 до 15 коп. изъ сырья вѣтъ и
отъ 30 до 40 коп. изъ праха. При Ненлюсевѣ были
также найдены по многихъ местахъ Оренбургской губ-
ерніи разного цвета краски: крестьяне Карагачского
форшта Скородуловы нанесли синюю краску,
похожую на брусковую, на р. Бердьши и на правомъ
берегу р. Синиры; при Троицкому Раокаловъ мона-
стырѣ добывали краску умбр; около Сергиевска—окру;
на берегу р. Эрзеня, въ Мурзакирской волости на
Сибирской дорогѣ, переводчикъ Урвзлинъ нанесли
израильскую краску, а между р. Симы и Эрзеня въ Куд-
ейской волости нынѣ же открыта самая краска; при
деревнѣ Ильиной, въ 31 в. отъ Исетска, на р. Юрухъ
была найдена лазоревая краска, на подобие субовой.

Ненлюсевъ, тѣкъ усердно трудившись надъ благо-
устройствомъ Оренбургскаго края, былъ вызванъ
изъ Петербурга и награжденъ чиномъ действительного
тайного советника, а Государыня Елизавета Петровна
лично изволила благодарить Ненлюсевъ изъ следующихъ
выраженіяхъ: „Этою прѣмію есть символъ Намъ о
жизни и устройствѣ Нашего Оренбургскаго края и о
населе, губернатора, многомъ родныхъ, за что Мы тебѣ
благодарствуемъ, ты же, губернаторъ, позори, омы
Нашего имени все генеральские и инженерные чины губер-
ніи и всѣхъ находящихъ жизней съ поступкомъ изъ
изумрудленіемъ 1764 года“². Ненлюсевъ, исполнен-
ный чувства благодарности къ Государынѣ за призна-
ніе его заслугъ, отрекшись изъ Петербурга, где онъ
находился въ то время, поручилъ Утлеева, зружину

ему письмо ко всемъ жителямъ Оренбургской губерніи. Узнѣть, по прибытии въ Оренбургъ, долженъ былъ передать письмо Неплюева къ Оренбургскую канцелярию, которой было предписано распорядиться, чтобы изъ первыя же воскресеній или праздничный день письмо было прочитано въ Оренбургѣ, поѢтъ апостолъ изъ соборной храмѣ, и потогдѣ „обывать по городу съ барабанными боемъ, при израдионѣ играни на трубахъ, что учинить на Уфѣ и прочихъ городахъ и по крѣпостямъ“. Въ этомъ письмѣ Неплюевъ, поздравляя оренбургскихъ жителей съ новымъ годомъ, говорить, между прочимъ, следующее: „Выдѣлъ и изумишасть, колико сеѧнъ было служити епархіи Царю! икона служения епархіи Царя, именъ и Богу святона служити; отъ Царя и отъ Бога дадиши мѧду прѣмѣстъ рознолюбия. Будемъ же и спредъ служити епархію, яко должностную епархіи Ея Императорскію Пресвятыю Величества рабамъ служити, и за Ея Императорскія Величества Всеподданнѣйшую Государиню наиму Елизавету Потрояну о Ея высокомъ здравіи Бога молити, и за то наше и Бога помилуяще и Великая Государиня, министрики некущащи о насъ, письма рабамъ своимъ Высокаго милостию не оставити: ибо за насъ усердная служба не проходитъ наконъ до сихъ“. послѣ этого предложено было оставить

Письмо было доставлено У таѣвъ и по назначению, и прочитано изъ соборной церкви въ Оренбургѣ съ торжественной обстановкой. Всѣ были довольны и рады; никто и не подозрѣвать, что русскому населенію Оренбургскаго края угрожала страшная опасность со стороны башкиръ, покинувшихъ, какъ увидимъ сейчасъ, подъ руководствомъ каштранского муллы Батыра и Альфея. Переидемъ теперь къ краткому изложенію башкирскаго бунта при Неплюевѣ.

XI.

Башкирскій бухтѣ въ 1766 г. и его руководитель мулла Батыриш Альбертъ. — Намѣреніе къ восстанию Батыриша изъ магометанъ. — Содѣйствіе замосквича Батыриша татарскому мулле. — Начало бунта и его распространение. — Задруднительное положеніе Русского правительства. — Мѣры, предпринятые Неплюевымъ изъ потушнія мятежа. — Вѣтство башкиръ изъ киргизскихъ, междуусобной рѣзни и поиска Батыриша. — Представление Сулеймана Демидова Императрицѣ, ого смерть, награжденіе сына Демидова и старшаго Никиты Абдуллина. — Основаніе Зеленогорской крѣпости и сооруженіе Зуяральского дистрикта. — Попытка Батыриша изъ болгу и смертъ его. — Общий взглядъ на вымѣту Неплюева для Оренбургскаго края и выплатеніе за него Демидова.

Въ то время, когда Оренбургскій край казался устроеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ и когда его обитатели, занимаясь промыслами и торговлей, стали ужевыивать о междуусобной рѣзни русскихъ и башкиръ, — скажемъ, когда, повидимому, все обстояло благополучно, — среди башкировъ начался мятежъ, во главѣ котораго находился кашерекскій мулла Абдулла Мазгильдинъ Альбертъ. По свидѣтельству Неплюева, Батыришъ былъ человѣкъ хитрый, отличавшійся умомъ и непримиримой ненавистью къ русскимъ; ему было въ это время около 46 л. отъ роду; по наружному виду Батыришъ былъ среднаго роста, смуглолицъ, сухощавъ и безбородый отъ природы. Получивъ первоначальное образованіе въ Канской волости отъ однаго муллы и продолжая потомъ усердно заниматься изученіемъ магометанской религіи, Батыришъ считался однимъ изъ ученѣшихъ муллъ въ Башкирии, почему собственно и получалъ прозваніе Мазгильдина. Проживши въ разныхъ деревняхъ, онъ занимался обученіемъ детей, въ духѣ исламской вѣры, совершая богослуженіе и учить народъ.

Литературный альманахъ

чтить Магомета и его последователей. Проповѣдь Батырина доставила ему славу ученаго, съ которымъ многие татарскіе мудры не осмѣявались даже вступить въ споръ. Задумавъ жалѣть башкиръ противъ русскихъ, Батырша тщѣ лонко избрать свое дѣло, что пакъ его затѣяния былъ открыть только въ то время, когда онъ уже преступилъ къ его выполнению. Батырша задумалъ страшное дѣло: онь воинственныя неблагія съ мюнѣманскій мѣра прошли русскимъ. Одноцѣленість башкиръ и татаръ, склонство ихъ обычаевъ и языка съ киргизами и другими инородцами Оренбургскаго края ручались за успехъ дѣла. Самый бунтъ облекался знаменемъ борьбы за иѣзу Магомета, будто бы поруганную русскими. Батырша началъ подготовлять все инородческое населеніе края къ бунту съ 1754 г., разъѣзжая по всей Башкирской народъ своимъ проповѣдями; въ то же время онь киравъ и подспѣшилъ воззвание къ казанскимъ татарамъ и киргизамъ, приглашая ихъ действовать за одно, сообща, — а тѣ, въ другие изгнаныи готовясь помочь башкирцамъ. Предположено было промежести *общую* разницу русскаго *изъ наименій губерній* Оренбургской, Соликской и Казанской. Когда все было готово для начатія выступа, Батырша отъ своего имѣнья написалъ всенамѣніе къ магометанамъ, изъ которогъ приложилъ привидѣтельными краснѣжа обрисовать то положеніе, когда магометане еще не были подъ изгнаніемъ русскаго, и изъ противоположности этому изобразить красную картину ихъ состоянія въ зависимости отъ русской власти.

Онь писалъ, между прочимъ, въ своемъ всенамѣніи, что многие магометане пріимаютъ христіанскую иѣзу противъ иѣзуша, вслѣдствіе притѣсненій со стороны русскихъ; что русскіе нарочно стараются послать

— между башкирцами ссоры и вражду; что поэтому нужно отстать отъ сюда съ лошадьми, защищать православныхъ и убивать русскихъ; что настало время, когда нужно готовить сабли, копья, луки, стрѣлы и ружья, чтобы изгнать всѣхъ русскихъ изъ Башкирии. Батыръ также старался убѣдить башкирцевъ, что достичнуть этого легко, потому что за путь—Волга, что русские—трусы и что изъ Астрахань изъ Турции прошли сильные войска, для утверждения русскихъ. Батыръ дѣятельно похвалилъ татарскую вулли, которую, разставивши поисходу, проводили, что каждый православный мусиметанинъ долженъ изъ защиты своей птицы взять оружіе; что, даже изъ случаѣ пораженія, они не должны умѣть, потому что всѣмъ павшимъ въ бою за вѣру Магометъ обѣщала отпущеніе грѣховъ. Такимъ образомъ опасная и грозная туча собиралась надъ головами русскихъ поселенцевъ Оренбургскаго края; необходимъ былъ наложенный громоотводъ, чтобы отвести и разсѣять эту тучу.

Немногого до открытия бунта Неплюевъ былъ настроенъ отправить изъ Башкирию своего сына Николая Ивановича, служившаго въ это время пре-отцѣ, разыскать о состояніи дѣлъ въ краѣ: шѣсть-ли башкирцевъ отъ кого обидѣ, спокойно-ли все и т. д. Но въ ночь, начавшую отъѣзда сына, съ Неплюевымъ сдѣлались жестокіе горячка; болѣвой попросилъ пустить ему кровь, отчего еще больше ослабѣлъ, потому и былъ привѣденъ отложить поѣздку сына до другаго времени. На третій день послѣ этого, Неплюевъ, не оставившій еще съ постели, получитъ донесеніе, что въ Бурзянской волости на Нагайской дорогѣ башкирцы убили проезжающаго изъ Петербурга каменотеса Бран-

тииа, а на Исетскомъ тракту были разорены почтовыя станции и убито множество человѣкъ. Шайка бунтовщиковъ—башкиръ, состоявшая изъ ста человѣкъ, избрала жертву, дѣтей, скотъ, разные пожитки и скрыласьъ подъ кирпичной стеной. Почти одновременно съ этимъ вскорѣ нудо восстаніе и въ другихъ изѣстахъ, такъ-какъ въ воззміи Батырина было значеноъ день (10 июня 1755 г.) и даже часъ для одновременного начатія бунта во всей Башкиріи. Вокругъ же Бураинской же волости было убито старшинъ изъ меншерикъ Абдула Вагапъ, выѣхѣть съ писаремъ и еще двумя меншериками. Въ августѣ 1755 г. вселеніе охватило волости: Тюлягаурскую, Усергетскую, Тальянскую, Сугуль-Кипчакскую и Чакинь-Кипчакскую; жители этихъ волостей частію и сами присоединились къ бунтовщикамъ и устремились изъ кирпичныхъ стѣнъ, совершивъ по дорогѣ разные злодѣйства. Шайка башкиръ, предводительствовавшая Салтыкомъ и Тлауибетомъ, разорила и сожгла юденильный заводъ графа Ал. Иван. Шувалова, находившийся въ верховьяхъ р. Яны, въ драгунской ротѣ, командированной Вахмѣстѣвымъ, подъ начальствомъ капитана Шкаспека, для защиты завода графа Петра Иван. Шувалова, была вся перерѣзана въ одной горной тѣсниѣ, кроме двоихъ калмыкъ и 3 башкиръ. Ошибливые бунтовщики иногда не довольствовались однимъ убийствомъ, а разбрасывали по дорогамъ жало убитыхъ, изрубленное въ куски, и съѣдѣніе забранть и хищными птицами.

Правительство, узнавъ о бунтѣ башкиръ, было въ большомъ затруднѣніи, тѣмъ болѣе, что Россія готовилась къ это времію къ Семилѣтней войнѣ съ Пруссіей и союзниками.

себя; не безопасна была для него и своеобразная роль персидского шаха Надира, мечтавшего сдѣлаться мужемъ Русской Императрицы Елизаветы Петровны. Предъ многочисленными и отважными войсками Надира помогли въ развалинъ Хива, Дербентъ и Шемаха, воцарилось все Закавказье; изъ Надира гремѣло по всему Кавказу и Средней Азии до границъ, простиравшихъ англійскихъ владѣній изъ Ост-Индіи. Не смотря на всю трудность предстоявшей борьбы съ башкирами, и на свою болѣзнь, Неплюевъ одинаково не потерялся, а началъ действовать и вызвать правительство изъ затрудненія, не прибѣгая даже къ кровопролитной войнѣ, которой можно было ожидать. Благодаря исключительно своему исключительному уму и опыта, Неплюевъ спасъ жизнь, имущество и спокойствие русскихъ обитателей Оренбургскаго края мириными средствами.

Получивъ известіе о бунтѣ, Неплюевъ немедленно распорядился, чтобы во всѣхъ крѣпостяхъ и редутахъ были приняты мѣропріятія юры предосторожности къ занятію бунтовщиками, а въ случаѣ надобности — дѣлались и выскаки за нихъ; Инцому войску вѣдѣно немедленно коминдировать 100 казаковъ; третью драгунскими полками: *Московскимъ, Троицкимъ и Рогачевскимъ* приказано выступить изъ глуби Башкирии и сдѣлать за бунтовщиками; четыре армейскихъ полка: *Азовскій, Астраханскій, Владимирскій и Нижегородскій*, находившіеся изъ Казанской губерніи, должны были поспѣшить въ Оренбургъ, при чёмъ Неплюевъ счѣтъ указъ и мѣста, где они должны были собраться, и дать подробныхъ наставлений, что дѣлать для подавленія восстания; то, каждый полкъ бывалъ назначенъ особые проводники изъ офицеровъ, которые хорошо знали Башкирию и рас-

положение башкирскихъ юлищъ. Въ то же время Неплюевъ затребовалъ 1000 Донскихъ казаковъ и отъ Калмыцкаго хана 1000 чл. казаковъ. Тогда же 1000 чл. Оренбургскихъ казаковъ и 500 Ставропольскихъ казаковъ были немедленно командированы въ тѣ же места по линіи, где наиболѣе можно было опасаться киргизскихъ набѣговъ; для той же цѣли было употреблено 1000 инзенскихъ казаковъ подъ командою капитана Тимашева, отличавшагося храбростью и опытностью въ воинскомъ дѣлѣ. Главное начальство надъ всеми войсками, численность которыхъ простирались до 20000 чл., было委托ено генерал-майору Ив. Александровичу Салтыкову.

Одновременно съ этими военно-оборонительными мѣрами, Неплюевъ, желая отстранить киргизъ отъ участія въ жалежѣ, написалъ киргизскому хану Шурале, чтобы онъ удерживалъ свой народъ отъ восхожденія выставшихъ башкиръ. Сомнѣвалась въ вѣрнѣ хана на орду. Неплюевъ продиктовалъ своему сыну Николаю Ивановичу посланіе къ киргизскимъ старшинамъ, обѣщаю имъ за содѣйствіе въ усмирѣніи башкиръ Высочайшую милость, и приказать послать подарки; въ противномъ же случаѣ, т. е., еслибы киргизы прошли на сторону башкиръ. Неплюевъ угрожать имъ жестокими наказаніями. Съ подарками и кознаніемъ, что киргизъ быть отпримѣнъ только же магометанѣ, которому также были даны особые листы на татарскомъ языке, сочиненные самимъ Неплюевымъ, отъ имени Оренбургскаго ахунъ; въ нихъ было написано, что хотя самъ ахунъ и радуетъ подвигу своихъ единовѣрцевъ-башкиръ, но сомнѣвается въ успехѣ ихъ дѣла, а въ случаѣ удачи опасается, чтобы башкиры, какъ

Народъ неостоянныи и зироджини, не избрали бы иль же киргизовъ своей жертвой. Толмачъ, по распоряженію Неплюева, долженъ быть, подъ видомъ особыго довѣрия и дружбы, тихонько, какъ-бы по секрету, раздать эти листы властельнымъ киргизамъ или же, какъ-бы случайно, „обронивши“ ихъ въ удобныхъ для того кѣстахъ. По всей Башкиріи были разосланы указы, на конъкъ объявлялись прошеше всѣмъ бунтовщикамъ, крохѣ антишарифъ, если только они привнесутъ повинную; тому же, кто пойметъ и представить въ Оренбургъ руководителя бунта Батыршу, бывшъ обѣщана награда иль 1000 рубл., а если кто пойметъ и привнесетъ 10 чл. его именитыхъ учениковъ, тому — 500 рублей. Крохѣ того, Неплюевъ постарался также распространить въ среди башкиръ широче сочиненные имъ листы, отъ имени того же ахуна, на коихъ было сказано, что Батырша предестинецъ и нарушитель закона; что это заступничество за поруганный будто бы русскими законъ Магомета, безъ подтверждений всего магометанскаго духовенства, противно Корану, а потому его предпріятіе должно кончиться гибелью башкирецъ; что онъ ахунъ, по своей должности, обязанъ прознать башкирецъ противниками законъ и прощать имъ только иль с состраданіемъ къ нимъ и по иль неизѣстству. Чтобы шандѣть живѣе资料 самаго ахуна и скрыть себя, какъ сочинители листовъ отъ его имени, Неплюевъ постарался обожнить съ ахуномъ, оказавши ему особенное расположение, а иногда нарочно, на присутствии магометанъ, скромно заводилъ съ нимъ разговоръ о начинавшейся катаклизмѣ среди башкирецъ. Этотъ ахунъ, по отзыву самого Неплюева, былъ человѣкъ умный и очень мало расходился во мнѣніи съ тѣмъ,

что было наложено Неплюевымъ въ листахъ отъ его
жены, о существований которыхъ яхуя ничего не
знала.

Намъ уже известно, что инородческое население Орен-
бургскаго края состояло изъ двухъ неподопранныхъ
группъ: башкиръ, составлявшихъ господствующій
классъ населения, и чиновничьи и бобымъ и др. ино-
родческихъ элементъ, которыхъ постепенно производи-
лись силою обстоятельствъ въ-бы въ крѣпостное
отношеніе къ башкирамъ; вслѣдствіе такой неравно-
правности, послѣдніе вербако относились краждой. Неплю-
евъ разославъ къ жившимъ въ Балхаріи татарямъ и
меншеракамъ указы, воощрилъ ихъ действовать противъ
бунтовщико-башкиръ и разъяснилъ имъ, что они обя-
заны противиться бунту и содействовать его потуше-
нию не только какъ вѣрноподанные рабы Государини,
но и для своей безопасности и выгоды; что ненависть
противъ нихъ башкирцевъ имъ хорошо известна и
что главнѣйшая причина восстания башкиръ скрывается
въ стремленіи ихъ обратить всѣхъ меншераковъ и
татаръ въ рабство. При этомъ Неплюевъ выражаетъ
надежду, что они скорѣе другихъ могутъ оказать ему
помощь и въ попыткѣ Батыря и его учениковъ,
и что ему особенно было-бы пріятно, еслибы обѣщан-
ное за то вознагражденіе досталось кому-нибудь изъ
нихъ. Расчетъ Неплюева былъ искрѣнній: «татари и
меншераки (живущіе онъ въ своихъ „Запискахъ“) съ ти-
кою ревностью противъ башкирцевъ выступили, какой
только хотѣть возможно было, а значитѣйшее ихъ стар-
шинамъ отпралили отъ себя для ссыпки тѣхъ измѣ-
тателей такихъ людей, которые изъ въ лицо звали.

Въ сей же поиски поехали одинъ престарѣлый и иной всегда добіжій старшина чешеракскій, которому было болѣе 80 л. отъ роду². — Между тѣмъ указы и листы, разосланные Неплюевымъ по Башкирии, изѣли тотъ успѣхъ, что иной, отдѣлившись отъ бунтовщиковъ, приходили съ поиной къ Неплюеву и получали отъ него, имѣтъ съ прошеніемъ, и охранные указы.

Для продовольствія войскъ, которыхъ должны были пребывать въ Оренбургской краї изъ Казани, съ Дона и др. и есть, были устроены особые производственные магазины, подъ руководствомъ и прискорѣю оберъ-прокуратора-изѣстера Жедухина. Когда явилась въ Башкирию затребованная Неплюевымъ регулярнаго войска и казаки, Донскія и Яицкія, башкиры, видѣ невозможность сопротивляться имъ одинакъ своими силами, бросились за Яикъ, чтобы потомъ возвращаться оттуда имѣтъ съ киргизами и обратить восстание въ свою пользу. Не смотря на пришлии по линіи предосторожности и мѣри изъ прегражденію переправы башкировъ черезъ Яикъ, болѣе 50000 ихъ успѣли уйти и скрыться въ киргизскія степи. Однакожъ наименѣи башкировъ на киргизъ не осуществлялись: Неплюевъ, при содѣстствіи сибирскихъ татаръ, такъ пересорвалъ башкировъ съ киргизами, что между ними произошла междуобиная рѣза, кончившаяся тѣмъ, что киргизы отбѣгали изъ глубь степей, а остатки башкиръ возвращались назадъ и привнесли раскаяніеъ своихъ поступокъ, стѣснившись навсегда краями киргиза.

Вскорѣ поѣтъ того, какъ Неплюевъ назначилъ 1000 руб. за понику Батырши, посѣтдій получать письмо, изъ которогъ его просили поберечь свою голову.

иу: для поиски его постыды были команды и каше-
рикской старшины Янишъ Абдуллахъ, въ со-
провождении 200 чоловѣкъ, ии лизахъ. Ватирша
стъ изъ сколькихъ сообщиний бѣжалъ изъ лѣса, где и
скрывался отъ същиковъ. Проскиталась изъ лѣсу изъ-
подъко мѣстечка, онъ рѣшился отправиться въ Пе-
тербургъ, чтобы доложить лично самой Императрицѣ
о претензіяхъ и иуждахъ башкортовъ. Пробрахшись
изъ Казанской утады, Ватирша цѣлою жизнью изъ-
подъко мѣстечка и скрывался изъ одной листа, изъ лѣсу. Съ изъ-
ступленіемъ лѣта изъ деревни Юзайлъ, Ватирша былъ
зобнѣнъ кашерикской старшиной Судейманомъ
Девлѣвичъ, который проводилъ его къ Неплюеву;
затѣмъ, всѣдѣю распоряженіемъ Сената, Ватирша
былъ отправленъ подъ конвоемъ и со всеми предосто-
рошеніями, изъ Тайную Канцелярію. Дорогой Бати-
рша заботился и потому изъ сколькихъ времена жить
изъ Москви. При допрошѣ онъ заявилъ, что, крохѣ спо-
кой Государини, никому ничего не скажеть. Когда
Батирша сказали, что Государиня признаетъ его по-
ложить, и пусть отъ напишетъ ей о стоянкѣ „секретаря“;
то онъ хотя и согласился на это, но просялъ оберъ-
секретаря Хрущова дать кличу изъ томъ, что его пи-
шетъ будетъ переданъ Государинѣ перасматриваніемъ.
По составленію своего паклия, Ватирша былъ от-
правленъ изъ Москви въ Петербургъ. Здѣсь онъ
заявилъ о своемъ желаніи видѣть православнаго спо-
кіїшника, чтобы побесѣдоватъ съ нимъ о христіанской
верѣ, присовѣшивъ, что если онъ (Ватирша) убѣдятъ
еиу превосходствѣ христіанскаго икона предъ иконо-
мѣстечкомъ, то принять христіанскую веру и умереть
христіаниномъ. Съ этой целью изъ Ватирши былъ за-

зичнаго клонарь Петровицкаго собора Стефансъ Левицкій, который и бывалъ у него неоднократно. Батирша, избранный, желалъ только кое-нибудь избавиться отъ наказанія или затянуть слѣдствіе. Въ золотинѣ 1757 г. Батирша былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Меншиковскій старшинъ Сулейманъ Деваевъ былъ отправленъ изъ Петербурга и 24 декабря 1756 г. предсталъ передъ Государемъ, которая признала его вину чистою, и обѣщалась исполнить просьбу его о томъ, чтобы старшину на его мѣсто было назначенъ его "близкій" сынъ. Находясь изъ Петербурга, Деваевъ заболѣлъ и 14 февраля 1757 г. скончался. Сынъ Деваева, согласно желанию отца, былъ определенъ старшиной на его мѣсто и получалъ подарки, предназначенные его отцу, а именно: 1000 рубл. денегами; шуба изъ каминового трикотажного бархата, подшитый голубымъ градинтуроемъ и обложеній кругомъ золотыми пуговицами съ городками; подсдѣбница изъ золотой шарчи, подложенное блѣной саржей и отороченное золотыми пуговицами съ хрустальными пуговицами изъ серебряной оправы; соболью шапку съ верхомъ изъ такого же бархата, какъ на кафтани; серебряный золоченый кошелъ изъ 4 фунта 46 зол. вѣсога, съ вензелемъ, двумя бордюрами и надписью: „Къ Ея Императорскому Величеству отъ величайшаго отрицанія и разнѣтнаго службу нежалованнаго магістратскому старшину Сулейману Деваеву въ 1757 г.”^(*); Деваевъ также получилъ соблюдать такую же надписью золотыми буквами, съ серебра-

(*) Замечательно, что этотъ кошелъ сохранился досѣ и находился въ музеѣ Шлиссельбургского замкового музея въ Фрайбургѣ; есть изображение профилей форму изъ небольшихъ выступовъ въдѣланъ изъ серебра 51 пробы; перегородки и спиральны, изъ золотой струны.

шить эфесомъ, съ ножами изъ малиноваго бархата и съ серебряно-изъзолоченіемъ паметомъ; кольца эфесъ, тисъ и ножны были украслены по мѣстамъ голубой фианитами, бирюзой, яшмою и небольшими краснаго пѣтия яхонтами; ножъ же сабель быть штуочно-серебряный, изъ золота быть штучка были вставлена голубымъ фианитами.— всѣхъ штучекъ съ пружинами и паконечниками было 70; сверхъ того Думецу быть подъгревъ *железъ серебряный кумачъ*. Мещеринскій старшина Ильинъ Абдуллипъ, съдѣйствовавшій Девале въ то время Батыриши, получиль же награду отъ Императрицы 100 червонцевъ и дорогую саблю, а лично отъ Неплюева—карманнаго сукна изъ кафтана и штофа изъ полукафтана. Зная хорошо гористолюбивъ башкиръ и киргизъ, Неплюевъ тотчасъ же дѣлъ знати по всей Башкирии и изъ киргизскіе племя, какъ щедро награждаєтъ Русская Государина первыхъ слугъ отечества и не только ихъ сыновъ, но и дѣтей ихъ.

По осени 1757 г. все войска, назначеніе для усиленія башкирціи, были отпущены изъ своихъ мѣстъ, кроме Ишшихъ казаковъ, которыхъ было приказано заселить близъ башкирской линіи по Ногайской дорогѣ. Чтобы изѣть ближайший укрѣпленный пунктъ для наблюденія за башкирцами и сдерживать изъ попытки ихъ нападанія. Неплюевъ распорядилъ устроить на р. Зеленой, внутри Башкирии, особую крѣость, которая получила именіе (отъ реки) Зеленской; та же была поселена отдаленный гарнизонъ, спешенный пѣхоты, необходимый для обороны, ислучай возмущенія башкирціи. Водостоки: Бурзянская, Каракалъ-Кинчатская, Тамъзанская, Усргинская, Тангаурская и Сугутъ-Кинчатская состоя-

или особый Зауральский дистриктъ. Командиръ Зеленогорской крѣпости обязанъ быть особенно наблюдать за ташиной и спокойствиемъ внутри Башкирии.

По окончаніи бунта, Неплюевъ отправилъ изъ Петербургаъ съ подробными изложеніями всего хода событій своего сына Николая Ивановича, который, несмотря на горестную утрату изъ этого самого прока сына и жены ('), много пожалѣлъ большому отцу, и потому вполнѣ достойно быть награжденъ чиномъ майора, а изъ слѣдующемъ году чиномъ подполковника, безъ всякаго предотлаганія со стороны своего отца, какъ главнаго начальника и смѣдителя его трудовъ: Неплюевъ единожды былъ склоненъ, чтобы пытавшись предъ Государизной ходатыи своего сына. Между тѣмъ Батирша находившійся изъ Шадисольбургской крѣпости, задумалъ бѣжать изъ тюрьмы. Воспользовавшись тѣмъ, что приставленный къ нему часовой заснулъ, Батирша схватилъ попавшійся подъ руку топоръ и нанесъ изъ смертельныхъ ранъ капитану Иванитину, солдату Хойутову и часовому Лазареву и Епифанову. Сирота пять лѣтъ послѣ своего заключенія изъ Шадисольбургской крѣпости, Батирша скончался и, по распоряженію Сената, быть зарытъ изъ му изъ крѣпостной стѣной.

Такимъ образомъ башкиры и киргизы и союза не могли одолѣть ума и находчивости Неплюева, который успѣялъ бунтъ безъ пролитія русской кроны, несмотря на свою старость и болѣзнь. Батирша и его сообщники сами вонзили изъ ту аму, которую они приготовили для русскихъ, и увлекли за собой къ гибели

(*) 11 мая 1762 г. у него умеръ сынъ Николай, и 29 мая того же года скончалась и его жена Татьяна Федоровна.

многих киргизъ и башкиръ; красны асмаралы и ачалы
быть лгой и иллюзіи, угрожающей большою опасностью
всему русскому населенію Оренбургскаго края, погасъ
сплыть соборъ. Мы уже знаемъ, что бунтъ Батыревъ изъ-
чалъ въ то время, когда Неплюевъ лежалъ больной
въ горячкѣ, а между тѣмъ приходилось много думать,
беспокояться и усиленно работать; жаль было ему и
своего сына, лишь только склонившаго молодую жену.
Небывалованные труды, умственное напряженіе силъ и
блескавшия ночи, которыми Неплюевъ проводилъ за спло-
щными бумагами, душевные тревоги и волненія,— все
это сильно разстроило здоровье Неплюева; онь до того
ослабѣлъ и утомился физически и умственно, что болѣ
не могъ оставаться на трудномъ и ответственнѣйшемъ
посту оренбургскаго губернатора, поэтому онь и отпра-
виль въ Петербургъ сына съ прошеніемъ о своемъ уволь-
неніи отъ занимаемой имъ должности. Въ 1758 года Неп-
люевъ получить указъ обѣ отстани, а на его место
быть назначенъ тайный советникъ Адрианъ Розинополь-
Да ви дозвъ.

Въ 16 лѣтъ своего управлениія Оренбургскій
краснѣ, Неплюевъ такъ живо сдѣлалъ для него по-
лезнаго, что вполнѣ достоинъ названія „устрои-
теля“ этого края и благодарной памяти о немъ пѣхъ
его жителей. Мы видѣли, какая скрупуль и смиренная
дѣятельность проходила при Неплюевѣ въ Оренбург-
скомъ краѣ. Положенъ оспоиль, лисицомъ и дурманомъ
источникъ Оренбургъ; благодаря его же заботамъ, по
Сакмарѣ, Ураду, Юю и т. др. местахъ возникло счи-
те се и де сати юныхъ крѣпостей, форпостовъ и
редутовъ; во его плану были заново укреплены го-
родки: Ишткѣй, Илецкѣй и Гурьевскъ. Заботясь о инт-

ней безпеки жителів. Неплюєвъ то же время, какъ мы видѣли, вводить промысл судъ среди башкиръ и русскихъ поселеній края; устроаетъ внутренній порядокъ въ Ян长久 войскъ, оберегая его экономические интересы; заботится объ улучшении быта и жизни крещеныхъ католикъ и другихъ инородцевъ всѣрнаго ему края. Создавая полезу христіанскаго просвѣщенія инородцевъ и грамотности, онъ хлопотаетъ объ открытии школъ для образования русскихъ, а также—башкиръ, калмыковъ и др. инородцевъ. При Неплюевѣ въ Оренбургской губерніи значительно увеличиваются населеніе; вводятся и заселяются земли свободы; идетъ распашка п. ф. л и и чъ черноземной земли; прокладываются дороги, гдеихъ раньше не было; наводятся прочно устроенные мосты черезъ реки, оправы и тата; устраивается почтовый трактъ отъ Троицкой крѣпости до Оренбурга и отъ Оренбурга до Москвы; на обширномъ пространствѣ степей, где раньше шла братоубийственная борьба приближавшихъ сторонъ, тѣхъ граби лоды, коровы и лѣти, да пыдали села и деревни,—такъ при Неплюевѣ строятся православные храмы и воздухъ оглашается первозданной благовестомъ, превращающимъ людей на общественную molatvu и иссушающимъ душу человѣка усмѣхательное примиреніе съ жизненными неизгодами; среди крещеныхъ инородцевъ распространяется ученіе Господа Нашего Иисуса Христа,—ученіе братской, всепрощающей любви. Неплюевъ изыскиваетъ способы въ мѣре изъ безопасности торгового караванного пути въ Среднюю Азію чрезъ киргизскій степи, вслѣдъ содѣстуя разнѣю торговли и промышленности въ краѣ; при его участіи и руководствѣ, отыскиваются руды и различная минеральная

богатства края, строится жигаловильные и жидалопильные заводы; онъ же спасает имущество и жизнь поселянцевъ Оренбургской губерніи отъ всеобщей рѣзни, которой угрожала христіанамъ императорскій мурзъ Батыръ, зауманий поднять все ногайское населеніе края противъ русскихъ, — вообще говоря. Неизвѣстъ любилъ Оренбургскій край, какъ свое дѣтище, заботился о немъ и лелеялъ его, какъ попечительный отецъ. Выростъ, укрѣпилъ и надѣлилъ всѣхъ необходимымъ это дѣтище. Неизвѣстъ распорѣсталъ съ нимъ никогда и письмомъ 1758 г. отправилъ изъ С.-Петербурга.

XII.

Прибытие Неплюева въ С.-Петербургъ и его служба при Петре III и Екатеринѣ II. — Петра Неплюева зрѣлъ и вышелъ въ чистую отставку. — Частная жизнь Неплюева въ С.-Петербурге. Давидъ въ Шаддуѣ. — Заботы о воспитаніяхъ внуковъ. — Предсмертное письмо къ сыну, приготовленіе къ смерти, похороны и погребеніе Неплюева. — Отъездъ о Неплюевѣ Голиковъ. — Общий взглядъ на внутреннее состояніе Оренбургскаго края послѣ Неплюева. — Отношеніе къ Неплюеву его преемниковъ по управлению Оренбургскимъ краемъ. — Желание князя Волконскаго увековѣчить память о Неплюевѣ и его заботахъ это открытие въ Оренбургѣ Неплюевскаго училища. — Неплюевскій Едукативный Корпусъ въ Оренбургѣ. — Празднованіе отъкрытія годовщины со дня кончины Неплюева и юбилейности 200-лѣтій избранія со днія его рожденія.

По прибытіи въ Петербургъ, Неплюевъ болѣе года оставался безъ должности, нуждался въ спокойствіи и отдыхѣ послѣ усиленныхъ и постоянныхъ трудовъ по устройству Оренбургскаго края. Но смотря на свои громадныя заслуги для Россіи, онъ какъ-будто былъ забытъ на некоторое время съ его старостью,

изгощенными силами и даже нуждой. Въ Санктпольѣ архивѣ изъ С.-Петербурга до сего сохранилось прошеніе Неплюева на имя Императрицы Елизаветы Петровны, изъ котораго видно, что Иванъ Ильиничъ, по прѣдѣлѣ въ Петербургъ, не получалъ даже положеннаго ему по чину жалованья въ теченіе почти полугода, начиная съ 1 мая 1758 г., что и заставило его обратиться съ прошеніемъ къ Высочайшему има. Въ своемъ прошеніи Неплюевъ, между прочимъ, писать Государынѣ: „Не подучалъ жалованья, яко небогатый чиновникъ, къ содержанию во чину послу краинамъ подготавлялся именемъ“. — Государыня прокляла немедленно удовлетворить просьбу Неплюева. Принесены легкой и скорой нахини, злостные банкроты, безнердичные кудаки, хищники башкирскихъ земель, винточники, лихоницы и пособие поклонники золотаго тѣльца называли бы Неплюева, по меньшей мѣрѣ, чудакомъ, который не уѣзжъ воспользоваться обстоятельствами и своимъ положеніемъ для обезпечения себя не только „къ приличному содержанию по чину“, а и къ удовлетворенію всѣхъ пріятей чрезвычайной роскоши. Но Неплюевъ, склонный службу Оренбургской службѣ Басу, трудился „не иго идомъ, а изъ уваженія сознанія и прискорбнаго служенія долгу“. — Заботясь обѣ увеличенія доходовъ казны и торгово-промышленного класса, онъ лично довольствовался лишь самыми необходимыми въ его положеніи, — чертѣ же высшей степени благородныхъ и симпатичныхъ къ Неплюеву! — со временемъ, конечно, подъальтернико

Отдохнуть отъ труда и оправившись вѣсколько адорошеньемъ, Неплюевъ въ 1760 г., несмотря на свою преклонную лѣтъ, снова поступилъ на службу въ амни сенатори и конференц-министр. Предполагая, можетъ

быть, воспользоваться изысками из Петербурга, съѣхъ купаль-
собѣ въ Сѣниой, близъ церкви Христа Спасителя,
дожъ и сдѣлать къ нему значительный пристрой, поэтомъ
дожъ скоро оторвалъ; въ октябрѣ 1761 года Неплюевъ
купаль другой дожъ изъ Миллеровской улицы и лачу у кня-
гини Натальи Федоровны Долгоруковой, находив-
шуюся изъ Шлиссельбургской усадьбы, възвѣши р. Тесна,
близъ порога изъ р. Невы. Въ трагикомическое изъ-
мененіе Петра III доказывается Неплюева и чѣмъ
особеннаго не проинились: „блызъ я говорить съ
ко „Запискахъ“ у меня должностнаго складчено, но изъ-
мы же: ибо мысю уже и звѣмъ магъ я изработалъ“. Екатерина Великая, сдѣлившись Императрицей, сразу
оценила Неплюева и приблизила его къ себѣ. Поз-
тѣже, изъ его опытности и необыкновенной умѣ-
лии поручила Неплюеву, во время своихъ отсутствій изъ
Петербурга, вѣсъ столичныхъ войскъ изъ полное его рас-
поряженіе, вѣда съ именемъ чистую переписку и даже пѣ-
рила его заботами и попеченіемъ своего сына, Цесаревича
Павла Петровича. Сонная забота и заслуги Неплюева.
Екатерина II наградила его орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, назначила представителемъ Сенатской
Конторы и подожала, стоять жалованья, по 500 руб.
въ штатѣ за честь. Но не долго простоялъ служить
Неплюеву при Екатеринѣ Великой: съмы его истощи-
лись, однажды и уѣхавъ, а потомъ съѣхъ въ совершенно
осадѣ. Чувствуя, что съѣхъ болѣе не можетъ служить,
Неплюевъ рѣшился проплыть у Государини чистую от-
станку. Однажды изъ воскресеніе онъ лично написалъ
къ Императрицѣ съ просьбой обѣ увольненіи его отъ
службы. Когда склонаго Неплюева подволи изъ Государинѣ,
она усадила его подѣ себѣ и, предугадывая

то памѣріе, сказавъ: „*Я разумѣю теба, Иванъ Иванычъ*! ты, конечно, дочь просимъ въ окресты, но-самъ зналъ — я прежде тебѣ не высыпалъ, пока мы не опредѣлились здѣсь по самъ мысли членами со здѣшними же докторами, со всеми тѣмъ”. — Неплюевъ, растроганный до слезъ, исполненныйъ голосомъ отвѣтъ: „*Панъ, Государыня, мы — ученики Петра Великаго; проходы ила сюда сюда и сюда; никакъ воспоминались, иные думали и никакъ здѣсь селя, а наше никакъ воспоминались, никакъ мыслить и никакъ видѣть себѣ. Никакъ я не могу ихъ за сюда, никакъ за сына моего, ручаться!*” — Передиши обѣ этичь изъ своихъ „Записокъ”, Неплюевъ замѣтилъ: „*мужи есть были, но лишь чѣмъ за мужа!* — *Я скажу, чѣмъ честопомалъ*”.

Императрица, не смотря на свое желаніе удер-
жать Неплюева на службѣ, принялъ отъ него проше-
ніе, и онъ вскорѣ былъ уволенъ отъ всѣхъ должно-
стей, гражданскихъ и военныхъ, получить въ награду
за первую, честную, молодежную и преданную изъ-
мѣну службу отечеству вѣсколько деревень въ Малороссіи, какъ-бы въ замѣщъ отнятыхъ у него разныя (1), въ 20000 руб. денѣгами. Послѣ этого Неплюевъ иѣ-
сколько времени спокойно прожилъ въ Петербургѣ.
Каждый день утромъ онъ бывалъ за обѣдомъ въ своей
домовой церкви; здѣсь принималъ друзей и знакомыхъ;
особенно часто наѣздали его графы Чернышевы
и Панины, князь А. А. Вяземскій, Нарышкины,
Мещерскіе и др.; не забывали старика
и сама Государыня Екатерина Великая, которая иногда
обѣдала у него, какъ говорится, въ-просто, посемей-

(1) Съ. выше стр. 82. — *здесь, тутъ, въ-просто, посемей*

вожу. Въ 1766 г. Неплюевъ пожелалъ побывать къ сестре родномъ. Поддубѣтъ, чтобы поклониться врачу родителей и поколоться обѣихъ упокоенія. Отправившись изъ Поддубье имѣтъ съ сыномъ Неплюевъ прожить тамъ 11 дней и черезъ Москву выѣхать въ Малороссію, а его сынъ Николай Ивановичъ пократился въ Петербургъ къ своему землемѣру по службѣ. Въ началѣ февраля 1765 г. Неплюевъ пробѣгъ изъ Ильинъ во вскорѣ заболѣлъ и написать сыну, чтобы онъ привѣсталъ его. Николай Ивановичъ немедленно поспѣшилъ къ больному отцу и по приѣздѣ нашелъ его въ безпрерывной и сильной жару. Чувство радости при видѣніи съ любовью сына подействовало весьма благотворно на больного отца чрезъ недѣлю, по приѣзду сына. Неплюевъ могъ уже вставать и ходить по комнатѣ. Въ сентябрѣ того же года, Николай Ивановичъ, по сознанію и желанію отца, отправился изъ другія помѣстья въ Малороссію, взять брдущий ихъ кладѣль и хоронить, чтобы на мѣстѣ и непосредственно познакомиться съ бытомъ и состояніемъ крестьянъ. Ихъ отсутствіи сына Неплюевъ снова заболѣлъ и до возвращенія его вользонался заботами и попеченіемъ губернскаго коменданта П. А. Румилиева и его жены Екатерины Михайловны. Возвращеніе сына снова благотворно отозвалось на здоровье Неплюева. Видя слабость отца, Николай Ивановичъ уговарилъ его перебрѣхать изъ Петербурга и жить имѣтъ съ нимъ; въ январѣ 1766 г. Неплюевъ, имѣтъ съ сыномъ, отправился изъ Петербурга и поселился адѣль на дачѣ. Но трудолюбивому человѣку сидѣть безъ дѣла хуже, чѣмъ хвѣппому работать. Неплюеву очень скоро надобна бездѣятельная дачная жизнь, и неугомонный до старости

труженникъ отправился чѣмъ родное озеро Подлубье, гдѣ зародилъ хрящъ, въ которомъ, потомъ, киевъ увилилъ, и похоронили его.

Поселившись въ Подлубье, Неплюевъ при помощи другихъ занимался хлѣбопашествомъ, а въ свободное время слушалъ чтеніе книги, для чего содержать при себѣ особыхъ двухъ чтецовъ. Варочинъ письмы и газеты уже не интересовали его,—онъ самъ говорилъ: „я книга я уже не зѣлаю съмнитъ, потому что считаю себя уже скончало это лѣто“. Но Неплюевъ и въ это время не жилъ особымъ или заткюранымъ: домъ то всегда былъ сажинъ хлѣбосольскимъ пріютомъ для постороннихъ лѣтъ. Сосѣднее двоеніето особенно любило посѣщать старика Неплюева, спрашивали его опытъ, состоять изъ труднѣйшихъ обстоятельствъ жизни и находило большое удовольствіе слушать его разсказы о бывшемъ, а извѣстно, что старики горіадо лучше вспоминаютъ то, что случилось давнѣнь-давно, чѣмъ то, что было недавно: Илья Ильиничъ рассказывалъ о бывшихъ временахъ съ такою сжизненностью и съ такими подробностями, какъ будто все это было вчера. И было же чего послушать отъ этого почтеннаго и многогодиаго человека!—Заведеть-ли онъ бывало рѣчь о Петре Великомъ, какъ онъ на корабляхъ плыть и самъ топоромъ и пилой плотничать, какъ въ этомъ государствѣ щадить подъ именемъ простаго дворяниня Петра Михайлова, или со шведами воевать, у Св. Митрофана Воронежскаго изъ дому бѣгать, къ себѣ его принимать, вѣстъ съ нимъ по городу изъ одной киргѣи (¹) щадить и вѣстъ хорошия его; начнетъ ли бывало Неплюевъ раз-

⁽¹⁾ Илья Ильиничъ Митрофановскаго монастыря изъ Бороды рѣшилъ транзитъ киргѣи, изъ которой Петръ Великий (по преданию) щадилъ городъ съ Святителя Митрофана. Киргѣя называлась, по захваченнымъ прочной работой, собственно киргѣя.

сказывать о завороженных странахъ, гдѣ они жили и учились; вспоминать ли про турокъ и султана турецкаго, про то ли, какъ сея Орелбургъ строить. Яиныхъ казаковъ мириль и материнскъ башкиръ укрошать; какъ съ кильмычами казаками хлѣбъ-солъ подавать, какъ крестить и золотить ихъ; какъ съ ханырамъ *персидскими* ханъ Абуль-Хасръя сала ханыра; какъ запады устроили, дороги продигали, крѣпости строить, купцовъ оберегать и т. д.—рѣчь его неподобно приковывала къ себѣ внимание слушателей. — И все это Неплюевъ, первымъ не изъ книжекъ, а изъ жизни и службы отечеству привнесъ четырехъ государяхъ и четырехъ государыняхъ,—испакъ и въ наше время съ величайшимъ удовольствиемъ послушать бы такого рѣдкаго и бывшаго человека!

Всюортъ послѣдній Неплюевъ въ Подгубье, его швѣстрии ассессорѣ Бародѣвской и сыну Николаю Ивановичу; здесь же общемъ состоять было решено отправить сына Неплюева, Ивана Николаевича, для образования за границу. Въ началѣ 1767 г. Иванъ Николаевичъ бывъ отправленъ изъ Швеціи на два года. Когда отъ возвращался, по истечениіи двухъ лѣтъ, изъ Россіи, Неплюевъ обратился къ Государю съ просьбой о производствѣ资料 своего сына въ пирденскіе офицера и о новомъ разрѣшении отправиться ему за границу. Императрица Екатерина II, поэже изслуги Неплюева, наградила его сына чиномъ капитана и одното отпустила изъ чужой земли для продолженія образованія. Въ концѣ ноября 1769 г. молодой капитанъ занялъ большую квартиру, изъ сопроисходенія назначенаго къ нему шюра Рейнштейна; а въ январѣ 1770 г. отправился въ заграничное путешествіе, изъ которого вернулся чрезъ два года съ большимъ запасомъ различныхъ сувенирѣй и хорошихъ шапокъ итальянскаго

лики. Въ томъ же году 24 июня было освящено построеніе Неплюевъ изъ Поддубѣ каменный храмъ, въ который, по желанію его сына, было перенесено тѣло покойной жены Николы Ивановича, Татьяны Феодоровны Мещерской, скончавшейся въ Оренбургѣ въ 1755 г. Въ съѣдувшемъ (1773) году сынъ Неплюева получила чинъ действительного статскаго советника и быть назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената, а ишукъ — произведенъ въ секунд-майора. Неплюевъ, узнавъ о томъ и подчинивъ вѣдѣніе о бракосочетаніи Наслѣдника престола Павла Петровича, отправился, поддерживаемый подъ руки другими, въ новопостроенный храмъ, въ сопровожденіи случившихся у него гостей, и здесь въпросилъ священника отслужить съ колѣнопреклоненіемъ благодарственный Господу Богу молебенъ о исполненіи благословій Божіихъ на новобрачныхъ, чтобы Господь, милуя Россію, „дарилаъ корень яго со ствомъ ствомъ“. „Окей и усилится мои болезненные прыпады, а сколько я уже былъ бы беспомощенъ о моей жизни“.— замѣчаетъ по этому случаю Неплюевъ.—„однако жакиыя мысли поколняли меня радостию, чинъ судила либо Господь Богъ дожидается сего со старости моей“.

Въ октябрѣ 1773 г. Неплюевъ, чувствуя неизбывший упадокъ силъ, сталъ приготавляться къ смерти: „Се уже приближается сокъ мой“.— письмо сыну: „любость твоя и честолюбие предвещаютъ разрушение всего яко го, а чѣмъ я предложу судьбамъ Высшимъ; ожидая смерти яъ долженъ поминовать и, насколько возможно чистыку, свободыль фуколь“.— Недѣли за дѣй до своей кончины, Неплюевъ изъ посыпки рѣзь послалъ съѣдувшее письмо своему сыну:

„Николай Ивановичъ!—Сокрушилъ Св. ощур, ари-
гуналъ о твой дѣлѣ симѣ; искалилъ, по возможностямъ,

заповіди Господні. Отъ Всемъштій єсть Исочиній
десѧти блага, любезнихъ и земныхъ, и опрути ѹ Небо
нинею не постыдитися. Сокромлій въ совершилості
вірності твоїй изъ Ея Величеству и изъ учреждениль
отъ Неба и чрезъ Неба наслаждніяло; собілій прауду
го десѧти блага відміхъ и постутихъ, хоти бы тогодь
и пепрілатное чио тибъ за то винесши слухаюсь;
видай, чио Богъ и Ея Величеству прауди твоїи будуть
покровиши.— якъ не за тихъ срока, то посла тобо
чрезъ нихъ откроется. Любі сии отечество и, за до-
зволенії твоєї молитви, не щади не мадко благослові-
мія, но и зелми. Подчинимія твоїма и наче кресиль-
нямъ будь болезні онечъ, нежужи гостподину, наче
присно со звінами слово Вожі: „милости хому, а
не згурти”, и чио тимъ тиже люди, якъ и мы,
кромъ чиновъ и вінчени, даний теби гражданскими
законами. Нагонецъ скажу: уліцький своє вспівач-
ески; она же посолю зборюю токмоу аредна, то и вон-
тиюю каждую філъ изъ пічника якъ видъ преміан-
тиарія". Въ концѣ свого письма Неплюєвъ, обра-
траєть съ колишнімъ къ Господу Богу, говоритьъ:
„Къ Тебя, Отецъ щедрий и милостерій, обращаю мо-
литву мою: сохрани отъ душей си и всіхъ родій твоїхъ и
приступи иго совершилого вісімі сякъ жити Тебя угод-
ное якъ отрокомъ изъ Навії Государимъ и якъ взаду
Отечествомъ". — Письмо закінчується словами: „Еще
щукши, подъ любезный санъ Николай Ивановичъ; ми-
слієши тоба обнілю, щілую, — да будеть благодать
Господня надъ тибоя!"

Весьмай и озабоченній старець підписавъ три ділі дикто-
вать это письмо, а писали его жишиє съ цими племінни-
шими князь Андрей Івановичъ Мышевік і Василій

Васильевич. Ты тищевъ. Когда письмо было написано, Ильиновичъ поклясться приложить только свою руку, но и того не жаль, сдѣлать безъ посторонней помощи: его рукою подпись князь А. Илья Митрофановичъ. Письмо было послано изъ Петербурга съ нарочнымъ 29 октября, а на ночь на 30 октября сдѣлалась съ Неплюевымъ заря, и только на рассвѣтъ оно погибло въ Петербурге? — Спустя дни три послѣ этого, Ильиновичъ, чувствуя некоторое облегченіе, громко спросилъ: „Кто пыталъ стечниковъ? — Не прѣплѣли ли Николай Ивановичъ? — Но отчимъ слыши ли имена яхонты?“ продолжая оть разсуждать какъ-бы самъ съ собою: „я слыши ужъ прошлся и зовъ, что имена, спасите и чью бы пытка спасиши яму ложи? — Уже ничего не осталось“ — Помолчавъ немного, Ильиновичъ снова заговорилъ, глубоко вздохнувши: „еслибы она и прирѣхла, то, крамъ оторвавъ себѣ, иначе не найдетъ, — я зналъ до искажи чуткими: она, умѣя менѣ въ такой ужъ слѣбости, можетъ подредить своему здоровою, а меня своимъ присущимъ — ональчи она ложь дала!“ — Говоря эти слова, Неплюевъ обливался горячими слезами и съ глубокой искрой изъ Бога воскликнулъ: „Ты, Боже, искосыли слыши Свою яхонты!“ — Такъ озабоченъ былъ Ильиновичъ и на одре смерти судьбою своего любившаго сына! — Въ тотъ же день Неплюевъ, какъ истинный и глубокознущий христианинъ, попросилъ спященника отслужить обѣдю и, раскаявшись чистосердечно въ своихъ человѣческихъ слѣбостяхъ предъ духовницемъ отпеть, съ зворою и надеждою на милосердіе Божіе, прюбодившися тѣла и кровь Господа Нашего Иисуса Хри-

ста. После этого, в течение целой недели, Нешкоевъ не поднималъ уже своей головы,—и только утромъ 11 ноября спросилъ: „*будто-ли склонъ обѣдни?*” Когда ему сказали, что обѣднъ будетъ отслуженъ, онъ съ глубокимъ сиротствомъ и тихою грустью проговорилъ: „*моло-лишился обѣ льна граничнаго?*” и—затѣмъ такъ и спокойно скончался.—Не смотря на то, что Нешкоевъ умеръ на 81 году своей жизни, лицо его даже изъ гроба сохранило съ-
ду никогда дневной красоты, какъ свидѣтельствуетъ о томъ одинъ изъ присутствовавшихъ при его погребеніи. Ив. Ивановича положили въ гробъ въ великолѣпной одѣжѣ, именно въ шинѣ и цѣлѣ камакерии ордена Св. Андрея Первозваннаго. Недюжъ еще при жизни сдѣ-
лать подробные наставленія, относительно перенесенія по-
гребенія, указать место для своей могилы и даже самъ
предоставить надгробную надпись.—Погребеніе было
совершено въ фасадный земляной послѣдний гробъ; гробъ
былъ поставленъ по указанию же еще при жизни
ибетъ, внутри построенного имъ Поддубскаго храма.
Въ глубинѣ Поддубской церкви противъ алтаря, на лѣвой
сторонѣ, досудъ поминался гробъ, къ ладончато-
камъ, покрытый червоею чутувною плитою, съ из-
пуклыми изображениями человѣческихъ костей и че-
рецовъ и съ слѣдующую надписью: „*Зрите! все же
тищимая сила, неумѣство и болѣство изгнанника, и
же же измѣнитъ камъ, мало же испытанъ и
ко прѣгу обратится.*”—Здѣсь лежали тело флагман-
ицальнаго майора сопливника, солдата въ обомъ Рос-
сийскихъ орденахъ камакера Ивана Нешкоева, Умеръ
въ селѣ Поддубье, 80 лѣтъ и 6 дней, ноября 11 дня
1773 года”.

Однѣ изъ приближенныхъ лицъ къ Неплюеву

(Голикова), состоящий при всем поминании чтением, также отшипается о покойномъ: „Сей достоинътъный мужъ имѣть разумъ твердъ и тонкій, дѣятельность неусыпную, правоудѣлъ строгое и виновнаго пристрастию и интересами некомпелебимо. Се, между прочими, и то однѣ доказатъ можемъ, что онъ никогда ни отъ кого ни за какое дѣло ничего не имѣть, и никто не съѣхъ къ нему поклониться ни съ какими подвесками. Доступъ до него быть открыть всякому; послушаніе онъ каждаго съ внимательнѣмъ терпѣніемъ; интересы отечества предпочитать онъ своей жизни и благосостоянію своему, привилъ его было служить оному до послѣднаго изненоженія силъ, а потому и не способны ему были вѣтъ, а паче въ молодыхъ лѣтахъ, оставляющіе службу и выходящіе изъ отставки; защищать всегда самодержавіе, вѣльшилучшее изъ всѣхъ, правленіе и исподиять съ благоговѣніемъ волю верховной власти. Къ памяти Петра Великаго имѣть безпрѣблѣвное почитаніе и имя его не имено пропносиать, вѣльшилиценное и почти всегда со слезами. Вѣру и благочестіе соблюдать до конца непарушимо и не выѣзжать никогда со двора, не отлучашь съ литургію, которая въ домовой персти егоажды отражалась; быть врагъ вольнодумства, суеты, ласкательствъ и потаковщиковъ; всяка несчастія и присторбности своимъ съблагодареніемъ Богу, вѣру и искушение Промысломъ Его, управляющему хребесъ смертныхъ; искренность сердца его всегда изливалась и излиялась въ дѣлахъ, тайности неподлежащіи. Сама жизнь Галикова и его труды убѣждиваютъ настолько сиромадливости язига словъ Галикова, близко и хорошо знавшаго Неплюя въ теченіи 20 лѣтъ.

Труды и заслуги Неклюева на пользу обширного Оренбургского края получают еще большее значение, когда мы хотя бы слегка познакомимся с внутренним состоянием его поэзии. Выше было замечено, что поэзия Неклюева быть русским реалистом в Константинополе, наши отношения к Турции были улучшены; но лишь только они оставили поэзию реалистами, как и открылась война России с Турцией, ставившая им очень дорого (""). Ничто подобное случалось в поэзии оставления Неклюевым места оренбургского губернатора: поэзия оно была здесь, Оренбургский край быстро изменился и различался во речах, отношенияхъ: экономической, военной, духовной, гражданской, торгово-промышленной и т. п.; всяки попытки же возвратить Неклюеву предупреждались жестокими и юд-рема. — не то мы видимъ здесь поэзии Неклюева. Среди Иранского войска, интересы которого также временно оберегали Неклюева, снова начались беспорядки, скоро перешедшие въ восстание и из-за присоединенную провинцию двумъ партий, сиамской и из-радской, какъ это было и до Неклюева. Военная Коллегия винчила, для разбирательства взаимныхъ споровъ и жалобъ каковой, особую Слѣдственную Комиссию; но Комиссия только еще более осложнила и обострила враждебность отношений называемыхъ партий. Недовольство широкой партии быстро увеличилось: наши упорствовали и жаловались на бесправедливость следователей. Военная Коллегия должна состоять Следственной Комиссии; но переговоры лишь не могли прервать: упомянутыхъ событий. Военное министерство,

(1) См. выше стр. 23.

беспорядки въ Ишкюль войскъ, казаки изъ 1771 г. безпрепятственно перешли чрезъ Ишкъ и бѣжали въ Китай. Киргизы, нападая на калмыковъ, отнимали у нихъ скотъ, уходили изъ племени и убивали ихъ, такъ что до Китая дошло не болѣе половины всего числа бѣжавшихъ калмыковъ. Между тѣмъ казаки осоры и внутренне беспорядки въ Ишкюль войскъ усилились до того, что изъ листаря 1772 г. изъ Ишкюль городъ венчанули кровлю междуусобной борьбы: съязвенные алобой казаки убили своего атамана Табибовца; изрубили саблями генерала-майора Трабубенберга; сняли безчеловѣчнымъ образомъ лишили жизни дѣлка Сутинина и писара Югупова, бросивъ потомъ ихъ трупы изъ р. Чаганъ^(*); изуродовали капитана гардіи Дурнова; перервали и умертили многихъ старшинъ и простыхъ казаковъ, сторонниковъ старажинской партии; имущество и д旤й убитыхъ были разграблены; дѣлъ Сокольнической Комиссіи уничтожены. Шабашъ страхъ Божій, бунтовщиковъ, остерегавшихъся какъ дикие звери, надругались даже надъ жертвами своей жестокости: убитые были разделы и разуты; генералу Трабубенбергу насипали въ ротъ и глаза никотинового табаку; у атамана Табибовца вырыли сердце. Раженія прибывающіе казаки даже не хотели дать мѣста на общемъ кладбище для похоронъ убитыхъ изъ же руками: они требовали, чтобы убитые были лишены церковного отпілія и погребены изъ степи на склонѣ хищника-зверя.— Вотъ до какого звѣрства можетъ дойти человѣкъ, подъ влияніемъ алобы и при отсутствіи ил. сердца страха Божія!—

(*) Правый притокъ Тура, протекающій сть южной стороны Туранской и впадающій въ Уралъ недѣлѣ 1-й съѣздъ.

Нужны были споры и строгія мѣры для удержания бунтовщиковъ. Изъ Оренбурга было отправлено въ Янтарный городокъ генераль-майоръ Фрейманъ, по гдѣ 3000 войскъ; попытка казаковъ воспрепятствовать истинному Фрейману въ городъ не удалась. Начались разыски, пытки и наказанія виновныхъ; многие разбѣжались по хуторамъ и на р. Узекъ; местные тирымы были переполнены. Казаки присмирѣли, по то было затишье передъ грозой: въ сентябрь 1773 г. изъ войсковыхъ предѣлъ появился донской казакъ Емелька Шугачевъ, называвшій себя Петромъ III, и Иницкіе казаки — народники присоединились къ нему. Еще же года продолжалась борьба правительства съ Шугачевымъ и его сообщниками; наконецъ сами же Иницкие казаки выдали Шугачева изъ рукъ законной власти, въ 10 января 1775 г. самозванецъ былъ казненъ въ Москве, при громадномъ стечении народа.

Мы устремимъ, что еслибы въ это время управляемъ Оренбургскимъ краемъ Неплюевъ, онъ не допустилъ бы Иницкихъ казаковъ не до братобойственной инциарской рѣзы, но до участія ихъ въ Пугачевщинѣ: онъ скорѣѣ изловилъ кровожадного вороя и обратилъ ему приличии.—Для совершившаго забесія кровавыхъ прошествий въ Иницкихъ войскахъ Императрица Екатерина II, по совету Г. А. Потемкина, 15 января 1775 г. подписала изъ Царскосельского указъ о переименовании Иницкаго Урала, Иницкаго города — въ Уральскъ и Иницкихъ казаковъ — въ Уральскихъ. Такимъ образомъ, самоуправление, своеольство и самое имя Иницкихъ казаковъ сдѣлились лишь достоинствомъ истории Русского народа, служившаго несокрушимымъ оплотомъ королевы и самодержавной власти своихъ законныхъ государей.

безпорадки и т. Янцоюъ войскъ, казаки и 1771 г. безпрепятственно перешли чрезъ Иксъ и бѣжали въ Китай. Киргизы, нападая на казаковъ, отнимали у нихъ скотъ, увозили въ цѣль и убивали ихъ, такъ что до Китая дошло не болѣе половины всего числа бѣжавшихъ казаковъ. Между тѣмъ казаки соорудили внутренніе башни въ Янцоюъ войскъ усилились до того, что въ январь 1772 г. въ Янцоюъ городѣ вспыхнула кровавая междуусобная борьба: опьяненные злобой казаки убили своего атамана Тамбопцева; изрубили саблями генераль-майора Траубенберга; самимъ безжалостною образомъ лишили жизни дьяка Сугтина и писара Югунова,бросивъ потомъ ихъ трупы въ р. Чаганъ⁽⁷⁾; изуродовали капитана гвардии Дурюнова; переранили и умертвили животныхъ стариковъ и простыхъ казаковъ, сторонниковъ стараго и въской партии; имущество и дождь убитыхъ было разграблено; дѣлъ Слѣдственной Комиссіи уничтожены. Забывъ страхъ Божій, бритонщики, остервеневшись какъ дикие звери, надругались даже надъ жертвами своей жестокости: убитые были разделы и разуты; генералу Траубенбергу насыпали въ ротъ и глаза исподътильного тѣбаку; у атамана Тамбопцева вырвали сердце. Рассвирѣтѣніе казаки даже не хотели дать места на общемъ кладбищѣ для похороненія убитыхъ ихъ же руками: они требовали, чтобы убитые были лишены первоначаго отпѣванія и погребены въ степь на същеніе хищныхъ звѣровъ.— Вотъ до какого зкѣства можетъ дойти человѣкъ, подъ влияніемъ злобы и при отсутствіи въ сердцѣ страха Божія!—

(7) Правый притокъ Туры, протекающей съ западной стороны Уральска и впадающей въ Уралъ недалѣ Каспійской рѣки.

Нужны были скорая и строгая мѣры для усмирения бунтовщиковъ. Изъ Оренбурга было отправлено въ Яицкій городокъ генералъ-майоръ Фрейманъ, во главѣ 3000 всадовъ; попытка казаковъ воспрепятствовать вступлению Фреймана въ городъ не удалась. Начались разные, пытки и наказания невинныхъ; многие разбегались по хуторамъ и на р. Узени; избѣгшихъ тюремы были переселены. Казаки присягнули, но то было застѣнное передъ грозой: въ сентябрѣ 1773 г. изъ войсковыхъ предѣлъхъ появился донской казакъ Емельян Пугачевъ, издавший себя Петромъ III, и Яицкие казаки — вародники присоединились къ нему. Больше года продолжалась борьба правительства съ Пугачевымъ и его сообщниками; изгонецъ самъ же Яицкие казаки выдали Пугачева изъ рукъ законной власти, а 10 января 1775 г. самозванецъ былъ казненъ въ Москве, при громадномъ стечении народа.

Мы убѣдимъ, что еслибы изъ этого времія управлять Оренбургскимъ краемъ Неплюевъ, онъ не допустилъ бы Яицкихъ казаковъ ни до братобойственной заварыской рѣзы, ни до участія ихъ въ Пугачевщинѣ: онъ скоро бы издохнулъ кровожадного порока и обратилъ ему кралишки. — Для совершенного забвѣнія кровавыхъ пропащостей изъ Яицкого войска Императорша Екатерина II, по соизѣту Г. А. Потѣхина, 15 января 1775 г. подписала въ Царскомъ Селѣ указъ о переименованіи р. Иика въ Ураль, Яицкаго городка — въ Уральскъ и Яицкихъ казаковъ — въ Уральскихъ. Такимъ образомъ самоуправление, своеольство и самое имя Яицкихъ казаковъ стыдилось лишь достоинствъ исторіи Русского народа, служившаго несокрушимымъ оплотомъ порядка и самодержавной власти своихъ законныхъ государей.

Пронеслись, какъ ураганъ, и Пугаченцова, и сквозь начались работы надъ устройствомъ опустошенаго и разоренного края. Пребеники Неплюева стали изучать его дѣятельность: читали его распоряженія, прокты, мѣдальи и др. бумаги, которыхъ посыпало время, и старались подражать Неплюеву въ своихъ дѣятельностяхъ. Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ 2-й⁽¹⁾, членъ пособенскому и провинтии Неплюева, замѣтилъ: «Мы же не можемъ выразить того, о чёмъ когда-то помышляла Неплюева. — Замыслы якобы Неплюева и членовъ его якою-то, но могу не поддаваться обличию Неплюева и желалъ бы исподлинъ его золото»⁽²⁾. Князь Григорій Семеновичъ Водконекій, вступивший въ управление Оренбургскій краевъ въ 1803 г., особенно благоговѣялъ передъ трудами, умомъ и заслугами Неплюева. Желающій вспомнить о немъ изъ Оренбургскаго края, Водконекій задумалъ открыть въ Оренбургѣ особое учебное заведеніе и назвать его Неплюевскимъ. Съ этого цѣлію Водконекій обратился къ общественной благотворительности и, къ величайшему своему удовольствію, отовсюду встрѣтилъ самое живое此刻іе и готовность помочь добруму дѣлу. Скоро явились и пожертвованія деньгами: варка И. И. Неплюева, тайный советникъ Иванъ Николаевичъ Неплюевъ⁽³⁾ возвращатель на употребленіе училища 10000 рублей, жена статского советника Иракла Ильинича Бекетова

⁽¹⁾ Сухтеленъ 2-й, губернатор Оренбургской губерніи въ 1828—1833 г. въ звании отъ гайдаровъ, первые посланы отъ императора изъ города Екатеринополя царя на Оренбург.

⁽²⁾ Былъ Назаръ Давидовичъ Боденецъ отъ первой жены Татьяны Федоровны Миркурей, генерала-губернатора Минской губерніи и членъ Государственного Совѣта, умеръ 4 марта 1822 г. См. дальше изъ «Родословія» стр. 222.

5000 руб., надворный советник Новосильцевъ 1000 р., жене статского советника Екатерина Ильинская Козицкая 1500 руб., ростовскій купецъ Николай Александрович Кекинъ 500 руб., отъ четырехъ мещанскихъ купчонокъ и отъ пятиго башкирскаго 1806 р. 36 коп. Собралъ такимъ образомъ изъ первый же годъ свыше 20000 руб. на трехгодичное училище, въ память Неплюева. Въ листѣ письма 1806 г. посыпалъше донесъ Государю Императору Александру Первому: „Трехгодичное пребываніе мое въ Оренбургской губерніи и наблюденіе надъ народами, обитающими въ Военномъ озерахъ тщательно упрекомъ управлению моему гравѣ, подали мнѣ довольно способность къ упраздненію ихъ душевныхъ способностей и нравовъ. Казаки Оренбургскаго войска, башкиры, татары и монголы и побѣжденныя ими народы, пытаются природными дарованиями душевная, не устремлены, но нравы грубые. При каждомъ удобномъ случаѣ обнаруживается въ сихъ людяхъ склонность къ переносчивости; но и доказать способности ихъ невозможно, такъ какъ склонность къ проникновенію въ жизнь сихъ образованіи народовъ, между тѣмъ какъ во всей Россіи суть просвещенія различаются съ полной быстротой. Сострадая о такомъ положеніи сихъ народовъ, погруженныхъ отъ началь своего происхожденія въ нищету, я осудилъся. Всемилостивѣйшій Государю, предложить средства къ образованію сихъ ученыхъ земедѣльцевъ въ г. Оренбургѣ училища подъ наименіемъ Неплюевскаго, и въ седьмь памятній сообщить предпріятіе мое наилучшимъ особамъ, которые уже и пожертвовали на сіе заседеніе слишкомъ за 20 тысячъ рублей. Ихѣ счастіе. Возподавшійше представить на

Высочайшее Вашего Императорского Величества благороднотѣрпіе явили сену училищу, основанію якоимъ Высочайшаго дозволенія названъ оное именемъ Николаевъ, подъ основаниемъ Оренбургскаго края, како до сихъ поръ еще исполненіемъ о полномъ сей области и называнъ его жено въ сердцахъ трубыахъ, по благородству породы. Но всеглубочайшемъ благоговѣніи поднюю у сего спасить особь, благородившихъ на сіе заведеніе, и ссылаясь повергнуть ихъ Всемилостивѣнному Вашему Императорскому Величеству поклонъ. Ежели планъ сей удостоится Высочайшаго утвержденія, то благоволите. Всемилостивѣйший Государь, позволить взять для занятия учительскихъ должностей изъ воспитанниковъ Казанскаго военно-сиротскаго отдѣленія способившихъ, а тъ изъ гарнизона изъ Оренбургскаго гарнизоннаго полка* (*).

Волконскій проектировать открыть училище съ шестилѣтнимъ курсомъ, при трехъ отдѣленіяхъ, для казенныхъ и своихъопитныхъ учениковъ; число первыхъ было определено ить 40 чл., число же послѣднихъ не было ограничено. Кроме наукъ, предположено было обучать воспитанниковъ первою фзѣ, метанию стрѣль и коней. Лучше изъ учениковъ должны были получить на экзаменѣ похвальные листы, а кончиши съ учѣхъ полный курсъ, по плану Волконскому, могли быть запущены изъ заведенія съ чиномъ хорунжаго, если они были русскіе, и изъ чинѣ сотника, если они были башкиры и другіе инородцы. На содержание 40 чл.

(*) Ежикъ изъ польской разны, разные виды и другіе напрѣдѣльны, требуютъ. Былъ предложенъ вадетскаго курсу, сообщенъ въ патентъ Оренбургскаго генералъ-губернатора С. И. Севастьянскому, которому въ приложении къ первому изъ вспомнилъ благодарность.

классныхъ учениковъ было насчитано 1500 руб., въ тойъ полагая по 37 р. 50 коп. на каждого ученика; на жалованье учителямъ, индивидуально, повару и прочь — 900 руб.; отопление и освещеніе были отнесены на счетъ зицоміи отъ содержания учениковъ, именно на остатки отъ ихъ обеднедорожки. Для постройки училища предполагалось отвести одно изъ свободныхъ классныхъ зданій; училище должно было находиться на землѣ Пограничной Комиссіи, подъ глашаніемъ надзоръ начальника края. Между тѣмъ пожертвованія на училище не прекращались и поехъ, такъ въ 1807 г. Волинскій получилъ еще 4500 р., а именно: отъ статского советника Николая Алексеевича Дурасова 1000 р., отъ жены коллежскаго ассесора Дарьи Ивановны Шамковой 1000 р., отъ московскаго гражданина Казауфъ 1000 рублей, отъ петербургскаго купца Василия Алексеевича Злобина 1000 р., отъ московскаго купца Михаила Павловича Губина 500 рублей.

Въ 1808 году уроженъ коллежскаго ассесора Екатерины Иглиной бывъ купцемъ за 1200 руб. земль для начальника будущаго училища, а въ 1809 году оренбургскій посыщикъ калворской солдатки Тузаковой дать на постройку зданія подъ училище 5000 руб. Всѣдѣ за тѣмъ купецъ В. А. Злобинъ пожертвовалъ подъ училище деревянный двухъ-этажный домъ, находившійся противъ Троицкой переки на Неплюевской улицѣ, въ Оренбургѣ, гдѣ послѣдствія поѣхавшаго первый зекадронъ Неплюевскаго кадетскаго корпуса, а нынѣ находится зданіе Оренбургской женской гимназіи. Домъ Злобина бывъ оцененъ въ 3500 руб. и въ 1811 году проѣхать отъ него Пе-

границої Комиссії, которая назначила для его отравы особый кирпичъ изъ трехъ фортштадтскихъ кахаръ и предписала городничему Потапину не занимать его подъ кахары. Волконскій измѣнилъ этотъ донъ довольно нетакъ и потому проинталъ за лучшее продать его за 3000 руб. женѣ коллежскаго ассессора Маріи Феофаніи Секретаревой, пытаясь виду построить подъ училище новое зданіе.

Не довольствуясь частными докторованиеми и ходь возводягнуть достойный памятникъ Ив. Ив. Неплюеву, кнжн. Г. С. Волконскій просилъ еще на устройство училища 40000 руб. изъ казны; во изяществе Наполеона изъ Русь съ 600-тысячной арміей и страшная Отечественная война 1812 года помѣшили этому; въ виду опаснаго положенія Россіи, заботы объ ее образованіи и внутренней преуспѣшности были отложены до болѣе благоприятнаго времени. Оставляя Оренбургскій край въ 1817 г., кнжн. Г. С. Волконскій сообщилъ Пограничной Комиссії, что капиталь на устройство Неплюевскаго училища возрастъ до 38386 рублей, считалъ въ томъ числѣ и 6678 руб. 17 коп. процентовъ, вырученныхъ по ссудамъ частнымъ лицамъ изъ этого капитала. Такъ кнжнъ образумъ первоначальную мысль объ устройствѣ въ Оренбургѣ Неплюевскаго училища, какъ достойнаго памятника Неплюеву, принадлежитъ всецѣло кнжну Григорию Семеновичу Волконскому, одному изъ образованѣйшихъ людей своего времежа. Волконскій не только первый задумалъ это полезное дѣло, но и сдѣлалъ для него все, чтобы училище изъ недалекомъ будущемъ было открыто,—и, къ счастiu жителей Оренбургской губерніи, труды его увенчались успѣхомъ:

2 декабря 1825 года в Оренбургѣ было открыто женское училище съ наименованиемъ его Неплюевскій, та честь и память, ~~затѣмъ~~ ^{затѣмъ} Оренбургскаго устроителя Оренбургскаго края, Ил. Ил. Неплюева.— Такъ появляется Господь добрый намѣрѣніемъ.

Въ теченіе своего многолѣт资料 существованія, Неплюевское училище подвергалось различнымъ преобразованіямъ и вслѣдъ рѣшеннія царствія: сначала оно называлось *Неплюевскимъ Богословскимъ Училищемъ* (1825—1844 г.), потомъ — *Неплюевскимъ Кадетскимъ Богословскимъ Училищемъ* (1844—1868 г.), *IV Неплюевскимъ Богословскимъ Училищемъ* (1868—1869 г.), *Неплюевской Военной Полицейской Школой* (1870—1882 г.) и наконецъ съ 1882 г. снова — *Неплюевскимъ Кадетскимъ Богословскимъ*, оставивъ съ этимъ наименованіемъ и до сихъ. Сначала Неплюевское училище было открыто въ скромномъ деревянномъ домѣ, потомъ поѣхалось въ тень коридоръ, где выѣхѣ — женская гимназія, а изъ 1872 г. оно было переведено въ грандиозное каменное зданіе, отстроеннѣе для него на Кирсановъ-Сарайской площади. Въ новомъ зданіи Неплюевского корпуса имеется до-
зовая церковь, то имена Обновленія храма Воскресенія Христова изъ Йерусалима, освященная въ 1872 году 17 сентября преосвященнѣемъ Митрофана, епископа оренбургскаго и уральскаго, а послѣдствіемъ архипископа новочеркасскаго. Погребеніе докладной церкви Неплюевского корпуса съѣдлое, просторное и чистое; при первомъ избѣгается особая библиотека, включающая въ себѣ до 700 насл. книгъ духовно-образовательного содержанія. Въ алтарѣ храма хранится изумительный памятникъ первоклассной древности: икона св. походной иконы Воскресенія Христова, пожал-

лошаний Петровъ Великимъ его крестнику князю-
кому тайдигу Бакендей-Дорджи, а по крещении Петру
Петровичу Тайшину¹). а также—антинись, потиръ,
изгаша, кроить и др. первоныятъ принадлежности
этого походнаго храма.

Первымъ директоромъ Неплюевскаго училища бытъ
Григорій Феодоровичъ Генсъ²) (1825—1832 г.),
служившій позже предсѣдателемъ Погранчной Ком-
мисіи, въ вѣданіи которой и находилось Неплюевское
училище до 1862 г., за нынѣ служившій полковникъ
Ахторовъ (1832—1833 г.), Иларіонъ Михайловичъ
Марковъ³) (1833—1848 г.), Михаилъ Сергеевичъ
Шиловъ⁴) (1848—1862 г.), Петру Логиновичъ
Энгельже⁵) (1862—1865 г.), Павелъ Васильевичъ
Донерщикова⁶ (1865—1876 г.), а въ настоящее
время директоромъ Неплюевскаго юдитскаго корпуса
состоитъ генераль-майоръ Феофилъ Матвеевичъ Саво-
цкий⁷, занимавшій эту должность съ 1876 года.
Не мало начальниковъ Неплюевского корпуса полныхъ
дѣятелей, которые потрудились и трудятся на родной
намъ; имена ихъ историѣ изъ нихъ также интересутся
съвременіемъ на страницы отечественной истории. Воини-
ты изъ духовъ Св. Православной Церкви, изъ членовъ

¹ См. выше стр. 224.

² Г. Ф. Генсъ, по откликѣ изложилъ его зему, былъ очень образованый членъ и любитель искательствъ истории. Во Фрайбургской городской библиотекѣ доныне хранится часть его рукописей (о погранѣ), захваченныхъ изъ сей земли во времена Фрайбургскаго края.

³ И. М. Марковъ скончалъ съ товари., старосты избранной изъ Фрайбурга въ 1848 году.

⁴ И. С. Шиловъ изъ земли изъ С.-Петербурга въ 1839 году.

⁵ И. Л. Энгельже, тоже крестьянинъ, изъзвѣданъ директоромъ изъ земли изъ П. В. Донерщикова; изъ Фрайбурга въ 1865 году. И. Л. Энгельже скончалъ изъ Фрайбурга.

безпредѣльной преданности Царю и Отечеству и въ пра-
вильныхъ лѣжливости и благородства, ученики Неплюев-
скаго корпуса уносятъ съ собою въ жизнь самыя
отрадныя и благодарныя воспоминанія о своихъ воспи-
тителяхъ и о времени пребыванія ихъ въ гимназіи.
Искреннія товарищескія отношенія, зараждающіяся
еще въ корпусѣ, не оставляютъ кадетовъ и послѣ:
начиная съ 1886 года и е п л ю е в ц и ежегодно собираются 15 января на общей товарищеской обѣдѣ, где
все бываютъ напротивъ по-кадетски; самъ обѣдъ за-
чищается общими пѣснями политы: „Очи ясны по
Ти, Господу, умножомъ“². Какъ это напечено въ кор-
пункѣ. На этихъ товарищескихъ обѣдахъспоминаются
бывшія времена, дорожка для кадетовъ линъ, минувшіе
порадки, пораженія и увлечения молодыхъ лѣтъ и благо-
родныя стремленія юности во время нахожденія въ Н е-
плюевскомъ корпусѣ; здесь же безъ всякой пра-
вущеннности, по-товарищески, по-братьски, происход-
дить обмѣнъ мыслей и взглядовъ между старшими,
среднихъ лѣтъ и младшими е п л ю е в ц и м и , — сло-
вомъ, все дорогое и искру сердцу, что только соз-
наніе учениковъ есть ихъ заведеніе, такъ-бы перекли-
калось на этихъ собраніяхъ иное.

Начиная съ 1823 г. ика Ив. Ив. Неплюева съ-
лѣдилось издавать и въ ей образованной Россіи: и.
„Отечествен. Запискахъ“³ появляется „Записки“
Некрасова, которая въ 1871 г. въ болѣе полной видѣ
сочинѣ были напечатаны Л. Н. Майковичъ (бра-
тость поэта А. Н. Майкова) въ „Русскомъ Архивѣ“⁴.—
Въ марте 1873 году въ Уральскомъ Войсковомъ Со-

²) Изъ 1821, 1824 и 1825 годовъ.

³) См. стр. 677—694.

живший Петрою Великимъ его крестнику — князю-
кому тайдигу Бассадай-Дордже, а по крещеніи Петру
Петровичу Тайшишу¹⁾, а также — античность, потиръ,
издѣлія, крестъ и др. первоначальная принадлежность
этого походного храма.

Первымъ директоромъ Неплюевскаго училища бывшъ²⁾
Григорій Феодоровичъ Генсъ³⁾ (1825—1832 г.),
служившій потомъ предсѣдателемъ Петроградской Ком-
иссіи, въ вѣдѣніи которой находилось Неплюевское
училище до 1862 г., за него слѣдовали: подполковникъ
Ахтюровъ (1832—1838 г.), Иларіонъ Михайловичъ
Марковъ⁴⁾ (1838—1848 г.), Михаилъ Сергеевичъ
Шиловъ⁵⁾ (1848—1852 г.), Пётръ Логиновичъ
Энгельсъ⁶⁾ (1852—1865 г.), Павелъ Васильевичъ
Демерциковъ (1865—1876 г.), а въ настоящее
время директоромъ Неплюевскаго кадетскаго корпуса
состоитъ генераль-майоръ Софроній Матвеевичъ Саво-
пійтъ⁷⁾, занимавшій эту должность съ 1876 года.
Не мало изъ Неплюевскаго корпуса выдѣлывались
дѣятели, которые потрудились и трудятся на родной
школѣ; имена некоторыхъ изъ нихъ также занесутся
сопрѣемствомъ на страницы отечественной истории. Воспоми-
нанія о нихъ, о духѣ Св. Православной Церкви, о честной

¹⁾ См. выше стр. 132.

²⁾ Г. Ф. Генсъ, до отставки назначить его лейбъ, былъ очень образованій членъ въ любительской исторіи. Во французской
городской Общественной библиотекѣ доселе хранится часть его рукописей
(3 тома), различающаяся изъ личныхъ изъ истории Оренбург-
ского края.

³⁾ И. А. Марковъ скончался отъ малярии, спарвированной
во французѣ въ 1848 году.

⁴⁾ И. С. Шиловъ скончался въ С.-Петербургѣ въ 1858 году.

⁵⁾ И. Л. Энгельсъ тоже, временно покинувши должность ди-
ректора до назначения И. А. Демерцикова; изъ сентябрь 1865 года.
И. Л. Энгельсъ скончался во французѣ.

беспрѣдѣльной преданности Царю и Отечеству и въ превысшѣйѣсканности и благородствѣ, ученики Неплюевскаго корпуса уносятъ съ собою въ жизнь самыя отрадныя и благодарныя воспоминанія о своихъ поспѣтствахъ и о временахъ пребыванія ихъ въ заведеніи. Искренно товарищескія отношенія, зарождающіяся еще въ корпусѣ, не оставляютъ кадетовъ въ послѣднинеъ съ 1886 года и еплюѣ въ цѣлѣгодинѣ обиражаются 15 января на общій товарищескій обѣдь, гдѣ все бываетъ напресто, по-кадетски; съмнѣй обѣдь начинается общими пѣсень молитвами: „Очи стеки же Ти, Господи, умоемъ“¹, какъ это звѣдено въ корпуетѣ. На этихъ товарищескихъ обѣдѣахъ вспоминаются бывшія преграды, дороги для кадетовъ личн., минувшіе ворота, пороги и удачнія молодыхъ лѣтъ и благородныя отрицанія юности во времена нахожденія въ Неплюевскомъ корпусѣ; здесь же безъ всякой принужденности, по-товарищески, по-братьски, происходятъ обѣзнь мыслей и ингандонъ между стариками, срединъ лѣтъ и молодыми еплюѣ въ цѣли, — блаженность, все дорогое и милое сердцу, что только средило учениковъ съ ихъ заведеніемъ, какъ-бы перезваниется на эти собранияхъ иновъ.

Начиная съ 1823 г. имя Ив. Ив. Неплюева сѣть-мѣсяцъ изобрѣтилось въ всѣй образованной Россіи: въ „Отечествен. Запискахъ“² появилась „Записка ив. Неплюева“, которая въ 1871 г. въ бѣлье полномъ пади сюда были напечатаны: Л. Н. Майковъ и въ (братья поэты А. Н. Майковы) въ „Русскомъ Архивѣ“³. — Въ марте 1873 году изъ Уральскаго Военномѣста Со-

¹) За 1822, 1824 и 1825 годы.

²) См. тир. 677—692.

брани было прочитано и ять публичных лекций о Неплюевѣ преподавателемъ исторіи и географіи изъ Уральской военной гимназіи В. Н. Витенскимъ, которые потомъ были напечатаны, по желанию писавшаго этилія Уральскаго казачьаго войска, покойнаго Н. А. Веревкина, изъ „Уральскихъ Войсковыхъ Ведомостей“^(*) и частично перепечатаны изъ „Оренбургскихъ Губернскихъ Ведомостей“^(*), согласно предложению оренбургскаго генералъ-губернатора, покойнаго Николая Андреевича Крыжановскаго. Въ день столетней годовщины, со дня смерти И. И. Неплюева, 11 ноября 1873 года, весь Оренбургскій край вошелъ въ упоминаніе его души: изъ этой земли — Оренбургъ, Уфы, Троицкъ, Урадскъ, Гурьевъ и другихъ мѣстахъ была отслужена глубокоявная литургія съ панихидой по И. И. Неплюеву. Въ оренбургскомъ кафедральномъ соборѣ литургію и панихиду совершилъ преосвященнай Митрополитъ, изъ сослуженій городскаго духовенства, и протоіерей о. Семеновъ произнесъ праличное случаю слово на текстъ: „Благодаря Господи мы смирились съ смиреніемъ скромна, пока имѣмъ его. Мужъ премудра не возненавидитъ законъ. Жаромъ мужа пронзилъ ярлыкъ, и наложилъ его падбесникъ будущий“^(*). Маститый законоучитель Неплюевской военной гимназіи о. протоіерей Сахаровъ, бывшъ лекторъ изъ домовой первичной корпуза, также сказалъ глубоко-прочувствованное слово на изрѣченіе Иисуса сына Сирахова: „Ты иска маѧ вѣлы ныребенъ быти, въ плена

^(*) За 1873—1875 годы.^(*) За 1875 годъ.^(*) Европа, сълн. Саратовъ, гл. LXXXIII, ч. I, кн. 2, XXXV, ч. 6.

нагъ житие изъ рода. Примѣръ изъ похода да-
де, и нахому изъ имения церкви" ('). Въ ураль-
ской Александро-Невской соборѣ, куда собрались на
литургію и панихида всѣ гражданскіе и воинскіе чины,
литургія и панихида были совершены старѣйшимъ про-
тотеатрь собора Алексѣемъ Парменовичемъ Добров-
олюбивымъ, изъ соклужащихъ съ прочими духовен-
ствомъ городскаго Перкѣбѣ, причемъ священникъ
о. Евладовъ поминомъ предстоявшихъ съ жизнью
и ходутами Неплюева по устройству Лицаго казачьаго
полка. Послѣ божественной литургіи, быть произведенъ
парадный смотръ и разводъ войскъ. Въ тотъ же
день оренбургскій генералъ-губернаторъ покойный
Николай Андреевичъ Крижановскій, особенно
чтимый память Неплюева, подать имѣлъ обѣ устрой-
стѣ въ Оренбургѣ нового собора, который теперь
и подвизается на Карлсъ-Сарайской площади, обѣ-
шалъ быть однѣмъ изъ лучшихъ украшений города.

Въ 1893 г. исполнится 150 лѣтъ со дня основа-
нія настоящаго Оренбурга, а 5 ноября того же года —
200 лѣтъ со дня рожденія И. И. Неплюева, — и мы
уверены, что жители Оренбургскаго края, по всемъ его
прежнему состоять, снова возложатъ своего благодѣтеля,
зашитника и устроителя, созидающаго этотъ день ка-
какъ-либо добрымъ дѣломъ, достойнымъ почтенней-
шей памяти Неплюева.

Выражая искреннее желаніе, чтобы Россия не оску-
дѣяла такими тихими, сердечными и религиозными
тружениками, какимъ былъ вычноизмѣтный Илья,

(') Гл. АЛГ. ст. 13—14. № 69. «Что было издано въ Оре-
нбургѣ Епархиальнымъ Издательствомъ». См. № 12 за 1873 г. и № 1 за
1874 года.

Иванович Неплюевъ, за не сбывающимся и въ томъ, что память о немъ никогда останется изъ сердца его согражданъ, и что жители Оренбургскаго края никогда не забудутъ его изъ своихъ золотыхъ. — Миръ праху твоему, честный, умный и преданный слуга Русскихъ Царей и Отечества, и Царство Небесное многотрудившееся душъ твой, глубокогрующій христианить и здѣшній членъ Св. Православной Церкви!

железной ограды "М" линии" — дворцами "Богдановы" и "Симоновы" (одна из них входит в состав музея). С 1727 года в Богоявленской церкви находился иконостас с иконами, привезенными из Успенского собора Кремля в Москву в 1708 году. В 1727 году в Богоявленской церкви был установлен иконостас, а в 1730 году — алтарь. В 1730 году в Богоявленской церкви был установлен иконостас.

БРАТСКИЕ РОДОСЛОВНЫЕ СВЪДЬБЫ

О ПОТОЧКАХЪ ИВ. ИВ. НЕПЛЮЕВА по прямой линии.

1) Дѣти Ив. Ив. Неплюева.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ былъ женатъ два раза: первой его женой была, какъ мы знаемъ, Федосья Осодоровна Татищева⁽¹⁾, а второй — Анна Ивановна Павлова⁽²⁾. Федосья Осодоровна вышла замужъ за Ивана Ивановича 9 сентября 1711 года, а скончалась 4 декабря 1740 года⁽³⁾; естественно, была въ замужествѣ болѣе 29 лѣтъ. Анна Ивановна Павлова жила съ мужемъ не болѣе пяти лѣтъ. Отъ первой жены Неплюевъ имѣлъ четырехъ дѣтей: три сына и три дочери, отъ второй жены дѣтей не было.

Старій сынъ Неплюева Адрианъ Ивановичъ, родившись въ Поддубье 19 августа 1712 г., скончался 8 декабря 1750 г. въ Константинополѣ, где онъ служилъ русскимъ посломъ, и похребетъ въ Бухарѣ-Дере. Адрианъ Ивановичъ Неплюевъ былъ канониромъ ордена Св. Александра Невскаго.

Старшая дочь И. И. Неплюева, Марья Ивановна, родилась 14 июня 1714 г. въ Поддубье, скончалась 31 июня 1769 г. въ С.-Петербургѣ. Она была въ замужествѣ заице-адмираломъ Воиномъ Яковлевичемъ Рижскимъ-Кор-

(1) См. выше стр. 4, изъ "Истории церкви", въ 1871 году.

(2) См. стр. 27 къ 21.

(3) По другимъ сведениямъ 1717 г.

саковыиъ, кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго, родившися 4 июля 1792 г. и умерший 30 июля 1767 г. Оба (мужъ и жена) погоречены на Лазаревскомъ кладбищѣ Александра-Невской лавры. У нихъ были дѣти: Александръ, умерший 16 июня 1767 г., Иванъ, Петръ и Марія Варвара, которая была изъ имуществъ за спасеніемъ ссыпаныя Зубовыми; Марія Варвара избѣгла изъ императорши.

Дальѣ у И. И. Неплюева събирали дѣти: Иванъ и Марія Ивановны, родившися въ Подгубье и тамъ же, распавшись первыи скончался 7 лѣтъ, а вторыи вскорѣ послѣ рожденія. Послѣдними дѣтьми И.И. Неплюева были дочь Анна и сынъ Николай. Анна Ивановна родилась изъ Константиновъ въ 1739 г., скончалась въ 1790 г., будучи уже вдовою действительнаго тайного советника Михаила Киприановича Лунинъ, президента Камер-Коллегіи и кавалера ордена Св. Александра Невскаго. Ихъ сынъ Михаилъ Михаиловичъ Лунинъ былъ избѣженъ, такъ какъ имѣлъ фрактюру.

Николай Никитичъ, послѣдний сынъ И. И. Неплюева, родился также изъ Константиновъ въ 1731 г., скончался 24 мая 1784 г. въ С.-Петербургѣ въ домѣ, гдѣ погибъ похищенный Уильямъ Правдингвиа. Сенаторъ и кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго, онъ былъ женатъ, также и его отецъ, два раза: первою же женой была тишка Татьяна Феодоровна Мещерская, дочь С.-Петербургскаго обер-аммандрата, князя Феодора Васильевича Мещерского, правнучка боярина Артамона Серебреннаго Мельцера. Татьяна Феодоровна родилась въ 1730 году, вышла замужъ 30 мая 1751 г., умерла 20 июня 1755 г. въ Оренбургѣ; гдѣ ея перенесено изъ Подгубье и погребено въ фамильномъ склепѣ Подгубской церкви. Второю жену: И. И. Неплюева Агриппина Александровна Нарышкина родилась 12 мая 1731 г., вышла замужъ 28 января 1760 г., умерла въ С.-Петербургѣ. А. А. Нарышкина была дочь двою-

родного брата Императора Петра Великого, обер-гофмаршала и канонера ордена Св. Андрея Первозванного Александра Львовича Нарышкина от брака же съ княгинею Царицей Марии Матвеевной, графинею Елизаветой Александровной Апраксиной. Вторая жена И. Ил. Николаева изъбыла Статс-Даму Высочайшаго Двора.

II) Дѣти Николая Николаевича Николаева и ихъ воспитаніе Санкт-Петербургъ.

Николай Николаевич Николаевъ изъѣхъ отъ второй жены Т. О. Мещерской троихъ дѣтей: Ивана, Николая и Самисона Николаевичей, а отъ второй А. А. Шариковской — три дочери: Елену, Феодосію и Александру и сына Дмитрия; изъ нихъ Николай умеръ 4 л., а Самисонъ и Феодосія три дочки — въ юности. Старший сынъ И. Ил. Николаева, Иванъ Николаевичъ Николаевъ воспитывался подъ руководствомъ историка Головина и четыре года жилъ съ пѣнкою образованія за границей. Просигдѣтии онъ былъ генераль-адъютантъ при Императорѣ Паолѣ Петровичѣ, министръ генераль-губернатора, сенаторъ и членъ Государственнаго Собѣта. Иванъ Николаевичъ Николаевъ изъѣхъ ордена Св. Александра Невскаго, Св. Владимира Большаго Креста и Св. Георгія Побѣдителя, скончался въ С.-Петербургѣ 6 июля 1823 г., въ возрастѣ изъ фамильной склонъ Поддубской церкви. Онъ былъ женатъ на Статс-Дамѣ Натальѣ Васильевнѣ Самариной, дочери сенатора Василия Николаевича Самарина отъ брака съ княгинею Маріей Васильевнѣ Мещерской. Наталья Васильевна род. 17 сентября 1777 года, изъѣхъ ордена Св. Екатерины Меньшаго Креста, приходится родной теткой Юрию Феодоровичу Самарину, скончалась 10 февраля 1839 г. и похоронена въ одинъ мѣстѣ съ своимъ мужемъ, т. е. въ фамильномъ склепѣ Поддубской церкви.

Дмитрий Николаевич Неплюевъ, сынъ Николая Ивановича отъ второй его жены А. А. Нарышкиной, родился 16 декабря 1763 года, а скончался 18 октября 1806 г., похребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Онь былъ генералъ-адъютантомъ, сенаторомъ, статсъ-секретаремъ, оберъ-прокуроромъ Св. Синода и кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго.

Ш) Дѣти Ивана Николаевича Неплюева и правнуки основателя Оренбурга.

Иванъ Николаевичъ Неплюевъ, шука́ основателя Оренбурга, выѣзъ отъ Н. В. Савариной троихъ дѣтей: Ивана, Адриана и Маріи. Старшій сынъ Иванъ Ивановичъ род. 24 марта 1809 года, а скончался 26 октября 1858 года въ Петербургѣ; похребенъ въ Подлубской церкви. Онь воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ; 28 декабря 1823 года изъ кавалеръ-царскѣй поступалъ въ лейбъ-гусарскій полкъ, корнетомъ и послужилъ до чина полковника. Въ 1834 г. онь продалъ родовѣй домъ въ С.-Петербургѣ подъ Училище Право-рѣдѣнія принцу Ольденбургскому, а 29 июня 1839 г. учредилъ Подлубскій импіоръ. Иванъ Ивановичъ былъ женатъ на баронессѣ Берти Васильевнѣ Дибичѣ, родной племянницѣ генерала-фельдмаршала, графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго. Берта Васильевна родилась 10 декабря 1794 г., скончалась 25 марта 1869 г., 75 лѣтъ отъ рода, въ Мюнхенѣ и погребена на берегу озера Штарнбергъ. Съ 1840 г. она поселилась за границей, жила пѣкоторое время въ Париже, купила莊园ъ въ Некардіи, близъ замка Ширрфельдъ, въ 1854 году перебралась въ Баденъ, проживала тамъ — въ Фельдфицѣ, въ имѣй въ Мюнхенѣ, где и скончалась.

Второй правнукъ Ив. Ив. Неплюева, Адрианъ Николаевичъ род. 28 января 1804 г.; 28 декабря 1833 г. произведенъ изъ кавалеръ-царскѣй изъ корнеты лейбъ-гусарскаго полка;

а 12 апреля 1829 г., преступившись на паровом разводе, скончалась в похороненъ въ Подлубенскій фамильной склепѣ. Её сестра Марія Ивановна род. въ 1804 г., умерла 17 марта 1871 года и похоронена въ церкви Св. Духа въ Александровской Лаврѣ.—Марія Ивановна была из замужества за князя Зильпидиорова. Парфентьевичъ Энгальтическій, другому именинной Татариновой, умер. 20 января 1863 г.

IV) Дѣти №. №. Неплюева, правнука основателя Орловбурга,

Полковникъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ жилъ отъ Берти Васильевны шесть членовъ династии: Николай, Анастасія, Александру, Ивану, Василию и Дмитрию. Старший сынъ Николай Ивановичъ Неплюевъ род. 26 октября 1825 г. въ С.-Петербургѣ, крещенъ въ церкви Успенского Дворца; крестинами его были его родной дядя Адрианъ Ивановичъ Неплюевъ и Софья Юрьевна Сапарова, урожденная Нелединская-Молецкая. Николай Ивановичъ воспитывался въ Швейцаріи и погибъ въ Швейцаріи. Подпропорщикъ; 31 декабря 1844 г. произведенъ въ офицеры и служилъ въ лейб-гвардии драгунскомъ и конно-гренадерскомъ полкахъ. Въ 1863 году былъ избранъ Глуховскимъ уезднымъ предводителемъ Дворянства, а въ 1872—1890 г. состоялъ Черниговскимъ Губернскимъ предводителемъ Дворянства. По смерти своего отца, онъ получила въ наследство Подлубенскій майорат и имение Николы въ Черниговской губерніи, а по смерти матери—имение въ Покарды. Николай Ивановичъ скончался въ Черниговѣ 17 января 1890 г. за чинъ тайного советника и камандоръ ордена Св. Владимира 2 ст.; похороненъ въ Ипполітѣ. Жена Николая Ивановича, баронесса Александра Николаевна Шляппенбахъ род. 17 июня 1827 г.; из замужества—съ 23 апреля 1849 г.; воспитывалась въ С.-Петербургской Екатерининской Институтѣ. Оставивъ сиротой, она жила изъ доходъ своей

бабушки баронессы Марии Сергеевны Шенкенберг, урожденной графини Милорд, траинуки генераль-фельдмаршала графа Бурхарда-Христофора Милорда Александра Николаевича учредила из Черниговской общности при желании гимназии, а въ Глуховѣ — отдельная Красного Креста; въ то же самое время она состояла почетительницей женской гимназии въ Черниговѣ и женской прогимназии въ Глуховѣ.

Наталья Ивановна Неплюева род. въ 1826 г., скончалась 5 августа 1854 г. Она воспитывалась въ Германии; получила во владение село Никольское въ Черниговской губерніи и село Годоватово въ Киевской губерніи. Мужъ ее графъ Кауль фонъ-деръ-Штаденбургъ скончалась 7 февраля 1874 г. Оба (мужъ и жена) погребены на сельскомъ Никольскомъ кладбище.

Александра Ивановна Неплюева родилась въ 1828 году; получила известие Охромѣти Сосницкаго уезда Черниговской губерніи; въ юности была за князя Евдокомъ Семеновича Урусовомъ (его первая жена); скончалась въ 1866 г. и погребена въ истекшемъ Охромѣти.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ род. 3 марта 1839 г., воспитывалась въ Артиллерійскомъ училищѣ, камер-юнкеръ Высочайшаго Двора. Въ пасхѣство отъ отца онъ получилъ Михайловское — Перво въ Новгородской губерніи и земли въ С.-Петербургѣ; служилъ некоторое время Уставщикомъ Уезднымъ предводителемъ Дворянства. Жена его Софья Васильевна Абрамова живетъ во Франціи.

Василий Ивановичъ Неплюевъ родился въ 1833 г., воспитывалась въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ; получилъ изъ наследства известно Чернебайлъ въ Полтавской губерніи; состоять нѣсколько времени Золотопещанскою Уезднымъ предводителемъ Дворянства; впослѣдствіи купилъ имъ земли Селины на берегу Жевенского озера и замокъ Корбьеръ въ Фрайбургскомъ кантонѣ, въ Швейцаріи. Жена его Наталья Петровна Бенъ живетъ въ Венеціи.

Джитрій Іванович Неплюевъ родился въ 1818 году; воспитывался въ Училище Правоохранія; изъ дворянъ Турикова изъ Тверской губерніи; скончался въ 1865 г. въ Пензѣ; тело перенесено было въ Россію и погребено въ селе Туринскомъ. Жена его Александра Ивановна Шмидтъ — дочь И. Ивановича Шмидта, отъ брака съ инженеромъ Софию Владимировной Шаховской; до 1882 года жила въ Италии.

У) Потоки основателя Оренбурга въ У колыть, или его
внукъ и правнукъ.

Николай Иванович Неплюевъ, Черниговский предводитель дворянства, пыталъ отъ брата съ Александрой Николаевной Шлапицкой троихъ детей: сына Николая Николаевича и двухъ дочерей: Марію Николаевну и Ольгу Николаевну.

Николай Николаевич Неплюевъ родился 11 сентября 1851 года въ юбечьемъ Ямполѣ. По окончаніи курса въ 1875 году въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, отъостоявъ съ 1876 — 1878 годъ при Русскомъ Посольствѣ въ Мюнхенѣ; съ 1878—1880 г., оставивъ службу въ Посольствѣ, былъ вольнымъ слушателемъ Петровской Землемѣрской Академіи. Въ 1885 году учредилъ Вадимовскую сельско-хозяйственную школу. Въ 1886 г., послѣ такой болѣзни, совершилъ путешествіе въ Египетъ и Палестину. Въ настоящее время это состоять Почетнымъ Мировымъ Судьемъ и Почетителемъ Вадимовской сельско-хозяйственной школы, при которой пытается устроить домашнюю первовъ и при ней учредить Бригаду. Николай Николаевичъ напечаталъ пѣсьмово сочиненій (¹) и журнальныхъ письмъ (²).

(1) Книги, между прочими, приводимы: 1) Историческое описание русского землемѣра. Москва 1889 г.; 2) Сокращ., Москва 1891 г.; 3) Миссия въ сибирь избранныхъ друзей. Спб. 1892 г.; 4) Листъ настурций. Москва 1893 г. и др.

(2) Для вспомогательной работы изъ стихотворений А. С. Грибоедова.

Его сестра Мария Николаевна род. 24 мая 1853 г. из Тихоньевых убийц Новгородской губернии; 16 октября 1874 г. она вышла замуж за действительного статского советника Михаила Михайловича Уманецъ, финского Новгородского предводителя дворянства и скончавшегося 24 ноября 1888 года; Мих. Мих. Уманецъ покорененъ въ Петербургъ, скончавшись въ Красногвардейской больнице 25 декабря 1888 г.

Ольга Николаевна Некрасова родилась 14 октября 1859 года в селе Борисово Московской губернии.

У Василия Ивановича Неклюева—трое сыновья: Мария, Иванъ и Петра. Марія Васильевна род. въ 1862 г. въ селеніи Чернобай Полтавской губерніи; въ супружествѣ за сына Николая Гавриловича Урусова и т. Иванъ и Петра Васильевны живутъ въ Италии.

Сын Дмитрия Ивановича Неплюева, Никита Дмитриевич воспитывался в Венеции и Риме и женился на альбанке; его сестра Александра Дмитриевна замужем за Андреем Ивановичем Раутским; а другая сестра Наталья Дмитриевна за лейтенантом, статским советником Львом Сорокинским Биркиным.

имеет земли — земли, принадлежащие князю
Льву Альберту — князю в Литве, подчинены им Калужская и
Белозерская земли, земли эти находятся в составе земель
Белозерского княжества в Белозерской земле Калужской
— в Белозерской земле на Белозерском береге — князя Альберта и
в Белозерской земле на Белозерском береге — князя Альберта

Оглавление.

(ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ И ОВЪЕМЪ ГЛАВЪ).

I.

Симъ.

Предки и родители Болотина, его дядята, отрочество, юность
и юнкеты. — Образование Болотина в России и за границей, вос-
приятие из счастья, становясь предъ Петром, Болотин и поступ-
ление на службу. 1—17.

II.

Служба Болотина в Турции при Петре Великомъ и его
премьеры. — Болотин в избрании Болотина в Россию, —
смерть от первой жены и вторичный бракъ Болотина — Бороду-
льевъ Болотинъ из должности главного инженера Балтийской, его
братья, женские антицы, привнесение его независимости и назначение
начальникомъ Финляндского града. — Внутреннее состояніе Фин-
ляндского града предъ предъдѣломъ въ Петербургъ. 18—31.

III.

Предѣлы Болотина въ Скандинавии. — Побѣда при Тифѣ и Орѣахъ. —
Финляндія, построекъ турецкаго пасторального Финляндіи. — Боло-
тинъ лежитъ умершій въ Орѣахъскому граду при Болотинѣ и
занесенъ въ западнорусскіи летописи. — Начало, приступы
и употребленіе Орѣахъскаго пасторального войска. — Созданіе при-
брежескаго губерніи въ Западной Сибири. 32—37.

IV.

Начало, приступы и сраженіе Лихого войска. — Тернов-
чанская земля, земли, земли которыхъ пасторальное Туровское и
также истребленіе приступы и сраженіе Лихого войска. — Принесе-
ние изъ Московскому государству въ Переяславъ Лихого войска какъ
одного изъ видовъ изъ другихъ. — Балтийское, тарасовское и киборгов-
ское изъ Лихого войска. — Водопой. Кругъ и его значение для
войскъ. — Относительность Лихого войска Петра Великаго и, пар-
аллельно, называемъ Балтийскимъ. — Водопой, называемъ
дѣятельствомъ Петра I. — Петровъ, князь изъ него, създатель
и его наследъ. 38—55.

V.

Осп.

Бывшее уездное Нижнекамское лесо. — Продажа Татарской волости из пакету лицу другому и земель. — Продажа земель казакам и татарцам из пакета Нижнекамска. — Уездные Нижнекамские леса при Нижнекамске и употребление их под промышленностью и фермы. — Меры предосторожности со стороны Нижнекамска против высадки Европейцев. — Продажа земель Европейского города и земли империи от Нижнекамска. — Земли Нижнекамска с землевладением Европейца казаков и казаков или из Липецкого войска. — Самарский городок и население его пакет. — Уездное Нижнекамское из внутреннему употреблению Оренбургской губернии. . . . 54—73.

VI.

Продажа Нижнекамска из Европейской деревни в землю Европейской Балгасии. — К. И. Рыбников, действительный состоятельный Нижнекамец. — Нижнекамское из уездного Европейской деревни. — Земли Нижнекамска с внутренним употреблением Европейской деревни. — Существование сторонних его проекта. — Генералитет Гурьевскими утрублев и отдана во владение Европейской деревне оливкового обра. — Отказывание Нижнекамска из старообрядцев в пользу Европейской деревни из прошлого времена. — Составление Европейской Балгасии и Соглашения из проекта Нижнекамска. . . . 73—104.

VII.

Состав и внутреннее состояние Европейской провинции до Нижнекамска и при нем. — Число жителей из Европейской провинции. — Характер стоящих Нижнекамска из Балгасии. — Дома и другие постройки изображаются. — Нижнекамские деревни и близких 30 сел, поданные в составе губерния. — Нижнекамские избушки. — Европейская провинция, ее границы, природа, климат и местами. — Нижнекамские письмена Европейской провинции из сравнения с Европейской провинцией. — Землемеры Европейской провинции русские и немецкие и прочие скотоводы, скот и деревни. — Границы между губерниями Европейской провинции и провинцией почтовые трактиры между Оренбургской и Тюменской провинциями. — Земли Нижнекамска съ различными земельническими боями густыши Европейской провинции и в землях других русских. . . . 104—129.

VIII.

Каганка и переселение его из России. — Начало распространения каганчества среди казаков в окресты Балгасий-Дербета, земли тамо Азов. — Отдание каганчества казаками от каганческим к пограничие Ставрополья из Востока. — Начало каганчества казаками Нижнекамску и это забыть об употреблении для боя и трактирии. — Каганческий казаки-каганчики Чадык-Дербетова и

артильерии галлюмини. — История Денисова и пророк Чубинский. — Общественные заведения, торговые и промышленные — Бакинский край, его состав и обозначение. — История Шахинского Ставрополя и результаты его избраний. — Первые избираторы назначены из Орбубурия в образованье края Бакинской. — Шахинский избиратель из Кетаги 121—125.

IX.

Ставрополь Петра Великого из Средней Азии. — Составление Орбубурской горожанки до изгнания из узурпации земли Некрасова. — Приводимые из России параллели, в отношении к тому же времени года Абдур-Хана. — Прочие и начальные пра-хи между Некрасовом и Абдур-Ханом, когда последний вступил в земли от синая Истры. — Городские горожанки галлюмини в приватных для уединенного развлечения параллели тер-гогии из Средней Азии. — Ставрополь Истры с изображением галлюмини Бакинской. — Приводимые из России Средней горожанкой земли. 126—131.

X.

Заботы Некрасова о районе горожан Орбубурского края. — История Тверской из Орбубурия в пределах земли русской съ параллели и аналогиями. — Начало избиратель горожан из Троицкой провинции. — Успешные тимонники сборки, выезды из земли и горожане галлюмини. — Заботы Некрасова о развитии промышленности из Орбубурского края. — Начало правильной разработки Каскадной соли и открытие Еланской Запади. — Городнические привилегии. — На Борисовата Твердине и становище ее земли Некрасова. — Недоказанные и жалободательные заявки из Орбубурского края при Некрасовой. — Выходы избирательных из галлюмини. — Межеванные боярства Орбубурского края, открытия при Некрасовой. 132—136.

XI.

Бакинский бунтъ в 1755 г. и его руководители князя Бакирия Абдуря. — Бакирюкъ и младший Бакирюкъ съ аналогиями. — Сейбистие пахмиды Бакирюкъ потерянъ ятуль. — Начало бунта и его распространение. — Засудительные высылки Грузинскаго правительства — Мир, правитель Некрасовъ из вогулской земли. — Шахинъ бакирюкъ из парижской стены, ссыпь со стартами, межевый рѣка в землях Бакирюкъ. — Представление Султана Девлета Императорскіи, его сыры, награды сина Девлета и старшаго Девлета Абдуллахага. — Освобождение Бакирюкъ краинскъ и составъ Бакирюкъского дворянства. — Бакирюкъ Бакирюкъ из земли и

Сер.

сверь ю. — Общий взгляд на земли Испании для французского правительства и письмены на это земли Доминикана. 182—192.

ХIII.

三

Професія Шевченка в С.-Петербурзі виникла при Петру III з Імператором ІІ — Петром ІІІ під час війни за австрійську спадщину. — Членами цієї Шевченко в С.-Петербурзі, Польщі та Наддніпрянському — Задовіління земельної приватності — Присвяченість до сина, працювання до старих, почтливі та погребальні функції — Фінанси в Наполеонівські роки — Офіційні відходи на курортне містечко Орбітського краю під назвою Наполеона — Отчизнівські Шевченки що працювали по управлінню Орбітським краєм — Жодні з них відомі як члени Шевченкової родини — Шевченко та його заборіття що сприяли до бреші збройного війська — Наполеонівський підсумок порушило від Орбітського — Празднування стартової години — або для відпочинку Шевченко в прохідницькій розігнаній відраді що для всіх родичів.

Краткое родословное древо + автографы Ил. Ил. Веневитина по правой линии

СОЧИНЕНИЯ

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

1. В. А. Жуковский из сочинений, написанных в частныхъ изъ видѣнія Екатерины Александровны П. Цена 10 коп. Однорядка. Кн. Изд. Иар. Проституція для ученыхъ и любителейъ естествознаній (Жуковскій и Жуковская), разные виды и гравированные гравюры.
2. Таблицы изъ Труда Жуковской изъ сочинений изъ частныхъ изъ видѣнія XVIII и изъ XIX вв. Цена 1 руб. 75 коп.
3. За. За. Бессоновъ въ Брюссельской крѣпѣ изъ времени до 1789 г. Историческая монографія.
Дѣл. I. Съ изображеніемъ герба дворянъ Бессоновыхъ и портрета И. Н. Бессонова съ его факсиміе. Стр. 1 — XII + 176. Цена 1 руб. 60 коп.
- Дѣл. II. Съ изображеніемъ дуги астрографической изъ дворянъ дворянъ Бессоновыхъ-Брюссельскихъ графовъ. Стр. 1 — XVIII + 177 — 358. Цена 2 р.
- Дѣл. III. Съ изображеніемъ астрографической изъ дворянъ Бессоновыхъ-Брюссельскихъ графовъ, сдѣланного по рисунку Петра Бессонова въ подарокъ князю приставу, коллежскому тайнику Бессонову-Брюсселю, а по сренду — Петру Петровичу Талызину. Стр. 1 — XIII + 359 — 618. Цена 2 руб. 60 коп.

10 видов на пасху Иисуса для брандера
также на его иконы Спб.
182—187.

→
Цена 1 руб. 25 коп.

Книги издаются не иначе какъ виньковой бандеролью,
а при значительномъ количествѣ виньковъ—цѣлой по-
сылкой съ напечатаніемъ платямы. Главный складъ изда-
ний у автора (Покровская ул., домъ Викторова) и въ ниж-
ней части магазинахъ А. А. Дубровина (Гостиный рядъ, № 1-6)
и Н. А. Винчкова (Воскресенская, домъ профессора М. Ф.
Болтырева).

